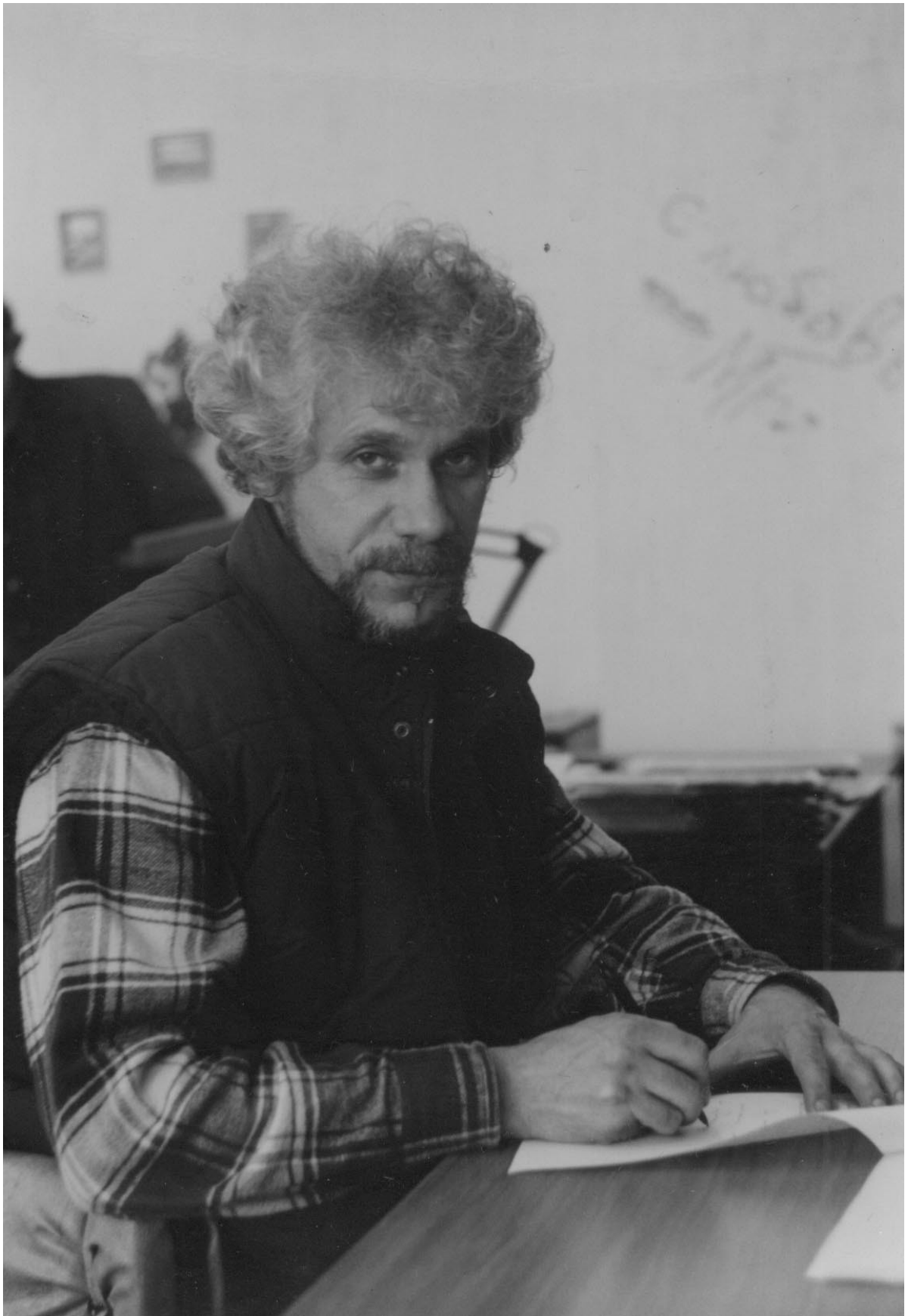

A black and white photograph of a cobblestone street. A puddle in the center of the frame reflects a street lamp, creating a bright, glowing reflection. The cobblestones are dark and wet, with some water droplets visible on their surfaces. The overall mood is somber and atmospheric.

НЕЗНАЕМОЕ

ПОЭЕ

(поэма)

**Н
а фото Игоря Дорохова: А.Гордин во время начала
работы над поэмой (1997 г.)**

Александр Гордин

Посвящается О. В. Гординой

НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ

(поэма)

г. Иркутск – 2019 г.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 – Рус) 4

Гордин А. И.

Г 69 Незнаемое поле (поэма). – Иркутск : типография «Иркут», 2018.
– 150 с.

«Незнаемое поле» – книга журналиста, поэта и писателя Александра Гордина. Действие её происходит в 90-е годы XX века в небольших сибирских городках и посёлках Иркутской области, настоящие названия которых внимательный читатель узнает без труда, хотя они, как и имёна героев, являются вымышленными. В художественной форме, обозначенной автором как поэма, читателю предлагаются размышления об особенностях миропонимания человека, которому природой предопределено быть художником слова – поэтом, но он в силу сложившихся жизненных обстоятельств занимается близким, но всё-таки иным ремеслом.

ISBN 978-5-904740-88-7

© Гордин А. И., 2019

*Каждое человеческое существо
является частицей Вселенной.
Человек своей жизнью*

*вносит свой вклад во вселенский процесс
эволюции и развития...*

Валерий Синельников
(«Тайны подсознания»)

От автора

Звёзды, мерцающие в ночном небе; чудо преобразования солнечных лучей в земные создания; энергии любви и ненависти, способные творить чудеса в жизни человека; обыкновенный таёжный распадок ранним утром, в котором ключья тумана повисли на ветвях лиственниц и кедров; леденящая душу тьма подсознания, рождающая светлые, согревающие сердце образы – всё это и многое другое – тайна тайн, за занавесом которой огромные пытливые глаза НЕЗНАЕМОГО ПОЛЯ. Так называли в древности всё, что недоступно дневному сознанию человека, что не может вымолвиться, пролиться светом в бытие человека, но живо в нём ещё не родившемся или уже ставшем «выводком солнца», или уже превратившемся в танцующую звезду.

НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ есть в каждом из нас. Это подсознание. Его пытливые глаза смотрят денно и нощно в нашу душу. Мы же робеем глядеть пристально в эту бездну, словно боимся, что она нас до времени поглотит. Но именно его запредельное и неизвестное таинство способно превратиться в бесконечную перспективу нашего бытия. Самое яркое доказательство этого – обыкновенный человеческий сон. В НЕЗНАЕМОМ ПОЛЕ сна всё необычно. Иногда мне кажется, что сон – это художественное произведение нашего разума. А подсознание – это некая творческая лаборатория, в которой пишутся мистические шедевры на основе переработки сознанием человека полученного дневного опыта, причём речь может идти не только о процессе его личной земной жизни.

Неясно, этот опыт сегодняшний, вчерашний или принадлежит будущему. Такое ощущение, что традиционные наши представления о бытии как о некотором линейном процессе, протекающем в материальном пространстве и времени, во снах «не работают»... По крайней мере, то, что происходит во сне, может существовать одновременно в прошлом, настоящем и будущем. Так выстраивает художественное пространство автор любого произведения: он стремится охватить в нём свой исторический опыт прошлого, настоящего, – и воображение его устремляется в будущее. И вот, подобно тому, как человек создаёт художественное произведение, зачем-то кто-то или что-то (разум человека или какое-то внешнее сознание) создаёт сны...

Во сне краски насыщенные и яркие. Если уж небо, то лазурное, если вода, то хрустальная. Если уж ночь, то это тьма, поглощающая всё вокруг. И пугающая, и зачаровывающая одновременно. Во снах нет места для полутонов. Это очень контрастное пространство. Там всё: и звуки, и цвета, и образы – гротескное.

Ещё одна примета сна – это параллельное мышление. Точнее, осмысление происходящего одновременно сразу несколькими сущностями, персонализированными в человеке загадочными психофизическими субстанциями, которые он сам на бытовом уровне условно называет разумом, душой, сердцем, сознанием, подсознанием и т. п. Какие бы имена этим дремлющим сущностям ни присваивались, ясно одно: благодаря им происходит персональное, но в то же время многоликое осмысление происходящих во сне событий.

Это может в контексте сна выражаться, например, так: да, я знаю, что это сон, то есть не явь, но это всё-таки некая реальность, в которой я существую в данный момент... Да, ничего страшного не произойдёт, потому что всё происходит во сне, но я очень остро переживаю происходящее, как будто это всё происходит на самом деле. Причём переживаю настолько серьёзно, что если я чувствую наслаждение, то оно полностью поглощает мою сущность, если я чувствую боль, то она ничем не отличается, а даже может быть более реальной, чем боль, которую ощущает мой организм наяву. Если я чувствую, что умираю, то я – умираю, если живу, то я – живу, если возрождаюсь, то – возрождаюсь. И в этом нет, если это происходит во сне, никакой фальши или игры. Там всё по-настоящему, хотя «настоящность» сна, конечно, особенная. Одна из этих особенностей заключается в том, что я могу понимать: происходящее со мной – это сон: другое психофизическое, временное и какое-то ещё НЕЗНАЕМОЕ мной ПОЛЕ – пространство, на которое не распространяются функционирующие в материальном бытии физические законы. Во сне наше тело может летать, приобретать мгновенно различные формы, глядеть на происходящее одновременно с различных точек, расположенных в пространстве, и т. п.

Можно ли умереть физически, т. е. по-настоящему, во сне? Никому не дано этого знать... Но мне кажется, что да. Потому что в нём возможно жить, хотя эта жизнь очень непохожа на наше материальное бытие. Раз там есть жизнь, то там должна быть и смерть, ибо эти два состояния неотделимы друг от друга. Разумеется, ощущение смерти во сне столь же необычно по форме и содержанию, как и происходящей в нём жизни.

Возможно ли во сне возрождение? Духовно-нравственное – безусловно. Такое тайное потрясение, как возрождение духовной сущности человека, пережитое им во сне, может стать толчком к духовно-нравственному преобразованию его личности в явной, видимой другими людьми и им самим жизни. Возможно ли физическое возрождение? Мне трудно на этот вопрос ответить, так как я не

обладаю специальными биологическими знаниями, объясняющими с материальной точки зрения феномен человеческого сновидения. Но моя интуиция (подсознание) мне подсказывает, что сон – это маленькая смерть. Или репетиция смерти, которую мы осуществляем ежедневно. С этой точки зрения, пробуждение – это физиологическое ежедневное возрождение человека.

Интересно также, что, когда я сплю, кроме того, что я контролирую всё происходящее во сне, я ещё и слышу, как «протекает» иная материальная жизнь вокруг моего «сновиденного» (умиротворённого сном) тела: тут кошка прошла, там тикают часы, собака во дворе залаяла, кто-то прошёл по лестнице... и т. п. Иногда мне кажется, что я встаю и осуществляю какие-то действия. Можно предположить, что в это мгновение моё астральное тело покидает меня и живёт некоторое время самостоятельно. Например, мне не раз «снилось», что я встаю и записываю приснившееся мне ночью стихотворение. Это меня на время успокаивало, но потом я с ужасом понимал, что мне это только лишь приснилось, а на самом деле я этого не сделал... С возрастом для меня лично реальность сновидений стала ещё более очевидной и явной: я часто, особенно обращаясь к прошлому своему опыту, не могу отличить, что произошло со мной во сне, а что наяву. В каком-то смысле я заблудился в этом НЕЗНАЕМОМ ПОЛЕ по имени жизнь и нисколько об этом не жалею.

Нам непонятно предназначение сновидений, и это тайное, НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ будоражит наше дневное сознание. Одно очевидно: раз сны существуют, значит, заключённая в них информация, адресованная каждому отдельному человеку, просто обязана иметь какой-то смысл. А стало быть, сон играет определённую и, возможно, важную роль в жизни человека. Ибо нет ничего такого в мире, что происходило бы беспричинно и не имело определённых последствий. То, что мы не можем прочесть получаемую информацию, – это ещё не основание, чтобы её отрицать.

Человек вообще обладает высоким самомнением о сущности своего бытия, хотя по большому счёту ничего о нём не знает. И в этом смысле его биологическая дистанция от муравья до человека не такая уж и большая. Главное и сомнительное преимущество человека перед муравьём заключается в том, что он может осознать это, хотя человеку достоверно не известно, что и как «думает» и думает ли вообще муравей или, например, любое домашнее животное (собака или кошка). Лукавый разум находит достаточные основания, чтобы убедить его в том, что все вокруг – безмозглые твари. Это становится причиной того, что в конечном итоге человек начинает искать безмозглых среди равных себе. И успешно находит! А найдя, начинает манипулировать ими или убивать.

По сути же своей все научные подходы объяснения нашего бытия – не более чем гипотезы, часть из которых считаются почему-то более достоверными, а другие просто необоснованными предположениями. А

знает человек о своей жизни, с тех пор как пробудилось его сознание, не более того, что он пришёл из ниоткуда и уйдёт в никуда. И возникает вопрос о бессмысленности его бытия, при поиске ответа на который человек «логично» приходит, подталкиваемый своим рациональным мышлением, к возможности безнравственного, животного существования.

Если мы пришли неведомо откуда и уйдём неведомо куда, то кто сказал, что нам известно, или, точнее сказать, может быть известно, кто мы такие и какую миссию выполняем самим фактом своего земного бытия? Причём выполняем одновременно, сообща и персонально. Не в состоянии ответить на этот вопрос, мы вполне сознательно «топим» его в суесть своих повседневных дел, большинство из которых направлено на поддержание жизни тела, а не души.

Почему? Уж не потому ли, что мы достоверно не знаем даже, есть ли у нас такой чудесный орган, как душа, или он просто сочинён, образно говоря, поэтами?! Не зная достоверно ничего ни о рождении, ни о смерти своей, мы, естественно, фактически не знаем ничего и о жизни. О её истинном, а не животном предназначении. Вот и выходит, что наша жизнь – такое же НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ, как и всё остальное, что находится за пределами человеческого сознания. Поэтому нам в ней так солнечно и жутковато одновременно. Поэтому, одержимые гордыней присутствия в нашем биологическом теле разума, мы ведём себя в высшей степени неразумно и безнравственно. Мы бездарно тратим дарованное кем-то счастливое мгновение по имени жизнь не на созидание, а на уничтожение различных её форм на земле.

Но разве смерть может продлить нам собственную жизнь? Мы все: богатые и бедные, «умные» и «неумные», верующие и неверующие – пассажиры одного космического корабля, который бороздит просторы ещё одного и, возможно, самого главного НЕЗНАЕМОГО ПОЛЯ – космоса. Мы не можем этому полю даже вразумительное имя придумать, потому что не в состоянии понять устройство его таинственной беспредельности.

Зато нам совершенно точно известно, что каждый день жизни нас приближает к небытию. Так кто же счастливее: муравей, возможно, не понимающий, что его жизнь есть процесс умирания, или человек, которому «даровано» это понимать, а значит, быть обречённым на муки, так или иначе, думать об этом на протяжении всей своей жизни, ища ответ на элементарный вопрос: «А зачем я живу?» При этом живём мы все вместе, а умираем, хотя и на миру, но – поодиночке. И поэтому охотнее все вместе говорим о том, что нас объединяет, – о жизни! И предсказуемо мало говорим о том, что нас разъединяет, – о смерти... Потому что она, так же как и жизнь, – НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ, холодное дыхание которого мы точно так же ощущаем ежедневно, как и тёплое дыхание жизни в виде солнца, ветра и воды, света глаз возлюбленных и родных. Думая о смерти мы начинаем более остро ощущать красоту

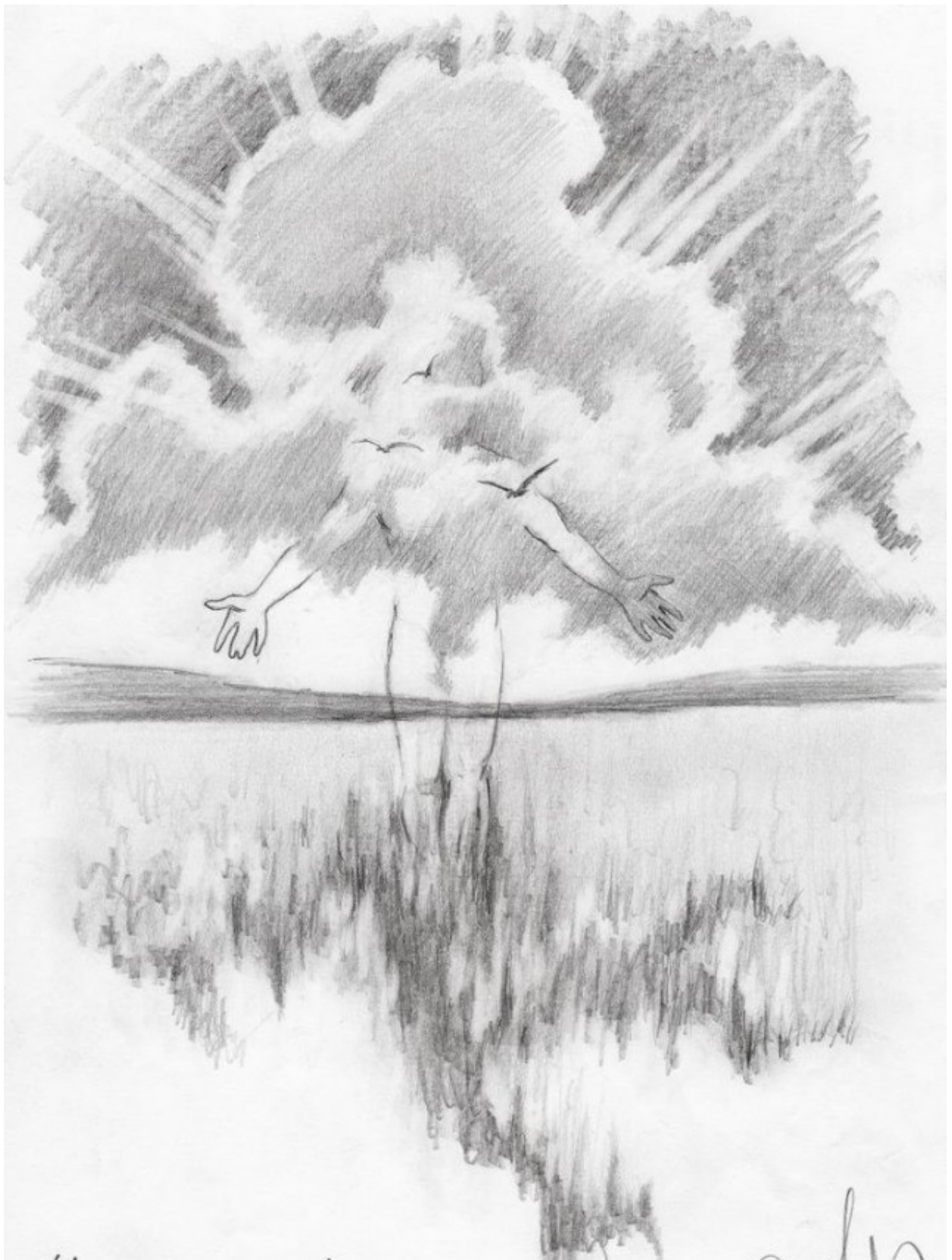
жизни, счастье бытия! Вот в чём заключается сакральный смысл высказывания древних «Memento mori»¹.

Да, жизнь человека краткосрочна. Он песчинка, которая даже не может осмыслить своего действительного предназначения. Мерцающий смысл его бытия подобен Млечному Пути в ночном небе. Его проблески еле улавливаются в некоторых художественных, в широком смысле этого слова, откровениях человека. Этот холодный свет томится в нашем подсознании, иногда прорываясь на свет божий в виде провидений, но чаще в виде обыкновенных снов.

Другими словами, НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ как некое запредельное и непостижимое в той или иной степени, в том или ином виде присутствует в жизни каждого. Это не хорошо и не плохо – просто это факт, от которого не может отмахнуться в том числе и наука, которая почему-то присвоила себе, как некогда это сделала Церковь, право судить обо всём с точки зрения истинности или неистинности происходящего. Значение незнаемого в жизни человека до сих пор не определено. Это просто не под силу слишком прямолинейному человеческому разуму. Точно так же, как ему не под силу объяснить феноменальные способности отдельных людей или явления, артефакты и т. п., которые не укладываются в общепринятую парадигму научного представления о мироустройстве.

Книга, которую вы открыли – художественное осмысление сна, попытка передать то, что автору навязал «ночной разум». Ему, как обыкновенному человеку, конечно, не дано передать сияющую тьмой и темнеющую светом иррациональную реальность сна, того, что происходит на стыке материального и духовного миров. Речь идёт лишь о создании некой иллюзорности сна и попытке передать ощущения, которые возникали во снах автора и во многом легли в основу композиции и фабулы поэмы. И не более того. Если же говорить о содержании, то оно скорее вытекает из формы, нежели втекает в неё. Брызги размышлений автора и героев книги не претендуют на какую-то целостность и тем более обоснованность. Они вообще не самое главное в поэме, потому что по сути своей безнадежно банальны и отражают лишь сиюминутные настроения автора. Важнее то, что ему хотелось «поймать за хвост» это самое настроение, ощущение сновидения, сумеречные впечатления сонного разума, которые рассеиваются как утренний туман при первых же лучах восходящего в сознании человека дневного разума. Сколько бы автор ни переписывал в процессе плетения из своих снов данное НЕЧТО, которое он назвал дерзновенно поэмой, – всегда возникал иной, часто непредсказуемый смысл. Поэтому она сама в каком-то смысле – НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ.

¹ Memento mori (лат.) – «Помни о смерти».

«Искренность».
Рисунок Сергея Загоровского

ПРОЛОГ

Светящаяся гусеница электрички неспешно вползла в туннель. Так казалось торговцам, сгрудившимся на самом краю Култукской горы около козлоногих столов-прилавков, заваленных вяленным омулем. Тягучее вечернее безмерное пространство с блёстками первых фонарей, открывающееся для взора с высоты птичьего полёта; лилово-красное небо, опрокинутое в Байкал, а может быть, просто Байкал, отражающийся в небе; запах только что рождённого во чреве славного моря ветра, настоящего на таёжных травах, перемешанного с дымком близь чадящих коптилен – всё создавало иллюзию вечного покоя и умиротворения.

Но ничего этого не чувствовали пассажиры, находящиеся внутри поезда-гусеницы. Для них электропоезд мчался на всех парусах по Восточно-Сибирской железной дороге России. В вагоне царил полумрак: верхнее освещение ещё не включили, а так как в ноябре уже достаточно рано вечереет, немногочисленные пассажиры были вынуждены сумерничать. Книги и газеты почти у всех были наготове, но читать их было невозможно. Кто-то негромко разговаривал друг с другом. Большинство рассеянно смотрели в окна. В них, как в калейдоскопе, с удивительной скоростью менялись городские и сельские картинки вечерних пейзажей. Пронзённые трассерами придорожных фонарей, они вспыхивали на мгновение, как спичка на ветру, и тут же таяли вдали. Если глядеть долго неотрывно на это летящее светящейся стрелой время, может показаться, что вагон стоит на месте, а его раскачивает промозглый зимний ветер. А деревья, птицы, автомобили, скрюченные от холода люди стремительно несутся куда-то мимо, забывая даже взглянуть на застрявший в вечности одинокий вагон.

Около одного из таких окон сидел мужчина неопределённого возраста с копной взлохмаченных волос. На нём была потрёпанная парусиновая куртка защитного цвета. Рядом лежала бесформенная вещь, отдалённо напоминающая дорожную сумку. Мужчину можно было бы принять за бездомного бродягу, если бы не его опрятное неспитое лицо, сохранённое двумя выразительными серыми глазами, обрамлёнными длинными ресницами.

Он сосредоточенно смотрел в одну точку куда-то сквозь окно. Но лицо его не казалось застывшим или оцепенелым. Напротив, оно хранило следы души человека переболевшего, но не испепелённого отчаянием. Такими просветлёнными обычно изображают на иконах лики у святых. Но это был человек! И его лицо, а не лик выражало какую-то мысль и, казалось, жило совершенно отдельной жизнью от всего, что его окружало. В том числе от скромной одежды, в которую было упаковано его тело, от трёхдневной серебристой украшавшей его щетины, от желудка, в котором вот уже который день не было маковой росинки. Наконец, от собственного сознания, приведённого в состояние умиротворения и душевного покоя.

Эта независимость была своеобразным вызовом всем и вся. Достаточно было беглого взгляда на этого человека, чтобы

подсознательно понять, что он не от мира сего. И тогда возникало двойственное чувство: с одной стороны, любопытство, а с другой, какое-то неприятное чувство наподобие страха. Словом, человек, так отчаянно спрятавшийся в тайнике своей души, воспринимался в лучшем случае нездоровым, потерявшимся, заплутавшим среди людей... Его жизненный путь пролегал далеко от проторенных человечеством троп, которые приводят к понятным для них земным вещам: семье, деньгам, славе, карьере и т. п. Он был не похож на многих из них. И по этой банальной причине, которую можно назвать необъяснимостью, он и подобные ему в человеческом обществе воспринимаются как некая опасность. Опасность их для окружающих заключается в непонятности, которая угрожает спокойствию общества своей непредсказуемостью. Именно про таких темнышей, которые сами себе на уме, в народе почти испуганно говорят: «Чужая душа – потёмки»...

Такой человек как осколок метеорита, блуждающего в космосе, который готов по причине своей отчуждённости в любой момент сгореть в атмосфере ближайшей планеты и выполнить тем самым не понятную для него функцию зарождения чего-то нового и незнаемого. Словом, от него можно ожидать чего угодно. И только от одной этой мысли у нормального человека пробегали мурашки по коже...

Вместе с тем эта его обречённость на преждевременную гибель придаёт всему облику такого человека непостижимую торжественность. Его инаковость вызывает не жалость, а восторг перед тем, кто бросил вызов обстоятельствам и имеет силу духа быть выше их, а значит, и выше всех, кто этими обстоятельствами не смеет пренебрегать.

Разумеется, всё вышесказанное не обозначало того, что люди в вагоне разбежались от нашего героя врассыпную. Просто, несмотря на достаточную скученность пассажиров, «купе», в котором сидел этот человек, оставалось пока пустым. И, надо полагать, только крайние обстоятельства могли побудить кого-то сесть рядом или напротив него.

А между тем обыкновенная человеческая жизнь во всех своих банальных проявлениях довольно интенсивно длилась вокруг этого человека, как бы лишний раз подчёркивая его никчёмность. Кто-то из женщин довольно громко, не стесняясь окружающих, сетовал на своего гуляку-мужа. Балагур около одного из выходов в тамбур травил анекдоты, на которые зычным смехом реагировала компания людей среднего возраста. Яснолицая девушка за спиной нашего героя застыла над раскрытой книгой, по-своему отрешившись от всех окружающих. В её широко раскрытых глазах отражалась какая-то романтическая история, переживание которой почти стёрли с её лица очаровательные веснушки, а локоны светлых волос, ручейком стекавшие на мраморные плечи, вздрагивали всякий раз, когда она доходила в своём чтении до особенно «переживательного» момента в книге. Один из пассажиров и вовсе преспокойно дремал, прислонившись головой к раме вагонного окна.

Так продолжалось до тех пор, пока не раздался дробный аккорд шестиструнной гитары. Мужчина перевёл взгляд на вагонную дверь. В её

проёме показался уличный, а лучше сказать, вагонный певец. Бард начал исполнять песню. Впрочем, её содержание явно не заинтересовало никого и меньше всего мужчину. Зато сам певец площадей явно был колоритной фигурой. Его чёрное пальто выглядело так, как будто он только что взял его из театральной костюмерной. Этот эффект усиливало дорогое тёмное сукно и его длина: пальто было музыканту почти до пят. Из-под чёрной широкополой шляпы на сильные плечи струились волнистые русые волосы, гладко выбритое лицо венчали шикарные синие глаза. Бард мог бы не напрягать зря свои голосовые связки: с такой внешностью ему было не суждено затеряться даже в толпе. А хорошо поставленный голос, озвучив мало-мальски правдоподобную легенду о причине бедствования, несмотря на явно диссонировавший с этой легендой костюм, способен был, подобно магниту, вытягивать монеты самого дорогого достоинства из карманов прохожих, а в данном случае пассажиров. Особенно у слабой половины человечества, склонной к сентиментальности и красивым мужчинам.

Но бард честно спел свою песню. Элегантно снял шляпу со своей царственной головы и величаво зашагал между вагонных лавок, учтиво, с достоинством кивая каждой сверкнувшей в руках пассажиров монете. Когда он чуть приостановился около мужчины, последний инстинктивно начал шарить рукой по своим пустым карманам.

– Не суетись, старик, – негромко остановил его незнакомец и непринуждённо присел рядом.

Мужчина сказал глазами «спасибо» и, скорее из вежливости, тоже почему-то негромко спросил:

– Вы поёте песни своего сочинения?

– А разве кто-то способен что-то сочинить сам? – вопросом на вопрос ответил певец.

– Да. Действительно... – с готовностью подтвердил мужчина.

Нельзя сказать, что ответ барда был оригинален. Мужчина и сам частенько задумывался над этой проблемой. Но слова эти были как пароль, по которому два человека узнают друг в друге родственную душу.

– Конечно, поэт прав, сказав, что рукописи не горят, но продаются – точно! Я бы, например, купил то, что лежит в вашей сумке.

Мужчина непроизвольно пододвинул ближе свою кладь, оставив лежать неподвижно, как надёжный замок, на ней смуглую руку. И спросил то ли самого себя, то ли незнакомца:

– А разве душу можно продать?

– Конечно, нет. Этого сделать не смог даже Фауст. Но люди во все времена об этом мечтали и продолжают мечтать. И хотя однажды вы заметили, говоря о них и о себе:

*Ведунья осень! Загляни к нам в лица!
Я взгляд тревожный твой люблю!
Устали убивать. Устали и молиться.
Устами не развернешь мглу!*

...Они, да и вы тоже тайно, со сладостным вожделением, устав от одиночества, душевного и телесного мытарства, мечтаете об этом!

Любому другому за эти слова от мужчины явно бы не поздоровилось. Это было ясно уже по одному тому, как он резко вскинул на незнакомца глаза и стал его вызывающе, в упор, разглядывать. Их глаза встретились. Так встречаются молния и мгла. Ветер и парус. Вода и раскалённая добела сталь.

Но ничего не произошло: ни дерзкого слова, ни безумного действия. В груди у мужчины словно начал таять холодный ледяной комок. Появилось ощущение, будто он разделся догола и медленно погружает своё озябшее тело в ванну с горячей водой.

Он расслабился и, прикрыв глаза, почти про себя произнёс:

– Проблема заключается в том, как нечто неосоздаемое, неуловимое превратить в предмет торга...

– Ну, решайтесь же! Это ваш шанс!

Мужчина, собрав всю свою волю в кулак, встряхнул потерявшее бдительность тело. Так ныряльщик после длительного погружения спасительно разрывает последние сантиметры прозрачной ткани воды.

– Вы не смеете... – стиснув зубы, чуть привставая, сделав медленное движение в сторону «барда», выдавил из себя мужчина.

Вдруг за его спиной возникла забавная веснушчатая физиономия молоденькой девушки, той самой, которая ещё несколько минут назад так увлечённо читала книгу. Она неожиданно бесцеремонно заверещала:

– Ой, у меня, конечно, денег нет, но вот – не хотите ли яблоко! – обратилась она к барду. – Уж сильно песня у вас была забойная! – искренне восхищалась она, протягивая румяный плод прямо к носу певца.

Он на реплику девушки даже ухом не повёл, так, как будто её вовсе не было рядом. Зато наш герой, как будто очнувшись от какой-то спячки, очень даже её увидел и буквально выхватил яблоко у девушки из рук.

– Хотим! Ещё как хотим! – радостно и неестественно бодро проснувшимся голосом пробасил он. И уже явно не с наигранным аппетитом «хрустнул» им так, что даже ароматный сок брызнул на его руки, распространив по вагону приятный терпкий запах уже забытого лета.

– Ну, вот! – разочарованно, но как-то спокойно, по-барски откинувшись на спинку кресла, констатировал незнакомец. Вы остаётесь верным себе. И хотя один верный человек вас уже давно предупредил, что женщины вас погубят, продолжаете опасную игру по правилам, выдуманном вами ещё двадцать пять лет назад. Если я не ошибаюсь, они были сформулированы примерно так:

*Безумство стихов, безумство любви
Без умысла – не безрассудство.*

*И опять бессовестно поэты правы,
Несмотря на беспутство и бесприютство...*

– Я им, – продолжал он уже несколько отрешённо, – можно сказать, полмира предлагаю, а они, как всегда, предпочитают ВСЕМУ запретный плод!

Все участники импровизированной беседы дружно засмеялись. Особенно звонко и непринуждённо делала это девушка, чьё не запятнанное сомнениями светлое лицо словно осветило всё и всех вокруг. И как бы в подтверждение этому машинисты наконец-то включили верхнее освещение, отчего все пассажиры в зале на мгновение зажмурили глаза. В том числе и наш герой. Когда же он их открыл, барда рядом уже не было. Сие удивительное обстоятельство не ускользнуло и от внимания девушки.

– Ой... – слегка побледнев, выдохнула она, прикрыв рот красным вязаным шарфиком, как будто боясь, что кто-нибудь услышит её удивлённый шёпот.

Мужчина заговорщицки подмигнул ей, продолжая как ни в чём не бывало уплетать сочное яблоко. И когда удивление и растерянность мало-помалу растаяли на лице девушки, он окончательно успокоил её совсем простой, но ясной как день фразой:

– Ох, и вкусная же эта штука – жизнь!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВИЗИТ ИЛИИ

Что жизнь – вкусная штука, Иннокентий Горенский, редактор одной из местных газет старого сибирского городка, расположенного недалеко от Иркутска, знал, как и любой человек, не понаслышке.

Речь, разумеется, не о различных наслаждениях тела. Вкусен первый весенний дождь запахом пробуждающейся листвы. Совершенно очарователен незамутнённый разумом взгляд возлюбленной. Незабываемый, длящийся всю жизнь вкус маминой колыбельной песни. А закаты и восходы солнца – как начало и окончание жизни в твоей малой родине, которая у каждого человека своя. Будь то Ангара или Байкал, пустыня Сахара или суровая, но от этого не менее прекрасная забайкальская степь. Всего не перечислить.

Но особенно ярко этот вкус познаётся, когда ты со временем начинаешь понимать, что жизнь – это не только духовное наслаждение, но и особого рода тяжёлая ответственность. Груз этой ответственности заключается в том, что необходимо решить: зачем ты живёшь, кто сподобился тебя наградить таким чудом и что ты должен сделать на бренной Земле, чтобы оправдать этот дар. И вот тогда в сознание опускается мгла. Необходимо немало душевных усилий, чтобы найти правильный или хотя бы внятный ответ на заданный вопрос. Удаётся это

немногим, если вообще кому-то удаётся. Но в любом случае в душе человека поселяется пресветлое одиночество. Возникает понимание того, что, несмотря на то, что тебя окружает множество людей, ты с этим жгущим душу вопросом всегда остаёшься один на один.

Такое одиночество в последнее время было одним из самых сильных чувств, которые удавалось переживать Иннокентию. Он находился в возрасте, который принято навеличивать «зрелым». Поэтому он как манна небесной ждал того дня, когда окажется позади очередная трудовая неделя. Это означало для него, что в свет выйдет очередной номер газеты и можно будет, опустив жалюзи на окнах, посидеть при свете настольной лампы «в обнимку» с бутылкой добротного усть-илимского пива. Несколько часов. В тишине. Просто так, не думая о проблеме первой полосы, «гвоздевых» материалах, о мелких городских сплетнях, которые должны были привлечь внимание оболваненных прессой читателей. Побить собой – безмозглым и добрым. Именно в таком душевном состоянии он и пребывал сегодня.

Иннокентий любил своё «гнездышко», которое обустроивал уже три года. На стенах небольшой комнаты висели картины достаточно известного местного художника. На четырёх чёрных столах, стоящих по периметру, царил «порядок», соответствующий характеру каждого из хозяев. На столе редактора, например, был творческий хаос: в центре разломаченных папок, скомканных и чистых листков бумаги стояла пепельница, наполненная до краёв окурками. Над потолком тускло освещённой комнаты висело облако табачного дыма, которое одним своим краем покрывало вершину мебельной стенки орехового цвета, а другим стелилось по мягкому уголку, задрапированному велюром.

Что ещё надобно бродяге, искусно обманывающему себя, что это его последняя гавань, способная в случае чего надёжно похоронить в своих глубинах обломки его души? Сейчас он допьёт своё пиво, встанет, оденется и поплетётся не спеша домой...

Вдруг в дверь раздался осторожный стук. Машинально Иннокентий взглянул на часы: они показывали без четверти шесть. А это значит, что рабочий день закончился 45 минут назад. На пороге, не дожидаясь приглашения, возник человек невысокого роста. В поношенном пиджаке чёрного цвета, в рубашке, застегнутой на последнюю пуговицу у самого подбородка, без галстука, в стоптанных туфлях. Длинные русые волосы прикрывала синяя широкополая шляпа. Словом, на вид это был странно одетый, не слишком-то респектабельный гражданин.

Посетитель сходу обратился к Иннокентию: «Можно я с вами поговорю?»

«Поставленный к стенке» этим вопросом редактор кивком головы согласился, хотя в мутных «приспущенных» его глазах, в как-то сразу поникшей фигуре и руке, судорожно сжимающей карандаш, непрошенный гость мог при желании прочесть категорический отказ.

– Я пророк Илия!

«Вера».
Рисунок Сергея Загаровского

Иннокентий устало поднял глаз на посетителя. «Боже мой! – подумал он, – очередной сумасшедший пожаловал, чёрт бы его побрал!» Редактор начал лихорадочно соображать, как от него избавиться. А мужчина тем временем поспешно рассказывал о том, что его на Землю послал Бог предупредить маловерное человечество о грядущем конце света.

Минут пять редактор нервно переключался на столе с места на место рукописи. Каждую секунду его нервная система, подобно пружине, сжималась всё сильнее и сильнее. И вот наступил предел. Находясь почти в полубморочном состоянии, он сначала затих. Потом в нём что-то щёлкнуло, и, слегка подпрыгнув на стуле, Иннокентий выпалил:

– Изви-ни-и-те! – грозно выдохнул он. И уже немного спокойнее продолжил:

– У нас светская газета «Сплетни, слухи, домыслы». Её девиз: «Придурки всего города – объединяйтесь!» Название, как сами понимаете, не очень для вас подходящее. И хотя лично я считаю, что она самая честная из всех газет в области, всё-таки вам надо обратиться, очевидно, в специальное религиозное издание!

При последних словах Иннокентия на потолке слегка качнулась четырёхрожковая люстра. Мужчина понимающе выслушал редактора и спросил:

– А отчего вы не спрашиваете, почему я пришёл именно к вам?

– Хорошо! Почему?

– Дело в том, что вы считаете себя поэтом. А 33 года назад с вами произошёл странный случай...

Редактор вздрогнул и лихорадочно стал соображать: «То, что я виршеплёт, он мог узнать из местной прессы, где я иногда публикуюсь под псевдонимом Иоанн Бубликов. Но откуда он знает, что...»

Их глаз встретились. Иннокентий, насколько это было возможно в данной ситуации, язвительно спросил: «Ну-с и что же, уважаемый, со мной приключилось?»

– 15 декабря, играя со своим другом детства на одной из новостроек города, вы перепрыгивали ров, наполненный водой. Оступившись на краю котлована, упали на тонкий лед, провалились и начали тонуть. Захлёбываясь холодной водой, вы кричали и звали на помощь друга. Но он, испугавшись, убежал. Силы начали покидать вас. Намокшая одежда, словно свинцовая болванка, тянула на дно. Скоро наступил момент, когда вы, обессилев, плавно опустились на дно и, приготовившись умереть, открыли глаза. В этот момент вода в котловане озарилась необычным сиянием. Неведомая сила вас вытолкнула из воды. Вы очутились на краю ямы. Вокруг не было ни души...

Не раздумывая, побежали домой. Уже в избе перепуганная ваша мама Мария Ивановна искупала «утопленника» в горячей воде, напоила брусничным морсом, руки и ноги растёрла водкой. Грамм пятьдесят оставшегося сорокаградусного напитка, разжав ваши стучащие зубы, силой залила в рот. Вы мгновенно уснули. Утром встали здоровым, бодрым и как ни в чём не бывало пошли в школу.

Это была правда. До мельчайших подробностей. Но редактор устало, опустив голову на руки, еле слышно пролепетал: «Бред какой-то...» И уже железным голосом, подняв глаза, настойчиво попросил: «Оставьте меня, чёрт возьми, в покое!»

Мужчина как-то сочувствующе посмотрел на сомневающегося. Во время своего рассказа он приблизился к редактору достаточно близко. И Иннокентий смог его разглядеть внимательнее. Бледное овальное лицо с прямым рельефным носом, высокий лоб и тонкие, восковые, фиолетовые губы выдавали в нём нервную натуру. Выцветшие голубые, глубоко посаженные глаза, еле-еле подчёркнутые бело-рыжими бровями, смотрели будто сквозь редактора. От этого взгляда у него пробежала по телу целая стая мурашек.

– Что ж, как пожелаете, – иронично улыбнувшись краешками губ, сказал незнакомец. Повернулся и пошёл к выходу. Но на пороге остановился и, не поворачиваясь, глухим голосом, пронзающим стены, произнёс: «Да невидящий пусть будет невидим!»

Последняя фраза Пророка почему-то взбесила Иннокентия. Он, круто повернувшись, выпалил: «Да пошёл ты!..» И остолбенел – в комнате никого не было. Редактор мог поклясться, дверь в ней не открывалась и не закрывалась. В длинном коридоре не было слышно шагов. Пророк словно прошёл сквозь стены.

Иннокентия Георгиевича прошиб пот. «Доработался!» – в сердцах подумал он, уже не убеждённый точно, что был вообще какой-то визит. Одним глотком допил оставшееся пиво. Решил перед уходом домой немного отдохнуть. Снял пиджак. Прилёг на диван. И мгновенно уснул.

Утром его разбудил звук стучающей в коридоре о плинтуса швабры. Как всегда рано пришла на работу техничка. Взъерошенный, небритый, он сел на диван и, еле продрал глаза, удивлённо осмотрел комнату. На журнальном столике, стоявшем между двумя креслами, громоздились бутылки. На его краю ютились два стакана. На полу, стульях и столах валялось множество листов, исписанных каким-то незнакомым, ровным, беглым подчерком.

Он точно помнил, как лёг и сразу уснул. От неприятной загадочности событий, происходивших накануне вечером и продолжающихся утром, у него засосало под ложечкой. Он почувствовал легкое головокружение и подташнивание. Почёсывая затылок, подошёл к окну. На улице «царил» ветер. Прямо напротив он размахивал светильником фонарного столба, словно гусак, на котором он крепился, был сделан из бельевой верёвки. Свинцовое небо, казалось, придавило крышу стоящего недалеко крупнопанельного четырёхэтажного дома. Клёны, подобно длинноухим псам, ритмично трясли своими кудрявыми головами. По руслу дороги с грохотом и шипением бурно протекали то обрывки бумаги, то пустые

пластиковые бутылки. Кажется, собирался грянуть дождь. Словом, погода была мерзопакостная, впрочем, под стать настроению.

Вдобавок его осенило, что предстоит нелёгкий разговор с Катериной – женщиной, которая уже много лет разделяет с ним его одиночество. Она, конечно, поинтересуется, куда он канул этой ночью.

Времени на придумывание версии для «отмазки» не оставалось. Именно сегодня он должен был провожать её в Петербург, куда она уже целый год мечтала съездить. Наскоро побрившись, почистив зубы в общественном туалете и набросив плащ, он отдал себя в руки стихии, которая понесла его, как заурядный уличный мусор, в сторону дома.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТАРОАНГАРСК

«Если человек и мусор, – размышлял по дороге домой Иннокентий, – То явно незаурядный. Кто-то из философов назвал его, кажется, мутным потоком. Одно ясно как день: в этом существе, забывшем, что он бог, и света и тьмы предостаточно. Удивительный духовный орган по имени совесть то и дело обнаруживает в нём это единство противоположностей. Называть какого-то человека негодяем не просто нельзя, но и опасно. Опасно, прежде всего, для того, кто так говорит, потому что всё дурное возвращается к нему же. Причём, обрастая по пути «туда и обратно» ещё большей отрицательной и разрушительной энергией. Надо принимать всех, включая самого себя, таковыми какие они есть. Самый омерзительный поступок имеет две стороны одной медали. Безусловно, он осуждаем. Но, совершённый однажды, он может стать причиной всежизненного очищения. Очищения через душевную боль и многократное возвращение к содеянному поступку, которое иногда именуется раскаянием. Любой человеческий поступок – и благородный, и неблагородный – не только следствие деятельности многих, но и испытание души каждого в отдельности. И не исключено, что то, что делается по всем земным признакам во благо, может стать бедой, и наоборот. История человечества имеет немало тому печальных и славных доказательств. Разве укротители сибирских рек, воздвигающие гидроэлектростанции, не имели благих намерений? А в результате нарушен экологический баланс, который привёл к далекоидущим последствиям, которые ещё не вполне осмыслены человечеством. Величайшая трагедия – война также всегда имеет двойной результат. Да, человек – это мусор, но особого рода...»

Пока Иннокентий, придаваясь этим размышлизмам, добирается до дома, нам необходимо рассказать вам, уважаемый читатель, о городке, в котором он родился и благополучно жил до сего времени.

Триста с лишним лет назад донские казаки, двигаясь с низовий Ангары, здесь что-то нашли. И благодаря этому «чему-то» с тех давних пор на берегу реки стали оседло жить и трудиться российские люди. Некоторые добровольно. Большинство, побрякивая кандалами, на казённых, так сказать, харчах.

Ещё одной достопримечательностью малой родины Иоанна Бубликова (вы не поверите!) в 19 веке стала... грязь! Говорят, целебная. В это время при местной каторге возникла лечебница, в которой охотно проводили свой досуг свободные граждане России, преимущественно из Иркутска. А их охотно в курортный сезон обдирал местный вольноотпущенный предприимчивый люд. Проще говоря, те, кто ещё недавно «мотал» свой срок за особо тяжкие преступления в Александровском центральном, находящемся всего в 10 километрах от села.

По мере того как политических ссыльных, жуликов, провокаторов и убийц в нём становилось всё больше – увеличивалось население. Развивалось кустарное производство и торговля. И маленькое село уже в начале 20 века стало уездным городом, о котором местные журналюги с гордостью писали буквально следующее.

НА КУРОРТЕ

...Скромный сибирский курорт в шестидесяти верстах от Иркутска. Скверные дорогие квартиры, несвежие продукты, продающиеся по курортному тарифу, и залезающая всюду пыль. Хулиганствующие по праздникам «малолетки» (местные парни до двадцати пяти лет) и масса детей и женщин. Последние – все девицы.

Центр скромного курорта – огромный запущенный парк. В нём какие-то целебные ванны, меня слабо интересующие. Там же так называемый курзал с летним курортным буфетом: изящный намёк на соляной водопад, с ползущими по деревянным уступам (как бы из самоварного крана!) жиденькими струйками грязной воды. Отсюда открывается прекрасный вид на Ангару, с зеленокудрыми островами и портящим пейзаж казённым солеваренным заводом. И повсюду много детских и недетских игр.

...Июльский вечер. Восхитительный. Жар спал. И даже пыли как будто меньше. Огромный парк живёт. По нему «кружат» толпы курортных дам, глядя на которых невольно думаешь: «От чего или от кого они лечатся?» Подростки, дети. Визг качели. И кто-то неизбежно напевает популярные мелодии из «Весёлой вдовы»...

Иду в беседку «вздохов». Там, над обрывом, с превосходнейшим ландшафтом, с архинелепейшими трубами завода, там – «храм уединённого мечтания» курортной молодёжи. Бесчисленные вырезы инициалов, пестреющие надписи, фамилии, стихи. Немного как будто смешного, немного сентиментального. Ассортимент номер второй из чеховской «Жалобной книги».

И. Чужак,
газета «Восточная заря»
от 18 июля 1910 года

Особо хотелось бы остановиться на культурных традициях Староангарска. Они в своём роде уникальны.

Прежде всего, потому, что на протяжении всей истории села, а потом города его население формировалось из людей, принадлежащих к различным сословиям. Кого только не привлекала добродушная приангарская земля! Старообрядцев, убийц, воров, декабристов, петрашевцев, эсеров, большевиков, анархистов, диссидентов. Из этой дикой демографической смеси постепенно выстраивалась, мы бы даже сказали, выбраживалась особая кровь, текущая в жилах староангарцев. Этот смертоносный по сути, но жизнерождающий по факту напиток, порою воя в их жилах, давал миру совершенно неподражаемые по внешнему и внутреннему содержанию образцы творческих личностей.

Например, родоначальником поэтического творчества в Староангарске стал в 19 веке никто иной, как... волосной писарь, который умудрялся писать докладные в администрацию губернии в форме стихов! Архивы сохранили образцы этих «творений». Вот они.

В 1861 году начальник Иркутской губернской полиции направил старшине местного завода такой запрос: «До сведения полиции дошло, что какие-то артисты давали представления в ночь на 10 октября. Узнать об этом под страхом ареста, дать объяснения очевидцам по следующим вопросам...» и т. д. Ответ на этот запрос, составленный писарем В. Портновым, гласил:

*Разудальный Скуратовский
И вертушка Иванов,
Лет шестнадцать Максимовский,
Петрушка Калмыков,
Старик Шеголев почтенный,
Двоеглаз из Култука,
Маркус, фокусник подменный,
И Филипп из кабака –
Собрались сыграть пиесу,
Удивить собою свет,
Только мало вышло весу,*

*Проку так нисколько нет.
Труд их вышел бесполезный,
Игра ролей нехороша, –
И приятели любуны
Не достали ни гроша.
Если немного и достали
(Это было в первый раз),
Так и Соловьеву отослали, –
Не осталось и на квас.*

Нам неизвестно, какой суммой поживился сиделец одного из староангарских кабаков Соловьев, но зато мы можем с большой долей вероятности предположить, что поэт-писарь на своём месте продержался недолго, ибо в Иркутском областном архиве сохранился только ещё один забавный его отчёт в «стихах», далее след В. Портного затерялся.

В 1901 году в Староангарске появилось общественное собрание в доме Луговской, жены польского ссыльного. В этом доме, который был прообразом современных домов культуры, активным членом собрания был Феоктист Алексеевич Березовский, известный впоследствии сибирский писатель, автор романа «Бабы тропы», который организовал в этом населённом пункте кружок любителей сценического искусства и даже ставил несложные пьесы, такие как «Тёща в дом, всё вверх дном», «Злоумышленник», «Хирургия» и многие другие.

Чудачили староангарские литераторы и во время «царствования» советской власти. Например, общественное собрание уже в первые годы советской власти преобразовалось в профбюро, при котором возник Народный дом, продолжавший традиции дома Луговской. Ну и конечно же, советская власть не только не остудила пыл самопальных писателей, но, наоборот, подогреваемая ликбезом, возбудила небывалый интерес к литературному творчеству. То, что рыцари серпа, молота и пера «осаждали» редакцию местной партийной газеты, у нас нет никакого сомнения. Иначе бы в 1946 году не появился коллективный сборник стихов с претенциозным названием в духе того времени «Наше слово». Среди его авторов немало известных, как в равной степени и забавных, староангарских личностей того времени. Например, много места в сборнике уделено стихам Мятёжного. Под таким нескромным псевдонимом печатался один из литературных сотрудников местной газеты, которого хорошо знал староангарский читатель. Или некий А. Куроптев, житель приангарского села, который не умел ни читать, ни писать, но зато «говорил» стихами. К нему до самой его кончины ездили во время практики студенты-филологи Иркутского госуниверситета.

И всё-таки истоки истиной любви к литературе староангарцев следует искать не просто в любви к словотворчеству, а в романтической коллективной душе, которая зарождалась в интереснейших исторических обстоятельствах.

Например, когда-то в Староангарске особо почитались декабристы, а впоследствии и все политзаключённые. Почему? Всё очень просто: селу как воздух были нужны образованные люди. Добровольно, понятное дело, никто в такую глухомань не ехал. И когда в Староангарске появлялся какой-никакой барин, пусть даже и в сопровождении солдат арестантской роты, – он становился объектом особого внимания начальства и провинциальных женщин. Причём ни те ни другие не выполняли строгие предписания, гласившие относиться к данным персонам со всей строгостью закона. Наоборот! Им выделялись лучшие помещения. Лучшая прислуга и фискалы. Они воспринимались как свежий глоток воздуха в затхлой сибирской глубинке. Их как самых дорогих гостей парили в бане, угощали местными душистыми настойками, потчевали таёжными разносолами. С ними велись сокровенные свободолюбивые беседы. А кандалы надевались по случаю приезда большого начальства. Да и то с извинениями. Мол, **так** и **так**, потерпите часок-другой, а далее всё будет как прежде. **Так**, например, было с Луниным, который в Староангарске задержался ненадолго и только из-за того, что кто-то донёс (добрые люди везде найдутся!), что этого преступника в селе встретило и привечало местное начальство, как национального героя. Вследствие этого доноса пострадали все. Особенно Лунин, которого отправили на «исправление» в Акатуй. Уже в восьмидесятые годы двадцатого столетия местный пиит, обращаясь к этому историческому факту, прослеживая историческую традицию народного бунтарства и осуждения государственной деспотии при всех режимах, выразил свои размышления на сей счёт в таком стихотворении.

*Письма отправлены. Письма идут.
Где почтальон мой измученный?
Явь Акатуя – губернаторов труд:
Властвовать им не прискучило.*

*Раб изменился. Безудержно рад
Жизни курьёзному случаю.
Красный, почивший уже звездопад,
Видится только к лучшему.*

*Тот же, начертан строкою чей путь,
Полон иронии к каторжной жизни.
Мильтон ему – это ереси жуть.
Брат ему – всякий ближний!*

*Всё, что доверено тайным гонцам,
Всё, что блуждает в промозгнувшей Вечности,
Всё – в колыбели его лица
Прописано призрачной млечностью.*

*И становлюсь я лицом к лицу
К небу и, как покаяние,
Слов его тайну в ладонях несущу,
Чашу испив с ним изгнания.*

*Письма отправлены. Письма идут.
Где почтальон мой измученный?
Явь Акатуя – губернаторов труд:
Властвовать им не прискучило...*

Историческую традицию словотворчества староангарцы всегда во все времена свято блюли. Особенно ярко это проявлялось на некоторых коротких отрезках истории этого населённого пункта. Что там уездный писарь! Сами двуперстники братья Михалёвы, основатели Староангарска, были отчаянными романтиками, прошедшими тернистый путь от Урала до самой русской Аляски. Не приходится сомневаться, что вдохновенные их молитвы были такими же страстными, как у самого Аввакума.

А чем не пример таинственной староангарской души – купец, который заложил в селе один из самых красивых в губернии храмов ещё в 19 веке прошлого столетия. По свидетельству очевидцев, этот душегуб первые свои деньги сделал на крови старателей, а потом всю жизнь так же «старательно» замаливал свои грехи. Кульминационным моментом его жизни и стало появлений Спасского храма в центре Староангарска. Чем не поэтическое творение!

Отчаянным «поэтом» был и священник, который в 1920-е годы встречал красногвардейские отряды пулемётной трелью с колокольни того же храма. Всё то же странное сочетание низкого и возвышенного в душе староангарцев побудило уже 1960-е новое поколение переселенцев совместно с местными самородками выпустить в свет, минуя коммунистическую цензуру, альманах «Голубые города». Пострадали тогда многие. Но традиция осталась жива!

А в 1980-е годы в городе стали появляться странные молодые люди, которые умудрялись в одном творческом литературном объединении сочетать любовь к традиционному русскому литературному языку, ненормативной лексике и самому крутому русскому авангарду. Всё это закончилось тем, что на рубеже 20-21 веков в Староангарске появилась сибирская литературная народная газета с курьёзным, но очень впечатляющим названием «Александровский Централ». Оно косвенно утверждало, что, несмотря на политические и экономические изменения в нашей державе, Староангарск всё ещё остаётся казематом особого типа, в котором граждане содержатся по особым правилам. Где у них можно отнять всё, в том числе и свободу, но только не способность свободно выражать свои мысли. Кстати, эта газета вскоре по недосмотру губернских властей была признана лучшим изданием Сибири. Правда, после этого куда-то странно исчезла вместе с теми, кто за неё заложил неизвестно кому свою душу.

Современный город Староангарск буквально кишит поэтами. Во всей губернии не **издаётся** столько «самопальных» **изданий**, сколько в одном этом городе. И снова странные названия: «Месяц в психушке», «Изнанка», «Староангарские эскизы», «Без тормозов», «Не горюй, Гаврилов!» и так далее. Эти чудачки даже придумали собственный творческий фестиваль, который ежегодно проводили несколько лет на берегу реки Белой. Постепенно на этой неформальной тусовке стало собираться все творчески неблагонадёжное население области. И превратилось это культурно-массовое действие в этакий бардак. Кстати, этот «форум» так и назывался «БАРДак». Правда, корифеи утверждают, что название происходило от благородного слова – «бард». Но мы-то с вами понимаем, уже бегло ознакомившись с культурными традициями Староангарска, что появление такого названия отнюдь не случайно... Чем закончится очередной виток культурного развития города, покажет теперь уже новейшая история. А мы обратимся к тому, что представляет собой этот сибирский населённый пункт сегодня.

Современный город Староангарск – довольно развитый промышленный центр, воздвигнутый на волне комсомольскихстроек 50-60-х годов. Только почему-то тысячи комсомольцев, особенно «первого созыва», выполнявших самую тяжёлую строительную работу, были, как говорится, «в полосатых тельняшках» с небольшими номерными знаками на груди.

Справедливости ради надо заметить, что о них очень заботились и берегли. Выстраивали даже целые поселения вокруг города. А чтобы «комсомольцев» не тревожили лихие сибиряки – потомки известных бандитов и политзаключённых всех мастей – домики, где они жили, тщательно охраняли, предварительно бережно обнеся их острой колючей проволокой.

Так город рос, строился и даже хорошел... до той поры, пока к власти в государстве не пришли демократы, которых сразу же остроумно окрестили на свой лад ёмко и лаконично – ДЕРМОКРАТАМИ староангарцы. Не знаю, может быть, они и зря дали такую неласковую кличку нынешней политической и экономической элите государства. Поговаривают, что вообще-то во всём виновата, как всегда, интеллигенция. Но, видимо, оттого что староангарцы точно знали об отсутствии у них в городе данной социальной прослойки, они сгоряча и прилепили обидное прозвище, возможно, совсем не виновным людям.

Да и как не осерчать? Ведь именно с той поры в городе стало днём очень много нищих, роющихся в мусорных контейнерах, а вечером – шикарных иномарок, со свистом и шелестом «рассекающих» по единственному проспекту, пугая несчастных пешеходов, не успевших в период делёжки государства хапнуть кусок «пожирнее».

При этом надо отметить, что у сотысячного населения Староангарска были и остаются самыми любимыми местами времяпровождения торговые точки, винные магазины и пивные бары. В городе их столько, что, кажется, предприниматели Староангарска на

каком-то подпольном собрании поставили перед собой благородную цель – любой ценой обессмертить свои и города имена: построить для каждого горожанина персональный кабаk или, в крайнем случае, бутик, чтобы Староангарск благодаря столь неординарному явлению попал в книгу рекордов Гиннеса.

Наивные, по простоте своей душевной, они просто не знают, что Староангарск уже давно побил все мировые рекорды по схожей, но другой причине. Чтобы понять это, достаточно вслушаться и вчитаться в названия этих самых питейных заведений: «Мордобойка», «Русское поле», «Бычий Рог», «Синенький», «Сугроб», «Чертилка», «Стекляшка»; ночных кафе: «Утекай», «На троих», «До первой звезды», «Подберезовик», «Отлив»! И это далеко не полный перечень вывесок, от которых на первых порах пестрит в глазах у любого приезжающего в Староангарск. И каждая из них точно и ёмко отражает особенности содержания данного заведения. Величие русского языка узнаётся не только по способности его производить особые духовно-нравственные смыслы усилиями отдельно взятых писателей, но и в простой смекалке, самоиронии обыкновенных носителей этого языка, которых иногда высокопарно называют гордым именем «народ». Этот самый народ «сочиняет», причём без видимых усилий, себя самих, свой род, нацию, время, пространство, родину, государство...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОЩАНИЕ

Народ. Он «сочиняет», причём без видимых усилий, себя самих, свой род, нацию, время, пространство, родину, государство... При первом приближении слово «народ» можно воспринимать как обозначение чего-то, находящегося «над родом». Род – это некая этническая группа. Значит, народ – это человеческое сообщество, мыслящее себя неким общественным единством на основе каких-то норм и правил поведения, которые объединяют людей вне зависимости (над!) от национальных традиций, религий разных этнических групп. Для того чтобы народ мыслил себя таким общественным образованием, необходимо сочинить или мифологизировать признаки этой особой наднациональной (надродовой!) идентичности. Простой пример – русский народ. Это наднациональное общественное образование объединило в IX-X веках от Рождества Христова различные родовые сообщества не только славян: кривичей, вятичей, полян и т. п., но и окраинных печенегов, скандинавов и др. Русский – это, как принято считать, не национальность (такой этнической

группы не было в древнейшие времена), а народ, наднациональное объединение, которое разделяет общие для всех ценности и нормы поведения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что древнейшие историки, например византийские и персидские, все народы, проживающие от берегов Русского моря (ныне Чёрного) до Ледовитого океана, называли – русами. Да и современная западная цивилизация очень даже спокойно называет, например, наших бурятов, якутов, эвенков и других – русскими. Ошибки в этом нет. Действительно, они русские, потому что разделяют ценности и нормы российского государства. Именно поэтому Сибирь – русская, хотя на её территории проживают люди более ста различных национальностей.

Мы сами всё это сочинили на протяжении многих веков. И кажется, это не самое плохое «сочинение» человечества. Уже только потому, что понятие «русский народ» включает в себя не какую-то толерантность (терпимость) одной нации к другой, а искреннее дружелюбие, основанное на осознанном уважении национальных традиций разных народов. Вот в чём тайна русской матрёшки! Русские – это те, кто способны жить в согласии не только с представителями иными религий, но и с целыми наднациональными объединениями, такими как кавказцы, приморцы, алтайцы, сибиряки и другие.

Например, такое относительно молодое наднациональное объединение, как сибиряки, возможно, больше, чем другие, в период распада СССР сохранило традиции русского государства. Неслучайно именно в Сибири в самые смутные 90-е годы XX века и по сей день в мире и согласии проживают, например, азербайджанцы и армяне. Сибиряк – это человек, который готов прийти на помощь другому человеку, оказавшемуся в беде. Так было испокон веков, уже только потому, что в Сибири люди чаще всего оказывались не по своей воле и были вынуждены выживать в тяжелейших климатических условиях.

Отдельное слово хотелось бы сказать о сибирячке. Это женщина, которая не просто способна разделить все тяготы жизни со своим любимым человеком и мужественно выполнять свой материнский долг. Она воплощение особого человеческого достоинства. Она не рабыня, но и не белоручка, тем более не заложница судьбы. Её и раньше нельзя было удивить, например, колуном, полосканием белья в студёной воде, сбором ягод и грибов в урочищах, кипящих мошкаркой. Сегодня не все сибирячки ходят в тайгу, но лучшие женские человеческие качества присущи им и поныне. Они уважают мужика-добытчика, готовы идти за ним образно говоря в огонь и воду, но при этом способны сохранить свою самобытность, быть самодостаточными. За это и любят их мужья, да и не только. Воплощение красоты, трудолюбия и духовной стойкости привлекает внимание многих мужчин. Именно такой женщиной и была Катерина – жена Иннокентия.

Она встретила мужа на удивление спокойно. Катерина была поглощена радостными сборами в дорогу. Благоклонно поздоровавшись с ним, вежливо выслушала его малосвязанное объяснение. Такие

ситуации в семье журналиста возникали не однажды. Бывало и похуже. Работа есть работа. Не самая чистоплотная, но надо всё принимать таким как оно есть. Истерить по поводу каждого опоздания и пропадания на некоторое время мужа было не в её характере. Женщину даже не раздражало то, что он то и дело возникал у неё на пути. Терпеливо отодвигая его в сторону, как некий предмет, она продолжала метаться из комнаты в комнату, от чемодана к чемодану, прекрасно понимая, что эта часть жизни – её, и муж здесь ей не помощник.

Через некоторое время сборы были окончены. Весело щебеча, волоча за собой увешанного сумками и чемоданами Иннокентия, она устремилась к трамвайной остановке.

Когда они приехали на вокзал, почти сразу к перрону подошёл поезд. После традиционных прощальных чмоканий и напутствия Катерины: «Смотри, веди себя хорошо!» – жизнерадостная тридцатилетняя женщина заскочил в вагон. Поезд медленно тронулся. Иннокентий долго наблюдал, как последний вагон таял в туманной дымке горизонта за последними семафорами. Сердце его сначала сжалось, потом, нахохлившись, словно воробей на сорокаградусном морозе, заныло. Он подумал: «Ну вот, даже как следует не простились».

Сойдя с перрона, он, запинаясь и чертыхаясь, благополучно преодолел две пары рельсов. Подошёл к чугунному ограждению, отделявшему вокзал от города. Облокотившись на него, несколько минут бессмысленно смотрел на очертания города, окаймлённого вдали синей полоской Бархатовских гор, расположенных на правом берегу Ангары.

Староангарск уже окончательно очнулся от ночной спячки. Добродушно-хищные таксисты «теребили» на вокзальной площади суетливых граждан, только что освободившихся из склепов вагонов, наперебой предлагая свои услуги.

Здесь же стояли «ручники» – два изваяния уличных продавцов газет, вяло бормотавших: «Программка. Свежая программка. Покупайте...» Причём одна из них, более шустрая, иногда начинала импульсивно двигаться, работая на опережение своего конкурента. Выражалось это двумя шагами навстречу зазевавшемуся клиенту. Как правило, последний сначала испугано шарахался от «свежей» газеты, подsunутой ему довольно-таки резко и неожиданно под самый нос. Но потом, видя перед собой маленькое лицо бабульки с умяющимися поблекшими глазами, на которые наезжал подвязанный по типу рокерской банданы платок неопределённого цвета, сжалившись, покупал этот клочок бумаги с таким выражением лица, будто подавал нищей на паперти.

Иннокентий хорошо понимал таких покупателей. Он и сам не раз, столкнувшись взглядом с каким-нибудь жалкого вида продавцом газет, от какого-то внезапно нахлынувшего на него стыда покупал собственную газету. И даже не одну, а две или три по одной у разных продавцов, которые стояли рядом. Словно боясь, что они подерутся из-за него. «Подавая» таким образом на бедность, он на короткое время освобождал свою душу от постоянно терзавших его сомнений. Избавлялся от какой-то

неловкости, что он внешне почти благополучный, по крайней мере, сытый и обутый, относительно молодой, не мается, подобно этим бедолагам, в снег и дождь, в лютый мороз и зной продавая эту бумагу, представляющую собой бормотуху местных новостей, подпорченных и подслащённых одновременно староангарскими сенсациями, новорусскими гороскопами и кроссвордами...

Прислушиваясь к шелесту листьев тополей и берёз, растущих в небольшом привокзальном скверике, принюхиваясь к запаху пирожков и шашлыков, которым, кажется, на много лет вперёд пропиталось всё, что находится рядом с вокзалом, чуть-чуть ослепленный ярким летним солнцем, Иннокентий, слегка одурманенный всем этим, прикрыл глаза.

И сразу же в его воображении перед ним возникло лицо Катерины. Выразительное лицо красивой молодой женщины с большими карими глазами, вороним гнездом волос, небрежно-кокетливо переплетённых и как бы невзначай торчащих в разные стороны. Её образ уже долгое время был особым талисманом мужчины, который когда-то именно после встречи с ней сумел-таки подняться сам над собой.

А ведь ещё каких-нибудь 10-15 лет назад он представлял собой странное зрелище. Этакое изваяние с кипой бездарных, но искренних юношеских стихов под мышкой. Каждое второе из которых начиналось примерно так:

Спросите меня: «Что есть счастье?».

Отвечу без громких цитат:

«Прочувствовать это ненастье,

Увидеть опять снегопад.

Пройтись после смены вразвалку

В тускнеющем старом саду,

И ветра послушать там прялку,

В букет собирая листву».

Кочка блоковских волос на голове была прикреплена прямо, без всякого перехода в виде плеч, к двум длинным худым ногам. Это «чучело», которое, казалось, только сейчас сбежало из огорода, шаталось по редакциям газет, пугая литературных сотрудников своей внешностью, а ещё более непонятностью и нереальностью своих литературных опусов.

В те годы жители Староангарска могли наблюдать летом бредущего босиком по заплёванным улицам города молодого мужчину, самой характерной чертой которого был отсутствующий, можно сказать, потусторонний взгляд. Взор человека, который как бы не присутствует на этой грешной Земле. Зимой он был не менее запоминающимся. Шапка с опущенными ушами, завязанная бантиком на подбородке, смотрелась на его голове как шлем средневекового рыцаря. Правда, поднятый каракулевый воротник пальто, поверх него шарф, завязанный, как у пятилетнего ребёнка, спереди, разбивали напрочь эту иллюзию. Большущие валенки на ногах, в широких голенищах которых болтались

худые ноги, как пестики в ступе, могли подтолкнуть любого встречного к мысли, что товарищ не иначе как сбежал из Александровского централа, на территории которого уже лет двадцать пять располагалась лечебница для людей, страдающих психическими заболеваниями.

И вот это «чудище» однажды повстречало Катерину. Случайно. На одном из смотров художественной самодеятельности. Там он пел (если можно так выразиться) один из своих текстов. Надо было иметь очень бурное воображение, чтобы суметь увидеть в таком персонаже нечто. Этого у Катерины всегда было предостаточно.

Между ними завязалась дружба. Причём Иннокентий, понимая всю безнадёжность своего положения, пытался запретить себе её видеть. После каждой встречи он говорил себе: «Всё, хватит! Не надо больше пугать девушку. Завтра меня не будет!»

И каждый раз именно он вновь, под разными предлогами, возникал перед весёлой, во всём удачливой, очаровательной Катериной. Более того, летом на ногах у него как-то незаметно появилась обувь. Волосы из кочки превратились в большущий одуванчик. С исчезновением странностей во внешнем облике и одежде Иннокентия у него стала проявляться нормальная человеческая речь, снабжённая словами, которые он до сей поры признавал полноценными, только если они были записаны на бумаге.

Сослуживцы Катерины, наблюдая со стороны за парадоксальной парочкой, недоумённо покачивали головой, предрекая им или шумную трагедию, или неординарное будущее. Об их пересудах ни Катерина, ни Иннокентий даже не догадывались. Они просто вместе сочиняли. То ли очередной поэтический вечер, то ли свою будущую жизнь.

Так продолжалось три года. Однажды Иннокентий, измученный неопределённостью, решил просто уехать из города. Утром он собрал в рюкзак свои нехитрые пожитки (любимые книги и пару носков) и медленно направился в сторону вокзала. Но только лишь вышел из дома, сразу «наткнулся» на Катю. Пользуясь тем, что она его не заметила, обошёл девушку, сделав крюк размером с целый жилой квартал. Преодолев его, облегчённо вздохнул и уверенно зашагал через пустырь в заданном направлении.

Через сотню шагов, которые он пробрёл, как говорится, «на автомате», поднял глаза от земли и обмер... Перед ним, почти лицом к лицу, стояла ОНА!

– Здравствуй! – дружелюбно улыбнувшись, протянув Иннокентию свою маленькую тёплую руку, сказала Катя.

– Не может быть... – пролепетал в ответ ошарашенный Кеша.

– Почему? – наивно спросила девушка.

Ответить на этот вопрос парню было нечего. Катерина до сих пор ничего не знает об этой их «мистической» встрече, которая окончательно убедила Иннокентия в том, что от судьбы не убежишь.

Так несколько десятков нерукотворных стихотворений и поэм поэта, посвящённых девушке, превратились в реальность. А Иннокентий понял:

слово – это не сотрясение воздуха от вибрации души или красивые вензеля на бумаге, нарисованные дыханием сердца. Если оно родилось, сотворилось из таинства, а не простых умозаключений, то так тому и быть.

С тех пор Катя превратилась в Катерину. В образ, который всегда жил теперь уже не только в сердце Иннокентия, но и, вполне осязаемый, рядом с ним. Умея говорить, огорчаться, ненавидеть, поднимать, светиться, пахнуть травой и парным молоком, быть со вкусом солоноватых губ.

Вот и сейчас Иннокентий, находясь на безопасном для его воображения расстоянии от любимой женщины, кажется, видел как Катерина, очаровывая спутников своим полупрофилем, широко открытыми глазами вечно восемнадцатилетней девчонки, рассказывает им о том, что небо всегда там, где хочется летать. А звёзды светят только тому, кто не разучился мечтать. А смерти нет, для каждого, кто жив душой и жаждет рождаться каждый день вновь и вновь.

Такой помнит её всегда его сердце. Но его разум в последние годы всё чаще стал замечать, что этот образ стал размываться различными бытовыми неурядицами, связанными с необходимостью быть такими, как все, что давало возможность хоть как-то обеспечить их жизнь прозаическими вещами: пищей, одеждой, жильём. На хрупкие плечи женщины упали многие бытовые заботы, которые сначала поистрепали её ангельские крылья, а потом и вовсе сделали их невидимыми для Иннокентия. По большому счёту в этом никто не был виноват. Но во всём себя винил Иннокентий. Нет, он не произносил покаянных признаний. Бился как рыба об лёд, пытаясь заработать хоть какие-то деньги, чтобы хотя бы частично сохранить своего ангела. Но всё чаще придуманная им женщина начинала вести себя как обыкновенный человек, и в его груди возникал неприятный холодок: он разочарованно наблюдал за тем, какие она смотрит телевизионные передачи, как категорично судит о других людях, как демонстративно упивается своими женскими слабостями...

– Дяденька, дай рубль! – прервал его размышления раздавшийся откуда-то извне голос.

– Что? – ответил каким-то чужим, звучащим откуда-то издалека голосом редактор.

– Рубль! Есть хочется! – продолжал всё тот же требовательный мальчишеский голос, подкрепляя своё «пожелание» весьма настойчивым подёргиванием редактора за рукав.

Иннокентий тряхнул головой и увидел перед собой мальчонку лет семи. Сквозь грязное лицо пацана просвечивали два довольно-таки нагловатых зелёных глаза. Застигнутый врасплох редактор даже не смог отпарировать привычной «заготовкой»: «Бог подаст!» Автоматически он пошарил в кармане и в широко растопыренную ладонь бомжонка смачно припечатал первую попавшуюся монету. Медленно, палец за пальцем, зажал её в кулаке растерявшегося от такого поведения дяденьки мальчишка и шепнул в самое его ухо: «Держи крепче! У денег есть крылья».

Потом повернулся и быстро зашагал прочь от обалдевшего пацана, который ещё некоторое время стоял неподвижно, держа перед собой в ладони плотно зажатую пальцами монету.

Оглушительная пустота, снизошедшая в душу Иннокентия, требовала заполнения хоть чем-нибудь. Напряжённо передвигаясь в пространстве города, он еле доковылял до любимого пивбара. Зайдя в помещение, напоминавшее внутри сказочный теремок, Иннокентий привычным жестом подозвал официантку.

– Верочка, кружку «охотничьего» и захвати, пожалуйста, пепельницу.

– Что-нибудь ещё, Иннокентий Георгиевич? – спросила лукаво официантка, начав обычную женскую игру, в которой редактор всегда охотно участвовал.

– Тебя.

Проворно опустившись на лавку рядом с ним, Верочка наигранно-томно, без паузы, спросила: «Когда и где?»

– Сегодня вечером, на небе... – угрюмо парировал Иннокентий.

Улыбка испарилась с уст Верочки. Она резко встала. Нервно поправила причёску и сурово сказала: «Ну и шуточки у вас!» И, даже не вилля бедрами, быстро удалилась к барной стойке.

Ещё через минуту у носа редактора появилась кружка пива, а рядом с грохотом шлепнулась пепельница.

«Обиделась...», – равнодушно подумал Иннокентий и, закурив, начал медленно потягивать благородный, резкий, охлаждённый напиток.

– Обойдёмся без предсмертных записок! – почти выкрикнул за соседним столиком подвыпивший гражданин рабоче-крестьянской наружности.

Вздрыгнув от неожиданности, Иннокентий медленно повернулся в сторону разгулявшейся компании, к разговору которой невольно начали прислушиваться все посетители.

– Я им говорю, – продолжал Весельчак, размахисто жестикулируя большими руками, – ну, поехали, покойнички! А сам, круто – руля и с места по газам! В салоне тишина. Спесь как рукой сняло! Ни «буги-вуги», ни «гу-гу». Ну, думаю, кажись, переборщил: сейчас на ходу выпрыгивать будут!

Компания заржала. Именно заржала, а не засмеялась. Как будто табун лошадей промчался. И сразу из-за соседнего столика «ветром сдуло» парочку интеллигентного вида, которая до этого что-то сладострастно шептала на ушко друг другу.

Бдительная барменша прибавила звук в музыкальном центре. Но даже несущийся из колонок визгливый голос: «Семнадцать мне уже – целуй меня везде» – не смог заглушить разговорчивого Весельчака, стриженный затылок которого был выразительнее любого лица, а голос, видимо окрепший за время демократии и гласности, был подобен вопиющему в пустыне.

«Таксист, – спокойно констатировал про себя редактор, – ужасная профессия. Какой-никакой – рулевой. Не хуже всех остальных рулевых в этой стране. И мыслит подобающе...»

– Извините. У вас свободно, – прервал размышления Иннокентия голос, раздавшийся за его спиной. Редактор повернулся. Никого. Подняв удивлённо брови, он принял прежнее положение. Но от этого выражение лица его не сменилось. Прямо перед ним сидела некая личность довольно-таки своеобразной наружности. Именно наружности, а не одежды. Ибо знаковая сущность «внешнего покроя» человека в последнее десятилетие его вообще перестала волновать.

Да, были времена, когда любая шляпа, брюки клёш или дудочки, позже соболиное манто или джип (автомобиль это тоже своеобразная форма одежды!) – вызывали неподдельный интерес староангарцев. Подчас он заканчивался для хозяев одежды плачевно.

Шляпа, например, всегда раздражала. На некоторых она действовала, как красная тряпка на быка. Особенно на представителей рабочего класса, да ещё после полочки, да ещё, если неосмотрительный владелец широкополой шляпы выдумывал её носить в паре, например, с длиннополым пальто и эпатирующим длинным шарфом. Судя по реакции подвыпивших мужиков можно было предположить, что именно в таком облике им всегда представлялся враг народа, а, может быть, и всего человечества. Очевидно, чтобы проверить, если под шляпой рожки, они с криком: «А-а-а! Ещё шляпу надел!», – норовили сбить сначала с головы культовый головной убор, а потом, если повезёт, и саму дьявольскую голову, смущавшую патриархальный покой коренного населения небольшого сибирского городка. Действия их негласно поддерживались властями, которые в те далёкие коммунистические времена, исключительно из идеологических соображений, поощряли простоту одежды и нравов. Любые несанкционированные проявления индивидуальности, в том числе и в одежде, воспринимались как вызов самому гуманному в мире обществу и отношение к ним могло быть сформулировано в коротком лозунге: «Не выпендривайся!»

Или, например, соболиное манто, буржуйская песцовая шапка или джип. Не сразу (ой, не сразу!) осознали, например, староангарцы, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения. Если битва с манто и шапками, хоть и была длительной, но не кровопролитной, то джипы до сих пор остаются предметом пристального внимания простых людей. Их классовая сознательность не даёт и по сей день спокойно спать владельцам автомобильных крейсеров. Злые языки утверждают, что причина их тревожного сна – собственная совесть. Наглая ложь. Разве человека может тревожить то, что давно уже отсутствует?

Нет! И ещё раз нет!!! Спешу вас уверить: джипы «не ночуют» на улицах Староангарска по другой более житейской и менее философской причине. Каждый добропорядочный житель этого города считает своим долгом и призванием плюнуть в лакированную морду любого «бездомного джипа», если таковой ему случайно повстречается под высоким звёздным

небом Староангарска. А лучше пнуть. А ещё предпочтительнее – стукнуть, например, палкой в лобовое стекло, чтобы неповадно было! А ежели сигнализация сработает, так даже ещё интереснее! Можно повторить. Раз этак пяток, чтобы окончательно разрушить иллюзии в муках нарождающейся в России буржуазии. Как хотите, но в чём-то здесь народ прав. Воспитывать и приучать к порядку надо с самого раннего детства.

И тем не менее время потихонечку начинает брать своё. Вот уже и детская обида на джипы проходит. А в шляпах ходит каждый второй. Словом, даже плюнуть не в кого.

Поэтому, следуя этой логике, но с точностью до наоборот, Иннокентий ничуть не удивился ни засаленному плащу появившегося перед ним гражданина, ни кроличьей шапке, имевшей вид задавленной в прошлом году кошки, ни даже никак не вязавшимися с ними галстуку и сорочке неопределённого цвета. Не произвели на него никакого впечатления также ни торчащая в разные стороны борода, которая неизвестно где начиналась и заканчивалась на лице незнакомца, ни смачный лиловый фингал под правым глазом, ни губы, потрескавшиеся то ли от ветра, то ли от ежедневной жажды. Запаха, разившего всё и всех вокруг, который в простонародье называют перегаром, он и вовсе не учуял. А вот глаза... Да, глаза! Такие встретишь нечасто. Большие, глубокие, смыслотворящие. Как у святых на иконных ликах. Но не отрешённые, а зорко смотрящие прямо в душу. Такие глаза определённо должны были знать цену страданиям и уметь наслаждаться. Для них слово «судьба» не пустой звук. Через них угадывался животворящий человек. Иннокентий знал, что если бы этот человек к нему сейчас не подсел, а, например, встретился где-то в толпе, ему непременно захотелось бы его увидеть ещё раз, а лучше поговорить. Поэтому, отбросив в сторону все сомнения, касающиеся его внезапного появления, он спокойно, без всякого снобизма, как равный равному, ответил:

– Да. Конечно! – и, протянув руку, представился, – Иннокентий.

Что-то наподобие улыбки промелькнуло на лице человека. Он, едва коснувшись руки редактора, встал и запросто отрекомендовался:

– Олег Борисович Корягин, бывший инженер-программист, не вписавшийся по ряду причин, главнейшая из которых – душевное непостоянство, в наше время. Можно просто Олег.

Иннокентий не на шутку обрадовался, что новый приятель оказался, хотя бы по образованию, не гуманитарием. На это были особые причины, связанные с его профессиональной деятельностью.

– Ну, что, Олег Борисович, – серьёзно, неразвязно, с хорошим пониманием того, что делает, обратился к Корягину Иннокентий, – не откажитесь ли составить компанию и слегка пивцом поправить здоровье. Здесь, знаете ли, приятное усть-илимское подают. Разумеется, угощаю.

– А почему бы и нет, уважаемый Иннокентий...

– Георгиевич.

– Да, вот именно, Иннокентий Георгиевич!

Появившееся пиво не сразу начало способствовать более интенсивному диалогу между двумя собеседниками. Пока оно искрилось и пенилось в фирменных кружках, Иннокентий Георгиевич и Олег Борисович перекидывались малозначительными традиционными фразами о погоде и о том, что сейчас по её причине происходит в тайге и вообще в мире. Они приглядывались друг к другу. Прислушивались к манере выражать свои простейшие мысли. Проверяли, насколько чувствуют партнёра. Первым «разведку» прервал Олег Борисович.

– Я полагаю, вы, Иннокентий Георгиевич, типичный представитель профессий умственного труда, которые рискуют в этой стране, хотя бы в глубине души, считать себя интеллигентами?

– Да, я из «рискованных». Более того, публично ещё не от одного своего идеала, по крайней мере пока, не отрекался.

– А не кажется вам, что беда русской интеллигенции не в том, что у неё иногда отнимали кусок хлеба или краски. А в том, что российское государство, едва возникнув, изобретает всё новые и новые способы выхолащивания самой сути свободомыслия, независимости мышления, а значит, и существования, от господствующей власти?

На протяжении веков разные отцы Никоны, Петры Первые, Бенкендорфы, Ленины, Сталины, сменяя друг друга, с удивительным постоянством преследовали любое право на независимость мышления. И вот что поразительно! Многие из этих духовных узурпаторов зарождались как личности в условиях жестокого насилия над своей художественной или гражданской совестью. Начинали свой истинно человеческий путь как борцы с этим злом. А в итоге, по какой-то страшной логике, вопреки, становились ещё более яркой копией своих мучителей. И, кажется, «ещё не весь развернут свиток»... Так неужели дело только в особом государственном устройстве России?

Я с болью, как в извращённом фантазиями сне, слушая какую-нибудь внешне боговидную бабушку где-нибудь в трамвае, говорящую: «Паразиты! Нет на вас Сталина!» – испуганно вздрагиваю. Меня охватывает ужас. Перед моими глазами, как в калейдоскопе, начинают мелькать сотни лиц, которые в той или иной форме, по тому или другому поводу говорили, говорят и, скорей всего, будут говорить то же самое! Только представьте себе на мгновение, Иннокентий Георгиевич, огромную армию учителей, работяг, бабушек, дедушек, детишек и жён, которые, сверкая глазами и брызгая слюной, всё и всех, кого они просто не понимают, готовы своими беленькими руками нежненько придушить, только ради того, чтобы не напрягать свой лобик в поисках другого смысла.

– Может быть, вы сгущаете краски? Как известно, у нас сейчас, – было начал развивать свою мысль Иннокентий, – сложный переходный период...

– Иннокентий Георгиевич, – извините, что перебиваю, – но... Вам не кажется, что у нас, в России, в обозримом прошлом и настоящем, по

крайней мере, начиная с принятия христианства на Руси, наблюдается, заметьте, непрерывный, ярко выраженный переходный период...

Всё общество до последней «клеточки-семьи» пронизано опасной особого вида эпидемией, которая лишает миллионы людей духовного иммунитета – способности к саморефлексированию. Вам, очевидно, более, чем другим, известно такое понятие, как «внутренний редактор».

– Пожалуй... – задумчиво произнёс Иннокентий. – Но всегда считалось, что «внутренний цензор» – порождение внешней среды...

– Только не у нас. Ницше как-то сказал специально для нас: «Разучился повиноваться – теперь будешь повелевать. Там, где кончается человек, там начинается государство». Вам не кажутся странными такие совпадения? Когда какая-нибудь человеческая особь, всё равно, какого пола, но чаще женщина, начинает самозабвенно контролировать поведение ребёнка или, например, творчество мужа. Да так изощёренно, что он сам, не понимая своей зависимости, начинает вычёркивать из своего романа эпизод за эпизодом. Глянь, а романа-то или поэмы уже нет! А потом нет и человека.

Иннокентий вздрогнул и посмотрел пристально на Олега Борисовича так, как будто увидел его только что вновь. Впервые за весь их разговор в груди у Иннокентия засаднил неприятный холодок раздражения. Непонятное чувство! Слово кто-то посмел подсматривать за ним в замочную скважину, когда он занимался каким-то весьма интимным делом.

Перемена в настроении Иннокентия не ускользнула от внимания собеседника.

– Ну, вот, началось... – вздохнув, философски произнёс Олег Борисович. – Тихо поплачь надо мной из глубины своего сердца, – добавил он, обращаясь к кому-то невидимому или видимому только ему одному. – И всё-таки среди людей есть прекрасные выводы солнца. Это, Иннокентий Георгиевич, вы. Уверяю вас! И ещё многие люди, которые вас окружают. Разумеется, за исключением меня. Потому что всю свою жизнь, с кем бы меня ни сводила судьба, «окружаю» себя только я сам. Человек в высшем своём проявлении – грязный поток. Ну, где же моё море? Один хаос и никаких звёзд...

Успокойтесь, уважаемый, я уже ухожу, ибо не в состоянии будить мёртвых и рушить живые гробы. Для этого надо, по крайней мере, самому быть живым. Хребет болит не только таскать других на себе, но ещё больше самого себя... Всего хорошего!

При этих словах Олег Борисович встал. Иннокентию почему-то стало неловко за себя. За свой презентабельный вид, физиономию, пахнущую каким-то дорогим «французским месивом». За барскую осанку. Ему даже показалось, точнее, он почувствовал, что как будто кто-то его окатил ушатом холодной воды. Причём не совсем чистой. От этого ощущения Иннокентий невольно съёжился. Сутулясь, подался произвольно вперёд и глухо проговорил:

– Извините, Олег Борисович...

– Девушка! – раздался дребезжащий голос Весельчака-таксиста. – А сколько стоит вот эта бутылка!?

Его пьяный голос как-то враз отрезвил собеседников, которые невольно начали прислушиваться к тому, что происходит в реальности в этом мире вокруг их.

– Это коньяк, который вам не по карману. Да и хватит вам уже, ребята, пора домой... – не менее напористо, но всё-таки в рамках приличия ответила официантка Вера.

– А ты? Ты мне по карману?! – очевидно, думая, что он удачно пошутил, отпарировал Весельчак.

Хохот его сотоварищей пресёк звук звонкой пощечины. И даже не поворачиваясь в сторону подвыпивших мужиков, было нетрудно догадаться, чьё лицо так неблагоприятно пострадало.

В прокуренном воздухе бара повисла такая тишина, что, кажется, все присутствующие услышали, как одному из друзей Весельчака-таксиста в желудок булькнул пельмень.

– Ты чё, ошалела? – совершенно трезвым голосом отчеканил таксист. – Да, я тебе сейчас...

– Будьте любезны для начала извиниться! – негромко, но уверенно остановил на «крутом повороте» таксиста Олег Борисович, повернувшись в его сторону своим колоритным лицом.

Весельчак, даже не обернувшись, спросил у своих собутыльников:

– Это что такое?

– Бомжара какой-то... – пролепетал субъект с вилкой, с зубьев которой, очевидно, ещё мгновение назад сбежал тот самый пельмень.

Весельчак медленно-медленно повернул голову, посаженную на быкообразную шею. Дальше это движение продолжило всё его тело. Но уже гораздо стремительнее. Да так, что «лопата» его ладошки оказалась как раз на уровне ещё не подбитого глаза философа. Словом, ситуация складывалась как нельзя более предсказуемо. Непредсказуемым было то, что произошло дальше.

Олег Борисович как-то совершенно естественно, если не сказать элегантно, нет, не уклонился, а повернулся боком. Этого оказалось достаточно, чтобы Весельчак «вхолостую» крутанулся на месте. Но у «юлы» были руки. И достаточно увесистые. Одна из них на излёте зацепила, положив пластом, всю вскочившую на подмогу компанию. Вдобавок, потерявшее равновесие тело таксиста как «корова языком слизало» несколько соседних столиков вместе с посетителями.

Это обстоятельство почему-то очень развеселило Верочку и Иннокентия. Причём сначала, редактора. Он, несмотря на то, что все превращения с ним и Олегом Борисовичем произошли очень быстро, с какой-то даже гордостью заметил:

– Что же это вы, Ницше, буяните, как самый заурядный хулиган? Где же ваша, философ, выдержка, мудрость, облачённая в отвлечённое созерцание действительности?

Верочка, интуитивно спрятавшись за Олега Борисовича, порозовев от смущения, только хихикала, прикрыв лицо пустым подносом.

– А-а-а! Филосов!? – окончательно выверев, рычал Весельчак-таксист. – Развелось тут вас, мать твою за ногу! Заморочили голову совсем народу – дышать нечем! – то ли рычал, то ли мычал таксист, возрождаясь из обломков битой посуды, как птица Феникс из пепла.

Олег Борисович был совершенно спокоен. Кажется, совсем его не замечая, что-то на ухо шептал Верочке. Это было оскорбительно для таксиста вдвойне. Задетое самолюбие побуждало его к действию.

Он поднялся. Мотнул головой так, что, кажется, у него пошёл пар из ноздрей и ушей. Сжав кулаки, таксист начал сбоку подкрадываться к философу, который уже успешно в своей руке держал маленький локоточек Веры. Иннокентий хотел предупредить об опасности своего неожиданного друга. Олег Борисович успокоил его глазами, которые излучали какое-то особого рода спокойствие. Как будто бы всё происходившее вообще не имело никакого отношения к нему. И не имело вообще никакого значения. Иннокентию вдруг стало совершенно ясно, что если этот человек просто подставит своё лицо прямо под удар, он всё равно не достигнет цели. Что духовная его целостность имеет какое-то материальное выражение. Своеобразную защиту от всего, что ему просто неинтересно, но что назойливо ежедневно пытается его настигнуть. И Весельчак-таксист – это всего лишь мгновение, причём не самое значительное, в этом вечном противостоянии.

– Увы, с горбатыми нужно говорить выпукло ... – произнёс он, когда кулак Весельчака-таксиста от очередного его «шага в сторону», движения за пределы себя, сокрушил, вернее, попытался сокрушить кирпичную кладку стены бара.

Вой таксиста был подобен стону раненого зверя.

– Тимон! – обратился философ к Иннокентию, явно цитируя кого-то в очередной раз. – Ты умер? Что ж лучше или хуже в Аиде? – Хуже! – ответил Тимон, – Аид ведь куда больше людьми заселён...

– Хватит умничать, Борисыч! Сейчас милиция сюда нагрянет и тогда тебе точно не поздоровится. Вера! – вдруг властно распорядился Иннокентий, – забери его. Отвечаешь головой, по всей строгости революционного закона! А я здесь подожду представителей этого самого закона и попробую всё «разрулить».

Последняя просьба или приказ, кажется, были лишними. Вера уже стояла перед философом в шубке и тянула его изо всех сил за рукав в сторону выхода.

– Прощай, Георгиевич, – грустно сказал философ. – Эх, такую беседу испоганили...

– Да иди же ты, блаженный! – не на шутку занервничав, махнул в его сторону рукой Иннокентий.

Когда входная дверь, дыхнув в помещение паром прохладного воздуха, захлопнулась за вновь «образовавшейся» парочкой, Иннокентий сел за опустевший стол. Сделал несколько крупных глотков пива,

расслабился и почему-то рассеяно подумал: «А может, это и к лучшему? Человек ищет всё-таки человека. Пусть хоть ненадолго, но чтобы оставаться самому человеком. Чем больше встреч, тем меньше мучительных превращений...»

Милиция не заставила себя долго ждать. Бравый сержант с короткоствольным «калашом» наперевес, в красивых, но не по форме берцах сходу обратился к притихшей компании:

– Ну, что тут у вас, господа дебоширы?! Кому лапы заворачивать?!

– Да чё мы-то. Мы ничё. Это всё вот... С ним тут был какой-то философ! – нашёлся гражданин, который, кажется, судя по дикции, не смог ещё переварить как следует свой пельмень.

Весельчак и все остальные угрюмо молчали.

Сержант угрожающе повернулся к Иннокентию. Увидев его, как-то сразу обмяк.

– Вы? – удивлённо произнес он, сдвинув машинально с затылка на глаза свою милицейскую фуражку.

«Вот оно преимущество и проклятие маленького города», – подумал редактор, поняв, что его узнали.

– За погром, хоть и не по моей вине, – заплачу. За такую встречу любых денег не жалко! – сказал редактор. – А этих... А от этих, – немного помедлив продолжил Иннокентий, – освободите, пожалуйста, помещение и наше общество. Хотя глобально вам это сделать вряд ли удастся...

Ещё через каких-нибудь пять минут Иннокентий сидел в баре совершенно один. Одиночество было каким-то бессмысленным, но не тягостным. Одна за другой таяли на его столике кружки с пивом. Но это не помогало приглушить впечатления, которые пульсировали в нём отрывочными образами. Не хотелось ни говорить, ни тем более думать. Хотя совсем запретить он себе этого не мог. Так начался очередной философский период в жизни Иннокентия, который в народе совершенно необоснованно называют пренебрежительно «запоем».

...Когда он вышел из пивбара, его лицо тронул нежный, прохладный ночной воздух. Ему показалось, что он не узнаёт родной город. Нет! Дома, проспекты, деревья были всё те же. Но что-то тревожное и непонятное ощущалось в их обликах. Он шёл, но ему казалось, что стоит на месте. Двигалось всё вокруг него!

Вот, чихнув, мимо промчался фонарный столб. Огонёк электрического ночного светильника плавно отделился от вершины столба и, устремясь ввысь, стал одной из звёзд. Ночное небо вздохнуло, и Иннокентий явственно услышал гул голосов: звёзды разговаривали друг с другом!

Он увидел лицо каждого крупнопанельного дома. Этот, прищурившись, проплыл рядом, подобно громадному теплоходу, светясь

глазами сотен кают. Другой как-то пристально и угрожающе приглядывался к редактору. Кружил вокруг него, словно стоглазый Аргус.

Деревья вели себя ещё бесцеремоннее. Неожиданно перебежали дорогу. Цеплялись, дико хохоча, за его одежду. При этом пространство то растягивалось в эллипс, переворачиваясь с ног на голову, то, сжавшись до спичечной головки, вонзалось в грудь, прожигая насквозь по диагонали всё тело.

Чем бы эта фантазмагория закончилась, одному Богу известно. Спас случай. В самый разгул «уличного представления» Иннокентий совсем недалеко от себя услышал слабое поскуливание. Сфокусировавшись, он увидел в двух шагах от себя на тёплом канализационном люке небольшое тельце щенка. Его тельце так тряслось от холода, что «залихорадило» и редактора.

Он присел рядом с щенком на корточки. Протянул ему ладонь. В неё немедленно уткнулся мокрый щенячий нос. Два больших глаза смотрели прямо в душу человека. Иннокентий взял его на руки. Щенок лизнул редактора в щёку. Это решило всё. В следующее мгновение существо, которое ещё несколько минут назад никому не было нужно на этом свете, прижималось трясущимися ушами и лапами к его груди под пальто. В ней у Иннокентия сразу стало тепло и понятно.

Он встал. Прищурившись, посмотрел вокруг. И ни с того ни с сего громко сказал, кажется, какому-то ближайшему дереву:

– Зачем вся эта суета? Когда уже какой-то сопливый мальчик в замёрзнувшем насквозь трамвае на обмороженном стекле написал своим прозрачным пальчиком самые лучшие стихи: «Мужайтесь, люди! Скоро лето!»

После этого он более или менее уверенно пошёл вдоль улицы, декламируя в ритм своих шагов:

*Беспризорным собакам и кошкам,
Изучающим честно нас,
Небо надо совсем немножко,
Да два лучика добрых глаз.*

*По ночам, когда звёзды погашены,
Солнце стынет у нас в окне,
Пред дверьми неприступными нашими –
Они брошены нами во мгле.*

*Обморожены уши, опалена шерсть,
Незаконно рождённые дети,
Они так же хотят и тепла, и поесть,
Так же, как всё живое на свете.*

*Совершенство их душ – непонятно!
По законам инстинктов живя,*

*Длинноухому ветру лишь внятны,
Как загадки листвы, их слова.*

*Чернорукие клёны скоро
В бубны окон тревожно забьют,
И умрут лопухи под забором,
И жесток станет ночи уют.*

*Не поэтому ль, сжавшись в комочек,
Часто вздрагиваем, когда в сны,
К нам погреться продрогшие очень
Забредают и кошки, и псы!*

Какое-то провидение чудом вынесло его к двери собственной редакции. Глупая чехарда самоуверенных предметов окончательно закончилась. Иннокентий постучал. Из-за двери сначала раздалось покашливание, потом шаркающая походка, и, только спустя некоторое время, глухой вопрос:

– Кого чёрт принёс в такое время? –

– Мы, – кротко ответил редактор.

Оскорбительно обыденно взвизгнула входная металлическая дверь, которую открыл Иннокентию, кряхтя, продолжая чертыхаться, ночной сторож.

Он не удивился позднему визиту редактора. И даже не спросил, кто это «мы». Не в первый раз они вместе полуночиали. Но ворчание было его правом, которое газетчик никогда не оспаривал. Ночью в редакции начальником был этот сухонький, бледнолицый старичок – хозяин гулко эха, шустрых тараканов и наглых крыс. В это время он устанавливал свой Закон, единый для всех обитателей здания. И редактор ему с благодарностью подчинялся.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ВСТРЕЧА С НЕЗНАЕНЫМ

Закон, единый для всех обитателей ночного здания. Законы, принято считать, пишутся людьми. Это факт. Как и то, что писанные законы часто не соблюдаются, в том числе потому, что существуют так называемые законы неписанные. Их множество. Один из самых известных неписанных законов – Закон Тайги. Сибирякам он хорошо известен, потому что передаётся из уст в уста. Основная его суть состоит в том, что нельзя у тайги брать больше, чем тебе необходимо для поддержания жизни:

деревьев, ягод, грибов, дичи, зверья. Уходя из зимовья, оставлять минимальный запас продуктов и всего необходимого (спички, запас сухих дров и т. п.) для тех, кто придёт в него после тебя. Под страхом смерти не пакостить: не забирать чужую добычу из капканов, не хозяйничать в чужих уголках, не портить, не красть общего имущества, например, в зимовье.

Такие локальные законы очень распространены среди людей, вплоть до небольших их объединений. Они существуют у студентов, рабочих и представителей разных профессий и видов деятельности. Таким законом определён особый статус, например, уборщиц и сторожей. Всем известна их низкая заработная плата, которая унижает человеческое достоинство. Своеобразной материальной компенсацией является особое уважение к людям этих вечных профессий. Словом, сторожам и уборщицам, как правило, прощается не всё, но многое. Добросовестная уборщица иногда ведёт себя в учреждении как первое лицо после директора. Особенно это ярко проявляется в учебных заведениях, где «техничка» может сделать нагоняй не только ученикам или студентам, но и зазевавшимся или неопытным учителям или профессорам. Не менее важная в этом смысле должность и у сторожей: упаси боже появиться кому-либо на вверенной им территории в нерабочее время! – Отчитают по первое число...

У Горенского был ненормированный рабочий день, поэтому у редактора к ночному сторожу было особенно благоговейное отношение. Вот и в этот раз Иннокентий, как во сне, словно боясь кого-то разбудить, прошелестел по коридорам. Открыл дверь кабинета. Снял с пульта сигнализацию. Выпустил на волю своего четвероногого друга, который, с благодарностью вильнув хвостом, ринулся, семеня мелкими шажками, изучать новое пространство. Потом включил настольную лампу. Присел устало в кресло. Блаженно прикрыл глаза.

Вскоре в дверь постучал Петрович, так звали ночного хозяина редакции. Иннокентий знал, что он прибыл за своей еженедельной вполне заслуженной данью в виде свежих местных газет, которые Иннокентий специально для него набирал в большом количестве в иркутской типографии, где печаталось и его издание. Газеты были приняты Петровичем, как некогда принималась дань ордынцами у русских князей. При этом проницательный сторож снисходительно санкционировал присутствие постороннего в виде щенка, однако, заметив, что его появление на вверенной ему территории должно быть временным, как исключительное обстоятельство. В дальнейшем божья тварь должна перейти под домашнее покровительство редактора. А также, укоризненно покачивая головой, по-отечески пожурил Иннокентия за его не совсем трезвый вид, который, по мнению сторожа, не приличествовал его должности. Петрович на правах старшего приказал к утру привести себя в надлежащее благородное состояние. Все эти «указания» Иннокентий принял молча и безропотно, подчиняясь неписанному закону.

Он уложил щенка на кипу газет, сунув ему под нос остатки то ли обеда, то ли ужина кого-то из журналистов. Выкурил сигарету, подождав,

пока он уgomонится на своей лежанке. Присел, вытянув ноги на кресло, и мгновенно уснул.

Спал, как ему показалось, недолго. Во сне его начало тяготить присутствие чего-то неведанного. Очнулся от слышавшегося шороха. Поднял глаза и увидел на стене огромную тень, имевшую человеческие очертания. Она начала быстро сжиматься. Ещё через мгновение приобрела очертания женщины вполне земных размеров. Тень была неподвижна и полусидя висела в воздухе. Иннокентий боялся не только пошевелиться, но и «громко» дышать, как будто его дыхание было способно порвать невидимые нити, на которых парило ведение. Оцепенение длилось мгновение, а может быть, – вечность. Время перестало существовать.

Вдруг тень наклонила голову набок. От этого её «волосы», скатившись волной с плеч, «брызнули» на пол.

Иннокентий машинально резко повернул голову в противоположную сторону, туда, где стоял диван. Ночное создание сидело на нём, поджав ноги. Её подбородок упирался в колени. На вид видению было лет двадцать пять. Распущенные белокурые волосы одной своей частью, поблёскивая, змеились на плечах, а другой, веером, были рассыпаны тонкой золотистой паутиной по драпировке дивана. Женщина пристально, грустно смотрела на Иннокентия. В её непонятного цвета глазах таилась какая-то пугающая чистота и сила. Слегка большеватый, но правильный нос казался немного припудренным. Она была обнажена, но это обстоятельство её ничуть не смущало. Иннокентий мог поклясться, что где-то уже раньше видел эту молодую женщину.

Она же, хотя и смотрела в сторону редактора, казалось, совсем его не замечала. Иннокентий некоторое время боялся шелохнуться, немного стесняясь откровенности обнажённого женского тела и, главное, собственного присутствия при его видении.

Вдруг она как бы скинула с себя вуаль оцепенения. Слегка поправив рукой волосы, открыла глаза. Их взгляды встретились.

– Здравствуйте... – глупо произнес Иннокентий.

– У вас нос в чернилах, – слегка улыбнувшись, сказала ОНА, явно любуясь растерянностью редактора.

– Что? – спросил Горенский, не отрывая взгляда от женщины не понимая, о чём идёт речь.

– Я говорю, у вас нос в чернилах, – почти по слогам, почему-то шёпотом, повторила ОНА.

Машинально, продолжая неотрывно глядеть на неё, Иннокентий рукой потрогал свой нос.

– Какой вы смешной! – звонко рассмеялась женщина. Потом, движением головы встряхнув сноп своих золотистых волос, грациозно встала. Потянулась. И в следующее мгновение уже оказалась на коленях Иннокентия.

Он плотно стиснул зубы, зажмурил глаза. Она, не обращая внимания на мелкую дрожь его тела, начала тоненькими пальцами перебирать кольца волос Иннокентия.

Сознавая всю нелепость возникнувшей ситуации, редактор не нашёл ничего лучшего как банально пролепетать: «У меня такое ощущение, что я вас давным-давно знаю».

– Разве можно знать СЕБЯ? – наивно и в то же время достаточно серьёзно, почему-то опять шёпотом, выдохнула женщина.

Две теплые струйки её рук обвили шею мужчины. Иннокентий не мог отрицать, что ему это было приятно. Пока он лихорадочно пытался обдумать её слова, ОНА вновь поставила его в тупик.

– Посмотри, какая у меня красивая грудь!

Редактор невольно скосил глаза. Ярко-красный упругий сосок почти касался его губ. Он тронул его своим дыханием, которое в то же самое мгновение затаилось. Пытаясь вынырнуть из омута женского тела, он потряхнул головой.

Навстречу ему шли лучезарные глаза. Они сначала проникли в него, а затем быстро-быстро заполнили всего Иннокентия.

Дыханье штор, всплески света и тяжесть тьмы, шлёпанье по полу босых ног и тиканье настенных часов – всё слилось в единый поток мыслей и чувств. Иннокентий словно взлетал на тёплой морской волне, потом, как после длительного свободного падения, парил над землёй. Хотелось петь. Но не было слов. Хотелось читать стихи, но не было музыки. Перестало существовать не только время, но и пространство.

Первое, что стало очевидным после произошедшего, – скорбное лицо женщины на одном из портретов, висевших напротив редакционного дивана. В её живых глазах мерцал упрёк, лукавство и доброжелательность, перемешанные с какой-то неземной грустью.

Иннокентий, кажется, лежал. Во всяком случае он не ощущал тяжести своего тела. Так, очевидно, чувствует и мыслит себя песчинка. Мерцающий смысл её сознания подобен Млечному Пути на ночном небе. То, что ещё не забыло переживание себя как человека, вдруг ясно, легко и понятно осознало чудо преобразования солнечных лучей не только в материальные всплески крови в жилах, но и энергию любви и ненависти.

«Так вот как творятся чудеса? – подумалось Иннокентию, – как же я этого раньше не понимал? Ведь это так просто и естественно, как обыкновенный таёжный распадок ранним утром, в котором так запросто можно развесить клочья тумана на ветвях лиственниц и кедров! Точно так же, как это делала мама, когда свежевывстиранное бельё, чуть касаясь его своими руками, она развешивала на верёвке, привязанной у нас во дворе между двумя деревьями. Там! Там, на моём островке детства, продолжающем своё путешествие в быстрых и чистых протоках моего подсознания – это было уже всё прочтено, вычитано и понятно. Я просто забыл содержание этой книги!»

– Это также естественно, как дышать... – тихо сказала женщина. Голос её послышался Иннокентию не откуда-то со стороны, а именно из

водоворота своей души. Он вышел из него коротким, тёплым выдохом. Так дышат поутру таёжные красные саранки.

– Кто ты? – спросил то ли женщину, то ли себя Иннокентий.

Свернувшись калачиком, она откуда-то из темноты, чуть дотронувшись своими тёплыми пальцами до его губ, произнесла просто и обыденно: «Твое прошлое, настоящее, будущее».

Непонятнее и двусмысленнее ответа Иннокентий в своей жизни не слышал.

Глядя до боли в её глаза, он медленно пытался всплыть на поверхность реальности, которая ему в это мгновение почему-то казалась такой необходимой, желанной. Это было странно и фантастичнее, чем любой из снов. Именно для Иннокентия, который не то чтобы презирал земные ощущения, просто был всегда более равнодушен ко всему, что так настырно стремится принять какие-то формы, а не воздушные очертания. Кичится смыслом, а не чувствами. Воображает, что видит, используя глаза не более, чем краб щупальца. И всё такое, и всё такое...

Но теперь этот самый Иннокентий смотрел в глаза женщине, и взбунтовавшийся его разум раздувал в нём пламя бессмысленного, никого не греющего, только всё сжигающего костра. От которого было больно, прежде всего, ему.

– Как это понимать? – немного раздражённо, с упрямством человека, уже имеющего на что-то право, заявил редактор.

– То самое, что свершится или должно было свершиться в твоих стихах и поэмах.

Это было слишком. Иннокентий сдёрнул простыню с незнакомки, как будто пытаюсь убедиться собственными глазами, хотя бы в факте её существования.

Отрицать его было глупо. Перед ним лежала беззащитная женщина. Вполне земная. Ручная. Любящая. До последней жилки своего ослепительно-белого тела. Обречённая несбывшимся. Верующая в чудо.

– Что за тайны и загадки? – уже грубо бросил Иннокентий, как любой мужчина, только что неземное превративший в сгусток утилитарных ощущений.

– Тайны? – разочарованно произнесла она, – разве может жить человек без сокровенного? Без недосказанности. Что стоит этот мир без НЕЗНАЕМОГО? Как груба и глупа вещь, осязаемая руками и принципиально униженная разумом, который вроде бы имеет право констатировать её существование только на основе того, что она имеет форму, цвет, вкус и запах?

– Но ты же есть?! – пытался урезонить женщину Иннокентий.

Она заплакала. Беззвучно. Из её огромных блестящих глаз осторожно текли две трепещущие струйки. Капая с подбородка, они продолжали свой путь по вздрагивающей груди. Слов не было. Они в тот момент и не были нужны.

Сердце Иннокентия дрогнуло. Он благоговейно, как перед небесным изваянием, склонился перед этим непонятным, но вдохновенно

убедительным существом. Прикоснулся губами к её глазам. Они были солёными!

Мужчина и женщина, реальность и тайна, как отгадка и загадка, сознание и подсознание – обнялись. Короткий миг их слияния дал обоим успокоение, которое медленно перешло в сон, который мучительно напоминал одно из стихотворений Иннокентия:

*Что тебе надо, бродяга:
Две женщины ищут тебя!?
Слепая твоя отвага –
Беспутная вдрызг судьба!*

*Судьба, коих тысячи тысяч –
Бескрылых блужданий во тьме,
Где сердце безжалостно тычет
В тебе и, конечно, во мне...*

*И все эти странности странствий
(Мы в саванах простыней!)
Мгновенное слово «Здравствуй!»
И вечные «Будь добрей!».*

*Всего-то одно отстранение
От смерти к живым, чтобы – жить!
И, падая во мгновенье,
Друг друга мы жаждем испить...*

*И, веруя в чудо рождения,
Летим отражаться в других!
Мучительно это парение...
Одно, но одно на двоих!*

Зазвонил телефон. Подкинутый двумя резкими движениями собственного тела, Иннокентий пришёл в себя: сначала, ещё с закрытыми глазами, он сел, а потом, открыв их, встал.

Комната, освещённая лунным светом, напоминала сказочную поляну, на которой побывали эльфы. Свеча, догоравшая в подсвечнике, слабо освещала два бокала с недопитым красным вином. Горстка почти нетронутых фруктов, раскрытая коробка конфет, приоткрытый томик стихов – всё говорило о том, что Иннокентий был не один.

Пытаясь это уточнить, он огляделся и понял: женщина, богиня или дух – исчезла...

На рабочем столе лежал листок бумаги, исписанный беглым подчерком. Иннокентию мучительно хотелось подойти и прочесть написанное. Но какой-то неподдельный страх мешал ему сделать это.

А телефон продолжал настырно звонить. Редактор поднял трубку. В ответ на его «алло» из неё прозвучала пронзительная тишина. Такие «ответы» ему было слышать не вновь, поэтому, сказав заученное: «Я вас всех люблю!», он положил трубку на место.

Откинувшись на спинку кресла, Иннокентий попытался сосредоточиться и осмыслить, что с ним происходит, искоса поглядывая на жаждущий его листок бумаги. Мешали голоса подвыпивших девиц, горланящих песни на нижнем этаже в баре. В этом заведении, именуемом в простонародье почему-то «Подсвечником», собирались по ночам «ночные бабочки» и наркоманы. Расслабляясь пивом, каждый из них по-своему «охотился» за подвыпившими клиентами. Давно привыкший к этой кутерьме, Иннокентий всё же овладел своим вниманием. Заставил себя закрыть глаза, желая только одного: быстрее вновь провалиться в тёмную яму сна.

Помешал очередной телефонный звонок. Кто-то раз за разом набирал номер редакции. Не выдержав, редактор всё-таки поднял трубку. Из неё повеяло могильным холодом, который через ухо растёкся по всему телу Иннокентия. У него закружилась голова. В глазах потемнело...

Когда вновь очнулся, удивился мраку, окружавшему его. На ощупь добрался до выключателя. Дрожащими пальцами щёлкнул им. Мрак не рассеивался. «Неужели я ослеп!» – подумал он. Испугавшись этой мысли, по стенке добрался до общественного туалета. Там, склонившись над раковиной, долго протирал глаза, полоща их холодной водой. Случайно попавшие в рот капли показались солоноватыми...

Иннокентий вытер лицо насухо туалетной бумагой. Но «вода» по-прежнему оставалась на усах и бороде. «Это кровь!» – воскликнул редактор. «Очевидно, из носа», – уже глухо сообщил он сам себе.

Запрокинул голову вверх. Но уже через несколько секунд начал захлёбываться кровью. Сплюнул. Вновь поднял невидящие глаза вверх, как ему показалось, к небу. И вдруг явственно, перед самыми глазами увидел «запретный» листок бумаги, на котором огненными буквами, обжигающими его лицо, было написано и звучало:

*Жёлтый, багровый, оранжевый –
Цвета зазвучали во мне!
Где же блуждали раньше Вы,
Давая гореть в огне
Неутолённой страсти*

*К стихии неловких стихов?
Милая, милая... Здравсти,
Смерть моя, – я готов!
Вечер ещё людидействует!
Где-то гитара звучит...
Видите, занавес? Умерло действие,
Гаснут зрачки софит.
Всё! – На столе золотистое,
То ли вино, то ли яд...
Выпьем! Да будет пречистая
Совесть, сошедшая в ад!
Боже, как мне куралесилось,
Как мне прекрасно лгалось!
Сколько бумажных месяцев
В небе ночном сожглось!
Глупо, возвышенно бредилось,
И предавал, любя...
«Пепел, пустыня, безверие –
Вот мой удел и судьба!» –
Я бормотал картинно,
В лужи нарциссом глядя...
И... привирал невинно,
Что честен и добр всегда.
Так отчего ж так погано
От «энтых» прекрасных чувств?
Больно... Как больно! Рана –
Душа, что сочится из уст.
Любая сила – бессилие,
В том числе и – слова:
Молча, друзья мои милые,
Помяните меня...*

Последний аккорд строки опалил сознание, и душа свернулась, как сгоревший листок. Кровь не останавливалась. Иннокентий, обессиленный, присел на унитаз. Противная слабость начала окутывать его тело. В ушах зазвенело. Послышались голоса множества людей. Удивительно то, что в этой какофонии звуков человеческой речи он слышал каждого говорившего отдельно. Более того, он мог поклясться, что все эти разные голоса принадлежат одному ЕМУ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЛЕПЫЕ ВИДЕНИЯ

Иннокентий мог поклясться, что все эти разные голоса принадлежат одному ЕМУ. Так бывает обычно во сне, когда ты одновременно можешь быть сразу несколькими людьми в разные эпохи и времена, в различном пространстве, в виде различных предметов, явлений. И смотреть на окружающий мир и на самого себя глазами камней, деревьев, насекомых, птиц, животных, людей, а может быть, просто взором одного кого-то неведомого тебе.

...Одетый в звериную шкуру бородатый человек шептал что-то нежное, прижавшись к бугорку живота женщины. У русоволосой дикарки из глаз текли слёзы. Она тихо вздрагивала от каждого его прикосновения. Не потому что боялась. Сосредоточенно прислушиваясь к каждому шороху зарождавшейся в ней жизни, она с трудом верила в то, что скоро на свет появится НЕКТО. Неизвестность мучила её. А мужчина вызывал смешанные чувства. Тот человек, близость которого ещё совсем недавно была желанной, теперь ей казался равнодушным притворщиком, причиной её неуклюжести и беспомощности. Отчасти так это и было. Но именно от его осторожных поглаживаний она вскоре уснула, положив устало свою голову на его волосатую грудь.

По стенам пещеры плясали тени от языков пламени костра, угли которого осторожно, не желая потревожить сон русоволосой, голыми ногами поправлял мужчина. Во входное отверстие за ними с любопытством наблюдали холодные далёкие звёзды...

...Солнце стояло в самом зените. Воины, озлобленные тем, что именно им выпала доля покинуть тенистый город и тащиться по раскалённому песку, сопровождая партию рабов, осуждённых на смерть, не жалея плетей и древков копий, то и дело понуждали яростными ударами их спины.

И неизвестно, что больше раздражало наместника, командовавшего отрядом: стоны несчастных, крики надзирателей или то и дело раздававшиеся глухие удары. Наконец он не выдержал этой муки. Резким, властным жестом остановил колонну. И, повернувшись, еле сдерживая ярость, оглядел тех и других. Его блуждающий взгляд искал хоть кого-нибудь, на ком он мог выместить её.

Глаза наместника «споткнулись» об юношу-раба. Мальчишка с улыбкой разглядывал полевой цветок у своих ног! Наместник знаком приказал подвести к нему «дитя неба». Некоторое время они стояли, рассматривая друг друга.

Исполин, одетый в блестящие военные доспехи, с каменным лицом, исчерченным шрамами. И семнадцатилетний мальчик в разорванном рубище. Из-под чёрных как смоль волос, прилипших ко лбу, поблёскивали два карих наивных глаза.

Ещё один жест наместника – и первая партия рабов, подталкиваемая острием пик, становится на колени перед ним. Когда воины вынули из своих ножен мечи, раздались крики о пощаде. Один из мужчин, стоящих напротив них, потеряв сознание, медленно упал набок. Из-под него тоненькой струйкой по песку потекла моча. Стражники, не мешкая, перерезали горла несчастным.

Хрипы и конвульсии умирающих. Тошнотворный запах крови, пота и кала ударили в голову не только «забойщикам» человеческого скота, но жертвам заклятия, стоящим в двух шагах от смерти. И тех и других охватило безумие.

Юноша «отрезвел». Губы его побледнели и затряслись. Из глаз выкатились две большие горошинки слёз. Он оказался не готов к смерти...

Наместник, облегчённо выдохнув, самодовольно улыбнулся. Так, очевидно, улыбается СМЕРТЬ.

...Одноглазый пятидесятилетний викинг, ворвавшись в объятый пламенем посёлок, был похож на зверя, почуявшего добычу. Движения короткие и отточенные. Он почти не обращал внимания на сопротивление ему. Орудя направо и налево мечом, легко прорубал среди ошестинившегося «леса» людей себе путь. За ним образовалась «кровавая просека», устланная телами.

Он настолько был уверен в своих силах, что позволил себе в разгар схватки охладить разгорячённую голову водой из чана, стоящего посреди посёлка. Фыркнув от удовольствия, медленно открыл глаза. Сквозь струйки, сбегаящие с его рыжих косматых волос, увидел, что в двери одной из хижин мелькнуло женское тело.

Один прыжок – и он уже внутри строения. Путь преградила костлявая старуха, пытавшаяся своими мощами закрыть худенькую четырнадцатилетнюю девчонку, забившуюся в углу. Срубив, словно кочан капусты, голову старой саксонки, воин, взыв от радости, бросился к девчушке.

От трепета девичьей души и тела его начало самого трясти. Встав на колени, он волосатыми руками медленно отодрал от лица девушки её

тоненькие ладони. Ужас, застывший в её глазах, только раззадорил варвара.

Он медленно, как бы растягивая удовольствие, разрезал мечом её одежду. Мгновение полюбовался прекрасным девичьим телом. Острые соски, едва наметившиеся на худеньком теле, довели его до исступления. Он, как рысь, прыгнувшая с ветки, впился своими зубами в эти тёмно-красные капельки...

...В подвале монастыря было сыро и полутемно. Ярко полыхающие факелы, прикрепленные к стенам, то и дело шипели и чадили, разбрасывая в стороны искры. От этого они казались зловеще живыми. На самом деле на них просто время от времени падали капли воды, образовывавшиеся на каменной кладке в виде конденсата. Другими словами, факелы сами своим огнём порождали этот «голос». От чада факелов, от пламени свечей, стоящих на столе перед дознавателем инквизиции, от затхлости одежды осуждённого воздух (точнее его остатки), которым дышали люди, казался дьявольским напитком, каждый «глоток» его был способен разорвать лёгкие в клочья, как воздушный шарик, которого коснулся язык пламени. Но всего этого люди уже не ощущали. Одни, потому что, подобно скотникам на ферме, давно уже притерпелись к этой вони и своей жестокости. Другие, потому что многодневное испытание болью вычеркнуло из их сознания не то что запахи и другие ощущения, но и само понятие «жизнь».

– Как тебя зовут? – прозвучал как будто из ниоткуда вопрос.

– Разве это теперь важно? – вопросом на вопрос ответил человек, тело которого напоминало рассыпанный мешок с картошкой, потому что потеряло свою божественную форму от многодневных пыток. Ему показалось, что к нему обращается его собственная тень. Однако это был человек, сидевший несколько поодаль в одном с ним монастырском подвале.

– И всё-таки... – тихо настаивала «тень».

– Раб божий, обшитый кожей, – не злобно, даже с какой-то долей иронии ответил человек, прикрыв опухшие от побоев веки. Больше вопросов «тень» не задавала.

Тогда человек открыл глаза и несколько удивлённо посмотрел в сторону своего почти невидимого собеседника. Лица его, прикрытого капюшоном, было не видно. Зато лицо человека или точнее то, что от него осталось, в этот момент осветилось светом факела. Оно было изуродовано до такой степени, что трудно было понять, где на нём некогда размещались губы, нос и брови. Пот, перемешанный с кровью, струился тоненькими ручейками из ушей на плечи. Потом на грудь и по «каналам» многочисленных рубцов далее через пах на ноги и пол, устланный красной от крови соломой.

– Значит, безымянный. Что ж, может быть, так и лучше... – ответила «тень» глухим голосом. После некоторой паузы монах продолжил:

– Я слышал, ты утверждаешь, что общество, то есть все мы, паства Господня, есть не что иное, как тьма? Не пытаешься ли ты таким образом ответить на божественное провидение, выражаемое словами Иисуса: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»

– Нет, – более машинально, чем осмысленно произнёс человек, с трудом размыкая потрескавшиеся от побоев и жажды губы, – я всего лишь хотел сказать, что «мы», конечно, правильнее, скромнее, потому что может принадлежать каждому. Это слово состоит из целых двух букв: придавленного губами, выскакивающего через нос «м-м-м-м...» и стонущего внутри нас «ы-ы-ы-ы...». «Мы» просто толще – за него легче спрятаться. Но, если честно говорить, то ОНО, это слово, всего лишь ОНО. Ни рыба ни мясо.

А «я»... «Я» – слишком хрупка, тиха и беззащитна. Она – дыхание. Женщина, рождающая все остальные буквы. И мне не понятно, почему, когда кто-то говорит «я», то на него смотрят с подозрением. Его не любят. Так легче прощают коварство, чем наивность. Ненависть, чем любовь. Расчёт, чем бесшабашность. Ложь, чем правду. Почему моё и вообще чьё-либо «я» стало слишком опасным явлением для людей. Хотя ведь совершенно очевидно, что из «я» и должно состоять «мы». Только в этом случае это некое множество людей не превращается в стадо.

«Тень» молча поднесла к губам человека деревянный черпак с водой и помогла ему слегка приподняться. Он жадно прильнул к питью, но, сделав один большой глоток, поперхнулся и устало опустил своё тело на солому.

– А может, гордыня тебя обуяла, смертный? Не воображаешь ли ты себя равным Богу?! – Ибо только Ему ведомо, почему и зачем так устроен этот мир. – Мягко предостерег человека собеседник. – Вспомни, Иисус не был столь самонадеянным, сказав однажды: «Я пришёл не судить мир...»

– Но спасти... – продолжил цитату мученик. – Пока разум теплится в сознании, человек остаётся человеком, – твёрдо и внятно произнёс он.

От этих слов его лицо, кажется, даже просветлело. И он как ни в чём не бывало, будто находится не «на дыбе», а где-нибудь на студенческой пирушке, продолжил:

– Ибо жизнь для человека есть невидимое движение мысли.

Вот идёт кошка. Думает ли она? Или живёт только посредством рефлексов? Предположим на мгновение, что – думает. О чём? Какие у неё могут быть мысли? Наверное, о самом для неё насущном: где добыть пищу? Для нас, людей, это всё-таки не первостепенная проблема. Но поставим себя на место кошки. Это её препятствие, преодолев которое она будет жить. Это её стимул к движению, то есть к жизни. И получается, то, что для нас всего лишь рефлекс, для неё своеобразная форма разума или, точнее, то, что ей его заменяет. Ибо это высшее, на что она способна!

Точно так же и растение. Жизнь для него – движение, направленное в сторону солнца, которое выражается в его росте вверх. Но его движение осуществимо только посредством преодоления различных препятствий, первейшее из которых – его же собратья, то есть растения. Думает ли оно? В каком-то смысле – да! Если мы примем во внимание общий закон для всех форм жизни – формулу движения, способность решения которой для каждой конкретной из них и будет разумом.

Такая же закономерность нашего существования – умение мыслить. Это самое главное наше «движение». У нас могут отнять руку, ногу, другую часть туловища, и мы всё же будем жить, ибо всё ещё будем мыслить. Мы можем долгое время обходиться без пищи, без воды. Некоторое время без воздуха. Но без способности мыслить, несмотря на то, что всего остального будет в достатке, человек как человек не просуществует и мгновения. В лучшем случае перейдёт в состояние животного или растения. Ибо наше персональное на Земле во Вселенной определяется «движением», к которому мы способны, – мыслить.

Если вы поймёте это, совершенно по-другому будут видаться слова Иисуса: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы». Наша «забота» научиться наконец-то «мыслить, двигаться» и не на уровне кошки или растения, а на уровне нашего разума, который дарован нам Богом. И, сдаётся мне, что мы только в начале своего пути.

Ибо человек – совокупность свершившихся до него эволюций. Это живая книга, запечатлевшая на своих страницах многомиллионную их историю. Это наглядное пособие, по которому человек и сейчас, и в будущем будет изучать развитие жизни во Вселенной, образно говоря, не выходя из комнаты. Собственно, человек уже к этому готов, но ему не хватает одного решающего усилия, одного недостающего звена – самого Человека. Где ты, человек, который рискнёт познавать себя! Разве ты не видишь, что тысячи тысяч твоих братьев на протяжении многих сотен лет ценой невероятных усилий в борьбе за сохранение твоей плотской оболочки, сгорая на кострах земных страстей, погибая в войнах, – дают тебе драгоценную возможность мыслить. Или ты ждёшь ещё большей трагедии, которая подтолкнула бы тебя преодолеть самое главное «препятствие» – себя? Что нужно, чтобы ты проснулся? Чтобы погасло Солнце, Земля сошла с орбиты? Чтобы человек уничтожил самого себя? Надо спешить, пока он, одержимый телесными страстями, разодетыми в овечьи шкуры, не подстриг всё человечество под одну мерку. Пока он не начал своё невидимое движение, но не вперёд – назад. Ведь, как мыслящее существо, он всё равно создаёт и будет создавать себе другие видимые, более мелкие препятствия, которые можно свести к нескольким животноподобным понятиям: «чревоугодие», «прелюбодеяние», «властвование». Даже Иисус Христос не сможет удержать в своих руках этот кубок кипящих страстей, ибо человеческий разум как мудр, так же и лукав. И вместо восхождения в небо и лучезарное «я» человечество сойдёт в бездну и во внеразумительное, мглою окрашенное МЫчание.

– Жаль, но всё это теперь ты уже расскажешь только Ему во время личной встречи с самим Господом Богом. Да, будет так! – сказала тень и, встав, направилась к тяжёлой дубовой двери, ведущей из подвала на божий свет.

Человек вполне осмысленно посмотрел на него. Глаза его не выражали испуга или страдания. Скорее облегчение. Всё закончилось. А может быть, началось...

...Всю ночь лил страшный ливень, который продолжался уже два дня. Дороги в города превратились в потоки, часть огородов и подвалы домов в частном секторе было подтоплены. Деревья, истрёпанные ветром и ливнем как из ведра, лежали измученные, вповалку, а некоторые из них, не выдержав, рухнули на землю, обнажив свои корни.

Что-то происходило с пространством времени. Оно деформировалось. Человек просыпался за ночь несколько раз. И каждый раз ему казалось, что прошло с момента предыдущего пробуждения несколько дней. В каждом из этих отрезков сна он ощущал различные видоизменения своего тела: то мог летать, как птица, то чуял окружающий его лес вплоть до самой тоненькой травинки, как зверь, то превращался в скалы, то легко проходил сквозь любые стены. Потом всё это неожиданно соединилось и сжалось до размеров обычной квартиры, в которой шёл чей-то творческий отчёт. Во время него использовались самые различные техники: кино, электронная музыка, театральная постановка. Стены квартиры при необходимости в мгновение ока раздвигались – и появлялось иное пространство. Было ощущение, что демонстрируется какой-то фильм, любой зритель которого мог стать его участником и не только свободно передвигаться в этом киношном пространстве, но и летать, свободно меняя свои облики, превращаясь, например, в клоунов или нищих, в ветер или дождь, в цвет, звук, запах.

Среди зрителей-участников этого необычного творческого вечера было много знакомых человеку людей, пришедших на зрелище из разных отрезков его жизни: учителя, художники, поэты, журналисты. Один персонаж сменял другой. Вот ему помахала рукой коллега по педагогическому цеху, светловолосая высокая женщина с открытой лучезарной улыбкой, которая пришла на встречу со своей долгожданной дочкой. Ещё через мгновение он уже обнимался с женщиной в инвалидной коляске, которую на встречу привезли её сын и дочь. Эта некогда задорная, немного авантюрного характера женщина, пышущая жизнью, разбрасывающая налево и направо одну искромётную идею за другой, выглядела теперь в ладошке инвалидной коляски как маленький подбитый жизнью воробушек, который, однако, не растерял своей прежней жажды к жизни. Они и все остальные выглядели очень торжественно. На многих были карнавальные костюмы. Кульминационный момент наступил, когда

на сцене появился известный в Староангарске поэт и художник. Он был смущён. Его бледное лицо, нос с горбинкой, льняные волосы до плеч, старый потрёпанный свитер, рюкзак за спиной – всё выдавало в нём человека, явно не готового к подобной церемонии. Тем более что его появлению предшествовал голос с небес, который был подобен голосу, усиленному звуковой аппаратурой на стадионе. Его встречали бурными аплодисментами и радостными возгласами. Он начал читать свои стихи, которые на глазах у всех становились частью кинопредставления, оживая в видимых и осязаемых предметах, явлениях и событиях.

*Я потерял свой образ.
Закончена раздача лиц.
Как рубль измятый,
Падаю в созвездий пыль.
Теперь я научился это понимать.
Не обмануть меня колуном,
Мерцающим, как скальпель молнии.
Не обмануть меня телом возлюбленной,
Скользкой по мне лунной волной.
Не обмануть меня смертью,
Подсовывающей холодные тела близких.
Я ищу встреч в лабиринтах
Пытливых глаз.
Я ищу встреч
С теми, кто вложил в мои уста
Эту молитву,
Со стрекозиными крыльями строк.*

*Осень.
Жёлтое подаяния сентябрьских берёз.
Тоска по бессоннице –
Светанию лиц!
Ностальгия прозревающих слепцов,
Щеголяющих логикой кодексов и законов.
Алогизм нищих в песцовых шапках.
Абсурд
Ощетинившегося штыками рук большинства.*

*И вновь я – пришелец в себя.
После странствий за ширмами автобусных дверей,
Сочиняю: «До, ре, ми, фа, соль, ля, си ...» –
Для страны
С абсолютным слухом ям,
В которой умеют играть,
Лишь маленькие оркестрики сверчков.*

*И я не знаю, что такое сюрреализм!
Есть только жизнь и смерть.
То и другое доступно поэзии...*

Восхищённая публика славилась его. Поэту были подарены многочисленные дорогие подарки, ему вручили известные во всём мире денежные премии. Теперь он был богат и независим. Вдруг ведущий сказал, что взамен всего, что подарено поэту, ему предлагается издать его книгу. Поэт принял эти условия и согласился...

...День рождения, на котором присутствует коллектив одной из газет маленького сибирского городка. Торжество происходит, скорее всего, в квартире именинника, главная примечательность которой – множество полок с книгами. Компания окружена плотным кольцом известных и неизвестных авторов, на столе традиционные для таких случаев блюда: селедка под шубой, оливье, нарезка, кое-какие фрукты, морс, ну и конечно, водка, вино и шампанское. В центре стола помимо именинника главный редактор – крупный тридцатилетний мужчина чалдонской наружности и его верная боевая подруга с глубокими светло-голубыми выразительными глазами, тонкой талией и порхающими пальчиками. А ещё бухгалтер – девица достаточно высокого роста с профилем Анны Ахматовой, водитель – брат редактора, внешность которого отдалённо напоминает об их родстве, а также журналисты и верстальщики обоего пола. Именинник произносит тост за свою маму и рассказывает о том, какой она была, что любила, и благодарит редакцию за помощь в организации её похорон.

Раздаётся звонок – и в квартиру входит мама именинника. Всех присутствующих охватывает леденящий душу ужас. А мама улыбается и как ни в чём не бывало говорит:

– Я такая голодная, накормите меня, девчонки! – и садится за стол. Одета она в тонкое шёлковое цветастое платье, на ногах белые носочки и туфельки. Загорелое лицо имеет какой-то бронзовый оттенок, отчего её «нос картошкой» кажется запачканным сажой, а губы тёмно-сливового цвета. Чёрные вьющиеся волосы ещё не тронула седина. Она, похоже, примерно в том возрасте, когда родила именинника.

– Мама! – говорит он. – Почему ты такая тёмная?

Ему как-то неудобно прямо сказать ей, что она уже мёртва, и спросить, почему она пришла...

– Да! – Там потемнеешь, – двусмысленно отвечает она. – Давайте лучше поедим... – задорно отвечает она и сама себе наливает в бокал добрую порцию шампанского.

Постепенно лицо мамы начинает светлеть. А в процессе разговора с ней и друг с другом все присутствующие и именинник начинают понимать,

что они тоже мертвы. И каждый пытается припомнить, как он уходил из жизни. Никому этого вспомнить не удаётся.

Тогда все они, объединённые одним горем, пытаются друг друга полюбить, понимая, что только любовь их может оживить. Но у них этого не получается: холодные объятия, холодные лобзания...

Тогда именинник начинает летать. Ему хорошо, но он быстро устаёт от полёта, как обыкновенный живой человек. Для того чтобы набраться сил перед очередным полётом, он должен некоторое время походить по земле, которая ему возвращает силы для полёта. Он хочет этой своей радостью поделиться со всеми друзьями – жителями мёртвого города. Он завёт их и объясняет, как это сделать легко и просто. Полёт начинается как у самолёта: человек отталкивается от скалы и парит, купается в потоках воздуха, набирает высоту, снижается, в общем, легко управляет своим телом... Любимое место для полёта: над лесом, над полем, на открытом пространстве в городе, где вместо скалы можно использовать подоконник или крышу дома... Но они ему не верят.

Даже Наташа – верстальщица газеты, которая при жизни, оказывается, любила его, но не решалась ему признаться в этом. Теперь они интуитивно тянутся друг к другу. Нечто подобное происходит и со всеми другими.

И вот шаг за шагом, день за днём в городе мёртвых становится всё больше жизни: кто-то узнаёт вместе с именинником радости полёта, кто-то учится у Солнца светиться, кому-то удаётся полюбить... Люди становятся всё более открытыми, непосредственными, бескорыстными... В конце концов они обретают уверенность в том, что всё-таки смогут возвратиться к земной жизни, только необходимо время и терпение.

...Научная лаборатория, в которой проводится эксперимент. Холодный свет больших электрических ламп. В помещении находятся стройные светловолосые люди, одетые в изящные костюмы. Объект исследования – подсознание. Предмет – регулирование процесса подсознания. В креслах сидят мужчина и женщина, которые почему-то очень знакомы. Да это я и Катерина! Только мы очень молодые, такие, какими были в момент нашего знакомства. Начинается отсчёт: «Раз, два, три, четыре, пять...»

Мне снится, что я просыпаюсь. От этого мне кажется, что всё дальнейшее уже происходит не во сне, а наяву. И поэтому в моём дремлющем сознании происходит полное совпадение моего образа рационального и иррационального, моего сознания и подсознания. Это странное, но, несомненно, живое ТОЖДЕСТВО не понимает, где ОНО находится: в какой стране, в каком измерении... А главное, ОНО не способно определить, что происходит с ним, какие его окружают люди.

Сознание или то, что теперь заменяет его разум, сумело лишь смутно запечатлеть какое-то заведение, напоминающее таверну. Хотя в настоящей таверне рациональная часть ОНО в материальной жизни никогда не бывала. В помещении царит полумрак, стены и потолок освещены в разных его частях пламенем восковых свечей, мерцание которых добавляет загадочности и нереальности всему происходящему. Посередине большой массивный стол овальной формы из красного дерева. Мужчины одеты по-разному. Большинство в широкобортных камзолах, некоторые в европейских костюмах, которые, кажется, были в моде в начале XX века. Все при шляпах, у некоторых оружие: сабли в тяжёлых ножнах и револьверы в кобурах. Женщины в длинных платьях. Плечи у многих обнажены, на головах громоздкие самых разнообразных фасонов шляпы, из-под которых виднеются пышные причёски.

Все люди говорят на непонятных для ОНО языках. Они пьют из больших стеклянных бокалов неизвестный напиток и пьют. ОНО тоже пытается им подпевать. Но они, скорее всего, воспринимают его как чужака. Смотрят в сторону пришельца внимательно, но с недоверием. Это массовое действие для них, видимо, является привычным и ритуальным. Они говорят на разных языках, но понимают друг друга. Такое ощущение, что эти ведения сна умеют читать мысли. Хотя в то же время они какие-то отстранённые, как будто не от мира сего. ОНО сразу же почувствовало, что о нём кто-то заботится. После очередного такого массового пения, задушевного, приносящего удовольствие, кто-то угощает ОНО обедом, как бы за счёт заведения. Еда простая, но вкусная. Непонятно, из чего она точно приготовлена, но это, скорее всего, какие-то дары моря.

Потом ОНО вдруг начинает понимать, что это ему снилось уже не один раз. Но почему-то не получалось этот сон записать: мысли и образы ускользали, как будто кто-то мешал это сделать. Во время мучительного воспоминания ОНО о том, кто он такой и почему здесь находится, неоднократно звучит откуда-то издалека имя: «Александр Грин, Александр Грин... «Бегущая по волнам», «Бегущая по волнам...» ОНО невольно произносит слово «Зурбаган». Название это сказочного города звучит как пароль. Люди начинают поворачиваться к ОНО и улыбаться. Вдруг ОНО отчётливо понимает, что тот, кто за ним наблюдает, – Бегущая по волнам. А также то, что они испытывают пьянящую взаимную симпатию и одновременно боятся приближаться друг к другу. Она сидит на некотором удалении от ОНО, которое видит её большие магнетические голубые глаза, свободного покроя сарафан, под покровом которого оглушительно бьётся сердце девушки. Одна ляпка сарафана кокетливо сползает с плеча, обнажая какую-то часть её мраморного притягательного тела... Преодолевая страх, они медленно, кругами приближаются друг к другу. И в какое-то мгновение Бегущая по волнам преображается – в Катерину!

Они очень рады встрече. Взявшись за руки, садятся напротив друг друга и начинают обсуждать то, что происходит с ними. Оказывается, что

они вдвоём оказались в одном сне. Они наперебой рассказывают этот сон, дополняя друг друга, выясняя различные детали...

При этом им как-то естественно становится ясно, насколько опасно внедрение одного человека в подсознание другого. Это может привести к страшным последствиям. Например, у того человека, который побывал во сне другого, могут вытечь глаза. А у того человека во сне которого побывали, образуется саднящий кровью крест. Таким образом, люди как бы разоряют, опустошают подсознание друг друга. Поэтому у них совместно возникает идея-озарение, что управление подсознанием может кардинально изменять человека. То есть не только контролировать, но и направлять его действия... Ими овладевает чувства страха. Они не хотят возвращаться из сна в явь, в которой могут быть «покалечены». Новая их реальность, сон, более для них привлекательна. Им так хорошо друг в друге! Но они не знают, как совершить побег от своих естествоиспытателей...

...Уже неделю, как в зимовье не было даже кусочка собачьего мяса. Три лайки, которых взял на охоту смуглый тунгус, ценою своей жизни продлили его жизнь. Он старался не смотреть в их преданные глаза, когда впускал в зимовье очередного доверчивого друга. Закон – тайга. Если он, поддавшись чувствам, сегодня не возьмёт их жизнь, завтра ему будет опасно выходить за порог. В последние два дня он наблюдал, как собаки стали искоса следить друг за другом.

Наступил момент истины. До стойбища можно было добраться только через неделю. Колчан полон стрел. Нож острый как бритва. За окном пурга. А в душе страх. Разум мутнел от холода и голода. Больше медлить нельзя. Глупо умирать, когда до тёплой юрты, жены и детей ходу три луны.

Осторожно открыв дверь зимовья, низкорослый мужчина жадно вдохнул смолистого кедрового воздуха. Стараясь разглядеть среди деревьев свободное пространство, зашагал в ту сторону, где их ветви были длиннее.

Через некоторое время у него возникло такое чувство, что за ним кто-то внимательно следит. Привыкший доверять своему инстинкту самосохранения, он то и дело останавливался. Прислушивался. Но в той чехарде, которая творилась вокруг него, трудно было не то что услышать, но и увидеть что-то. И всё-таки ему за спиной послышался хруст валежника. Резко повернувшись, он увидел перед собой вставшего на задние лапы медведя. «Шатун!» – мелькнуло в голове. Сорвав с головы шапку, охотник бросил её в морду зверю. Секундная растерянность косолапого позволила выхватить нож и вонзить в сердце зверю. Проворачивая лезвие в его теле, охотник упал набок, накрытый громадной тушей медведя. И сразу его голову пронзила острая боль...

...Очнулся всё от той же боли. Медведь уже затих. Потихоньку выкарабкавшись из-под его тела, охотник устало сел рядом на снег. Струившаяся кровь немного согревала его коченевшее тело. Но неприятно заливала лицо. На ощупь, ножом, тунгус определил местонахождение печени у зверя и вонзил в ещё тёплое тело медведя свой нож. Вырвав желанное лакомство, в одно мгновение проглотил его. По телу начала расплываться приятная слабость. Но боль не утихала. Превозмогая и то и другое, охотник отрезал несколько самых лучших кусков мяса, положил слабеющими руками их в сумку и пополз назад к зимовью. Сил идти у него уже не было...

Ясное сознание постепенно начало приходить к нему, когда он очнулся в ещё не успевшей остынуть избушке. Этому активно способствовала всё та же боль. Он начал медленно ощупывать себя левой рукой: правая висела как плеть. Когда попробовал дотронуться до левого глаза – потерял сознание. Очнувшись, повторил попытку. Но ещё более осторожную. Кончиками пальцев он почувствовал, что из глаза торчал сучок. Поняв, что произошло, облегчённо вздохнул. «Значит, жить буду!» – подумал он.

Приготовил всё необходимое к обработке раны. Сел поудобнее. Собрался с духом. А потом резким движением на крик «Кха!» – рванул сучок из глазницы. И сразу же в его сознание вновь брызнул кипяток бессознательной тьмы. Но на этот раз боль и забвение были желанными: человек знал, что это не смертельно и жизнь через некоторое время опять задышит в его лицо...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОСТИ

Боль и забвение были желанными: человек знал, что это не смертельно и жизнь через некоторое время опять задышит в его лицо...

И действительно, постепенно мрак перед глазами начал рассеиваться. И только когда к Иннокентию полностью вернулось зрение, он понял, что происходящее сию минуту происходит именно с ним. Он увидел, что находится в каком-то странном месте. Сидит не на унитазе, а на красивом табурете восточного типа. В комнате, напоминающей душевую. Мраморный пол, стены, выложенные причудливой керамической плиткой, создающей иллюзию сказочного морского дна, и его одежда, были залиты кровью.

Иннокентий поспешно снял с себя рубашку. Прильнул к нефритовому умывальнику, стараясь смыть сильной струёй воды с ткани дьявольское красное месиво. Ему с трудом удалось справиться с этой

задачей. Но и даже после этого он ещё несколько минут стоял неподвижно перед зеркалом. Внимательно рассматривал своё такое знакомое и одновременно неузнаваемое лицо. Нет! Морщины, седина, смуглый цвет кожи – были те же. Но глаза! Две зелёные маслины, засохнувшие в тарелке на солнцепёке среди прочей закуски. Потерявшие не только цвет и запах, но и вкус. Такие глаза были уже никому не нужны. Даже Иннокентию.

Впрочем, он об этом сейчас не думал. Чувствовал. И это нехорошее, холодное как змея, **ворочающееся** у него в груди чувство мешало ему даже просто шевельнуться. Сделать хотя бы один шаг вперёд навстречу неизвестности. И всё-таки его делать было надо. Не стоять же всю оставшуюся жизнь в ванной комнате? Поэтому Иннокентий повернулся. Обнял двумя руками косяки дубовой двери. И, сильно сжав пальцы в кулак, осторожно стронул им с места дубовую дверь.

Первым, на что он «наткнулся», преодолев широченный коридор, была просторная комната, обставленная старинной мебелью. Иннокентию самым примечательным в ней показался массивный письменный стол. Он стоял у окна. Разглядывая его столешницу, задрапированную отличной зелёной ворсистой тканью, он иронично подумал: «Не стол, стадион какой-то! По крайней мере, в бильярд на нём сыграть при наличии луз запросто можно». Стол украшал телефон, напоминающий по конструкции подобный аппарат начала прошлого века.

Уже почему-то ничему происходящему не удивляясь, Иннокентий присел в кресло ручной работы, стоящее в рабочем состоянии около стола. Машинально выдвинув наугад один из ящичков, обнаружил в нём аккуратно уложенные в деревянную коробку причудливые тоненькие сигары. Совсем потеряв совесть, взял одну из них и закурил. Придвинул к себе пепельницу, которая на пару с телефоном безраздельно властвовала на территории «стадиона». И, медленно глотая дым, осторожно стряхивая пепел в чароитовую ладонь «служительнице муз», он стал сосредоточенно соображать. Все его соображения сводились всего лишь к двум вполне понятным для данной ситуации вопросам: «Какая дьявольская или божественная сила забросила его сюда? И что ему делать дальше?»

Особенно гениальных мыслей на ум почему-то не приходило. Хотя времени было предостаточно. Иннокентий не без интереса долго рассматривал своё убежище. На него произвело хорошее впечатление обилие книг, которые уверенно жили, по всей вероятности, в кабинете на стеллажах. Они бронировали стены комнаты от внешнего мира со всех четырёх сторон, оставляя небольшие отверстия для общения с окружающей средой в форме окна и двери, которая, впрочем, тоже выходила в НИКУДА. В каком-то смысле довольно пустынную комнату ненавязчиво дополняли небольшой диван и два кресла, замыкающиеся на красивом журнальном столике и встроенном в одной из книжных полок предмете наподобие прозрачного сейфа. Даже боковым зрением

Иннокентий различил в нём живительную влагу, которая сейчас была для него как нельзя кстати.

Не раздумывая редактор решительно направился в заданном направлении. Открыв «сейф», он достал первую попавшуюся бутылку, налил внушительную дозу коричневатой жидкости и одним махом отправил её в свой пересохший рот. Потом подошёл к окну. Увидев в нём мерцающие огоньки посёлка, как-то отрешённо подумал: «Надо же, значит, я пока в этом мире не один». А за посёлком открывался чудеснейший вид. Над ним возвышались величественные горы. Главная особенность их – снежные шапки. Хотя зелёно-синее их одеяние ясно давало понять, что на дворе было, очевидно, лето. Прямо перед окном на тропинке, выложенной красными и белыми квадратными плитками, лежал огромный пёс. Он почувствовал взгляд человека, повернул в его сторону голову и пристально посмотрел в его глаза. Иннокентию во взгляде пса показалось что-то до боли знакомым. Пёс неспешно встал, потянулся, встряхнул свою мохнатую чёрно-серую шерсть и, продолжая глядеть в окно, завилал приветственно хвостом, улыбаясь огромной пастью, из которой болтался ярко-красный язык. Иннокентий поспешил отойти от окна. Почему-то у него не было никакого желания вести дальнейшую разведку местности.

Иннокентий покорно вернулся к бутылке, стоящей на столике. Налил очередную дозу успокаивающего напитка. Поднял хрустальный бокал. Вдруг зазвонил телефон. Вздвогнув от неожиданности, он всё-таки поспешно проглотил содержимое. Затаившись, некоторое время думал, как ему поступить. Телефон всё звонил и звонил. Пришлось осторожно приблизиться к аппарату. После очередного звонка неуверенно взял трубку с рогатых рычагов. В ней послышался знакомый голос:

– Привет, Кеша! Как ты и просил – мы приехали. Находимся в посёлке.

Мгновение редактор соображал: кто с кем приехал, а, главное, о чём и с кем он договаривался? Потом понял, что звонят его друзья: Андрей, известный в городе коммерсант, и его благоверная супруга – Светлана, прибывавшая вот уже несколько лет при нём в почётной должности домохозяйки.

Иннокентий растерянно пролепетал: «Хорошо. Подъезжайте... Я вас жду». Говоря эти дежурные фразы, он даже не подумал объяснить, где находится и как к нему добраться.

Примерно через десять минут около дома затормозила иномарка Андрея. Предупредительно открыв дверь, Иннокентий, присев по-сиротски на краешек дивана у так любившейся ему за последние полчаса бутылки, начал покорно ожидать появления гостей. Вскоре во дворе звякнула входная калитка. Раздался звонкий голос Светланы: «Саян! – Нет. Место!» Из чего Иннокентий сделал вывод, что женщина уже не раз бывала в этом доме, а пса кличут Саяном. Первой на пороге, как клуб студёного, морозного декабрьского воздуха, появилась, конечно, молодая женщина.

– А вот я! – вызывающе заявила она, встав на цыпочки. И, взмахнув своими тоненькими руками, как крыльями ангел, с визгом бросилась в объятия Иннокентия. Впрочем, объятиями это было бы назвать очень смело. Иннокентий, едва успев приподняться, принял воздушное тело женщины в свои руки как неизбежную данность. Со стороны это, должно быть, выглядело несколько комично. Растерянный мужчина, запутавшийся в белокурой копне волос женщины, мучительно пытался разглядеть сквозь искры волос следующего следом старинного друга. На пороге появилось и ещё одно действующее лицо – пёс, который, наклонив голову, поваливая хвостом, с интересом наблюдал за происходящим. Держа Светлану на руках, Иннокентий неожиданно для самого себя выдохнул «да!», и Саян интеллигентно просеменил в помещение.

Здесь надо заметить, что все годы знакомства Иннокентия с Андреем и Светланой они втроём знали о давней симпатии между редактором и подругой его друга. Она внешне проявлялась во всём, но дальше дозволенных границ никогда не заходила. Слишком уж все уважали друг друга. В данной ситуации всё происходило по давно отрететированному сценарию, и, следовательно, никакой опасности для всех окружающих в себе не таило.

Поэтому редактор очень искренне и радушно встретил гостей. С первых же мгновений он понял, что они не настроены расспрашивать его ни о чём. Он же был рад тому, что всё происходит как само собой разумеющееся. Лёгкий подзатыльник Андрея, увешанного какими-то пакетами и свёртками, стал самым желанным приветствием для редактора. А когда он ещё к этому загадочно добавил: «Ну, ты даёшь!» И заговорчески, вполголоса, добавил, искоса поглядывая на носившуюся, как ураган, по комнате Светлану: «Ты хоть один?» – у Иннокентия и вовсе отлегло от сердца.

– Андрей, ты же знаешь, я никогда не бываю один. Но тот, второй, мне сегодня особенно мешает! – Так же мимоходом парировал редактор. Это вызвало бурю эмоций у одного и другого.

– Что это вы вдруг так развеселились? – наигранно, воплотившись в образ Агаты Кристи, прищурив нарочито угрожающе глаза, спросила Светлана. Андрей сделал вид, что он срочно рассматривает книги. Но даже его спина, упакованная в моднячий джемпер, под которым бугрились все мыслимые и немыслимые мышцы, не могла скрыть его иронического отношения к вопросу женщины, который она задаёт двум мужчинам, на мгновение почувствовавшим себя свободными.

Поэтому основной «удар» пришлось принять на себя Иннокентию. Заключался он в мстительно-ироническом внимании Светланы к «потустороннему» мужчине.

– Ну что, брошенный ты наш, скучаешь? Сейчас мы тебя отогреем, приголубим, будешь как новенький. Надо отметить Катькин отъезд – святое дело!

Андрей хмыкнул и многозначительно почесал затылок. Потом направился к пакетам, навьюченный которыми он и появился в доме.

Вскоре на журнальном столике, как по щучьему велению, стали появляться различные закуски и напитки.

Иннокентий, отстраненно наблюдая за этой суетой, решил ни о чём не думать: оставить всё как есть и просто наблюдать, как дальше будут развиваться события.

Саян, устроившись на ковре в зале, пристально наблюдал за Иннокентием. В его глазах читалось не только любопытство, но и некая тревога.

– Вот так, старик! – зачем-то сказал ему Иннокентий, на что в ответ пёс смачно зевнул, положил голову на лапы, не спуская больших умных чёрных глаз с мужчины. «Он-то точно больше меня самого знает обо мне и обо всём, что здесь происходит», – подумал про себя Иннокентий.

Скоро на столе появилась жареная картошка. Мужчины открыли банки, раскупорили бутылки. Иннокентий, пока суд да дело, налил себе персонально стопку водки и дрожащей рукой опрокинул её в рот, надеясь, что всё происходящее ему всё же снится. Благородный русский напиток наждачкой прошёлся по горлу и, плюхнувшись в живот редактора, возымел на его организм необходимое действие. Сомнений не оставалось: «Всё видимое и слышимое мной – непонятная, но явь!» – с сожалением подумал он.

Ещё не так много было выпито и съедено честной компанией, когда во входную дверь раздался стук. Иннокентий непроизвольно напрягся. А потом, резко выдохнув, почти бегом направился навстречу НЕИЗВЕСТНОСТИ. Когда же открыл тяжёлую дверь, от увиденного буквально остолбенел: на пороге стояли его иркутские друзья. Доктора философских наук – Вадик и Евгения. Арнольд – бабник, политолог, страстный поклонник местной баскетбольной команды. Дядя Миша – поэт, патриот и журналист. Пришедшие друзья, условно говоря, также кинулась на грудь Иннокентия с объятиями. Правда, каждый из них это сделал по-своему. Евгения немного жеманно подставила для дружеского поцелуя усыпанную веснушками щёчку. Вадик протянул свою прохладную руку для рукопожатия. Арнольд картинно, похлопав ладонью по спине, приобнял хозяина. А дядя Миша, ровесник Александра Вампилова и Валентина Распутина, отсалютовал по-журналистски: «Привет, старик!» При этом все они демонстрировали свою дружелюбность потоками слов, которые можно было бы уложить в одну фразу: «Мы получили твою телеграмму! Что у тебя тут стряслось?»

– Потом, потом! – уже несколько захмелев, демонстрируя бодрость духа, добродушно рычал редактор, – а сейчас проходите – будем отрываться по-взрослому.

Гости не возражали. Войдя в комнату, они поздоровались с четой Петровых.

– Просим, просим, дорогие гости, к столу! – приветливо прошебетала Светлана, совсем освоившись в роли хозяйки.

За эту развязную фразу она сразу же поучила жёсткий «боковой удар» быстрых карих глаз Евгении, хорошей, а главное, преданной подруги Катерины, которая до этого не была знакома со Светланой и, стало быть, не знала об особенностях взаимоотношений между семьями Андрея и Иннокентия. Светлана не могла не почувствовать этого укола. Похоже, это её только подзадорило. Почти вспорхнув, на ходу снимая фартук, она, как нарядная июньская бабочка, прошелестела к гостям. Причём сделала это так, что каждый из присутствующих мужчин подумал: «Ой! Она сейчас прыгнет ко мне на руки!» Но Светлана изящно остановилась перед напрягшимися мужчинами, окатив их запахом дорогих духов, сделав полуреверанс, снисходительно, чуть жеманно предложила всем по очереди свою прозрачную ручку. Арнольд и Вадик с этим светящимся крылом то ли женщины, то ли полуангела справились блестяще. Каждый в своём характере. Арнольд принял руку молодой женщины в не менее утончённом поклоне. Вадим – с достоинством истинного аристократа.

Труднее всех пришлось дяде Мише. В его узловатых ладонях ручка Светланы смотрелась как пёрышко птички, попавшее в пересохшую лужу. И, кажется, от этого больше всего было неудобно взрослому, недюжинного роста мужчине. Он даже попытался съёжиться. Но спрятать таким образом своё огромное тело ему, конечно, не удалось. Стало понятно, что преломиться надвое и коснуться губами руки Светланы он решительно не в состоянии. Неловкость мгновенно устранила женщина: встав на цыпочки, она непринуждённо чмокнула «дедушку» в щёку.

«Да! – подумал Иннокентий. – Теперь дядя Миша долго не сможет прийти в себя. Мало того что он оказался совсем не в своей компании, так ещё с порога такой конфуз...» Размышляя так, он представлял дежурными фразами своих гостей друг другу. Успев заметить при этом, что Евгения была уже «на взводе»: теребя в руках какой-то журнал, она гримасничала и буквально испепеляла своим взглядом Светлану. Ничего хорошего это не предвещало.

– Кеша! – пробасил Андрей. Его голос стал в каком-то смысле спасением. – Где у тебя стулья?

– А чёрт его ... – осёкся редактор. И уже более беспечно добавил, – или Бог его знает. Посмотри где-нибудь наверху.

Все дружно рассмеялись, видимо, приняв сказанное за шутку. Мужчины ринулись наверх. Женщины примирительно загремели посудой.

Наблюдая за тем, как они бойко перекидываются между делом остроумными репликами, Иннокентий невольно подумал: «Трепятся так, будто только несколько секунд назад между ними «не пробежала кошка» и они знают друг друга сто лет. Что бы это значило?»

– А вот и мы, – услышался голос дяди Миши, который осторожно первым спустился со второго этажа. За ним последовали остальные мужчины. Они несли торжественно перед собой добытые стулья.

Компания направилась в соседнюю комнату, где по совету всё той же Светланы было решено накрыть стол.

Она представляла собой просторный зал с двумя большими окнами, прикрытыми помпезными тяжёлыми шторами. На одной из стен висело полотно внушительного размера. Оно было в виде зимнего окна, стекла которого припорошены снегом и разрисованы изморозью. На переднем плане полотна стоял одноногий столик. На нём старинный чайник, из которого торчал букет «тёплых» бессмертников. Рядом бутылка внушительного размера, которую раньше называли четвертью, из змеилась стебелёк незнаемого цветка.

У стены напротив расположился мягкий уголок причудливой формы. Перед ним на полу – большая медвежья шкура. Вместо люстры на стенах светильники в виде подсвечников. В углу камин, разожжённый «хозяйской» рукой Андрея.

Иннокентий с интересом рассматривал комнату. Гости в это время теребили посуду, расставляли стулья, в шутку спорили, кто какое место займёт за столом. Между тем Саян уже принял решение, он улёгся, видимо по старой зимней привычке, недалеко от камина.

Наблюдательная Евгения, поймав изучающий взгляд Иннокентия, заметила: «Да, неплохо устроились, господин редактор! Вы с Екатериной превратились в настоящих буржуинов». В её словах слышалась явная ирония угнетённого, но непобеждённого пролетариата. Свою реплику женщина закрепила боевым движением руки, которой она так решительно поправила на своей стрекозиной талии тоненький кожаный ремешок, как будто это была портупея, на которой болталась кобура с тяжёлым наганом.

– Да уж-ш-ш, – ещё с большей иронией резонировал Иннокентий, подражая одному известному киногерою из экранизации не менее известного романа. Произнёс он эту фразу так громко, что все находящиеся в гостиной примолкли, повернув голову в сторону хозяина.

Выручил Арнольд: «Ну что будем пить или глазки друг другу строить!?!»

– Действительно! Марш за стол! – скомандовала Светлана, повелительно тряхнув копной светлых шелковистых волос.

Иннокентий, заняв положенное место в центре стола, взял налитую рюмку, встал. Народ уважительно притих. Но это уже была тишина другая. Звенящая. Не напряжённая. Стало даже слышно пощёлкивание углей в камине. Лучики глаз друзей коснулись лица редактора и оно слегка зарозовело от прихлынувшей крови. Он взволновано произнёс:

– Друзья! – начал высокопарно Иннокентий. И на секунду замолчал: ему не понравился собственный голос.

– Ребята, – продолжил он сокровеннее, – я так рад вас всех видеть...

Голос дрогнул. Глаза застлала лёгкая пелена. К горлу подкатил горький комок. Выдохнув, он продолжил более уверенно, будто обращаясь к кому-то неведомому, не соглашающемуся с ним.

– Мы столько вместе пережили! Но, к сожалению, часто вспоминаем друг о друге только тогда, когда нам что-то от кого-то надо. Или в скорбные минуты.

Да, конечно, настоящие друзья должны помогать друг другу. Разделять горечь потерь. Но ведь дружба – нечто большее! Иногда кроме помощи и сочувствия хочется ещё и участия! Чтобы тебя просто выслушали, ещё живого, не всегда правильного, такого, как есть, сомневающегося, запутавшегося, потому что ты уже не в силах разговаривать с этим отвратительным собеседником – самим собой. Когда хочется петь, а получается плакать. Когда готов совершить красивый поступок, а творишь гадости. Когда садишься писать стихотворение, а получается памфлет.

Давайте чаще соучаствовать друг другу при жизни! И тогда, возможно, мы станем чуточку светлее, будем совершать меньше глупостей. Словом, я рад вас видеть без всякой на то причины. Счастлив, что вы у меня есть, и мне не так одиноко. За вас! Ура!

– Ура-а-а! – троекратно, хором, встав, ответили гости. Подобно буддийским колокольчикам зазвенели фужеры. Потом им начали вторить вилки, ложки и ножи, дружно звякающие о помпезную фарфоровую посуду.

«Замахнув» стопку, Иннокентий, зажмурив глаза, демонстративно крякнул. Когда же открыл их, почувствовал, что по комнате кто-то прогулялся сквознячком, овеяв его лицо дыханием ледяного ветерка. Да такого, что даже шторы колыхнулись, а в подсвечниках затрепетало пламя. Ему показалось, что этот кто-то пристально за ним наблюдает. Огляделся вокруг. В стороне от общего стола на стуле около камина сидел незнакомец в чёрном костюме. На голове – синяя фетровая широкополая шляпа, надвинутая на глаза. Поэтому лица его разглядеть было невозможно.

Иннокентий, плавно сев на стул, начал наблюдать, как всё произошедшее оценили гости. Персональное изучение каждого никаких результатов не дало. Похоже, друзья настолько были поглощены закуской и друг другом, что просто не замечали взволнованности хозяина. Только Саян встал в боевую стойку, глядя в сторону незнакомца, негромко зарычал, слегка оскалив свои большие зубы. Но даже и это ускользнуло от внимания шумной компании. Разве только Евгения, за спиной которой сидел незнакомец, оценив по-своему его пристальный взгляд, кокетливо, по-детски показала Кеше язык. Все остальные беспечно расправлялись с блюдами, в шутку советуя не есть то или иное из них. Изумлённый Иннокентий отвёл свой взгляд от незнакомца, а когда вновь взглянул в его сторону, обнаружил, что у камина никого не было... Пёс тоже успокоился: он уже мирно лежал, спокойно разглядывая что-то под ногами гостей.

Внезапная догадка озарила сидящую голову редактора. Он неожиданно для себя вслух поделился ею с окружающими.

– Ха! Да ведь пламени в подсвечниках быть не может: в них ввёрнуты электрические лампы! – воскликнул он.

Вадим, сидевший рядом, от неожиданности чуть не подавился салатом. Все остальные удивлённо переглянулись между собой.

– Ну ты даёшь! – нашёлся Арнольд, – какое пламя? У нас что, пожар?!

– Ой! – не на шутку испугалась Евгения, сделав движение, как будто она хочет броситься прочь из-за стола.

– Какой пожар! – успокоила всех Светлана. – Бедненький Кеша просто перегрелся от собственных мыслей.

Все дружно, но всё-таки как-то нервно засмеялись. А Света, приободрённая общим вниманием, демонстративно прошествовала через весь зал к Иннокентию, фигурно облокотилась на его плечо, приложила ко лбу редактора свою изящную ручку и, как врач, ставящий диагноз, произнесла:

– Вот! Так и есть! У бедного Кешеньки жар! Чтобы его сбить, надо бы микстурочки налить! – почти в рифму, хлопая в ладоши, повизгивая от удовольствия, заключила молодая женщина.

Иннокентий и все остальные гости расслабились. Заряженные лёгкой, беспечной энергией счастья бытия Светланы, они уже наперебой подшучивали не только над хозяином, но и друг над другом. Последовали тост за тостом. Второй был, конечно, за виновника «общего сбора». За него, хоть и не имея никакого представления об этой загадочной личности, с удовольствием выпил и Иннокентий, с этого момента решивший строго контролировать свою внутреннюю речь. Третий – за женщин и, в частности, за отсутствующую Катерину. А дальше, как говорится, понеслось...

Сначала по ненаписанному, но давно отрепетированному сценарию появилась гитара. Иннокентий взял в руки её большое чёрное лакированное тело. Дружески погладил, как бы приласкав после долгой разлуки. Слегка пальцами потрогал струны, взяв простейший аккорд. А потом зазвучали песни туманной юности: «Ах, как хочется в синий лес, Ах, как хочется в чёрный бор...», известная среди друзей больше как «Мой любимый, любимый Ван Гог», «Мои поющие друзья, немых отцов слепые дети...», написанные советскими бардами и очень популярные в 80-е годы прошлого столетия. В гостиной стало шумно и весело. Вскоре наступил момент, когда от Иннокентия потребовали исполнить песни его собственного сочинения, слова которых многие из присутствующих знали наизусть. Он не ломался, хотя и сомневался, что в голосе. Выдержав небольшую театральную паузу, запел, пытаясь весь без остатка раствориться в музыке и словах, которые когда-то осенили его сознание.

*Безумство стихов – безумство любви,
Без умысла – не безрассудство!
И опять бессовестно поэты правы,
Несмотря на беспутство и бесприютство...*

Закрой глаза и открой окно –
 Приду к тебе тёплым ливнем:
 Я так не видел тебя давно –
 Побудем с тобой одни мы...

Когда ты вдали – ты родней мне, родная, –
 Родная случайностью жить...
 Ведь жизнь – неправильность тоже такая,
 Как мы, а иначе не может и быть...

Не бойся – не надо бояться счастья!
 Непривычно, понятно, и всё такое...
 Скажи незнакомцу этому: «Здравствуй!»
 И поделись, улыбнувшись, собою.

Открой окно и закрой глаза –
 Приду к тебе теплым ливнем:
 Зачем мне эта весна, небеса,
 Когда с тобой не бываем одни мы...

Безумство стихов – безумство любви,
 Без умысла – не безрассудство!
 И опять бессовестно поэты правы,
 Несмотря на беспутство и бесприютство...

Не успел затихнуть последний аккорд, как Иннокентий без паузы
 выдохнул другую не менее «древнюю» свою песню.

Прокляните на счастье меня, дорогая! –
 Отрекусь от ночей! В этом
 что-то такое есть...
 И навстречу рассвету опять прошагаю,
 Людьми и деревьями полон весь.

И снова вечер дождём искалечен –
 Зарифмую пространство, чтоб оно
 не сбежало.
 Там как два упрека – твои плечи –
 Ждут моих рук всю жизнь устало...

Проклянете и всё! – Не просите ответа...
 Я уйду – безответна моя вина,
 Ведь душа и тело – два встречных ветра,
 А ноги – одна сияющая струна.

Я сыграю на них соло солнечных дней

*Для всех одиноких в последних трамваях.
Проклянете на счастье – отрекусь от ночей!
В этом что-то есть, дорогая...*

Иннокентий знал, что текст песен его не совсем попадает в тональность душевного настроения компании, которая была уже на такой стадии, когда хотелось чего-нибудь весёленького. Поэтому он был благодарен, что друзья внимательно слушали его по-юношески наивные и картинно драматичные песни. Может быть, потому, что мелодия, вне зависимости от слов, помогла им вернуться лет на десять, пятнадцать назад – в счастливое время для кого-то молодости, для кого-то зрелости. Закончив петь, он решительно убрал гитару в сторону, поднял рюмку и не менее решительно произнёс:

*Эй! Уходящая юность!!
Помашу-ка ей,
Разодранной на колене штаниной! –
Здравши подол свой таинственно-длинный,
Не ты ли меня обрекла на разгульность?*

*Не клацай листвой и ты, ведьма, – осень!
Поперхнёшься ногой моей гениальной!
Потому что стихами, очень специально,
Ставлю, как двойки, вопросы...*

*А дырку в кармане заткну снова пальцем.
Довольно и монеты-Луны, не правда ль?
Мне кажется, ты, подруга, не рада,
Что жизнь разломилась с усольцем?*

*Счастливейший, стены упрятав в обои,
Себе разрешаю быть папой, любимым.
И думать: пресветло грешны мы...
Что ж, выпить за это, право, стоит*

По мере того как гости пьянели, Иннокентий всё больше трезвел. Может быть, оттого что он никогда этих интересных и уважаемых им людей не рисковал сводить вместе. Слишком уж они были разными по возрасту, эстетическим, философским и политическим воззрениям. Он предполагал, что если их собрать вместе, то получится некая «гремучая смесь», готовая взорваться с такой силой, что ни от него, ни от них не останется даже кусочка души.

Отрезвление происходило, может быть, ещё и оттого, что Иннокентий время от времени пытался понять: какого чёрта с ним происходит? Одно радовало: гости, как ни странно, пока ещё ни о чём интеллигентно не спрашивали. Они продолжали самозабвенно

предаваться снизошедшему на них отдохновению. Но редактор чуял, что так долго продолжаться не может. Рано или поздно наступит момент истины...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Рано или поздно наступит момент истины... И он не заставил себя долго ждать. Хотя, честно говоря, истина – понятие довольно сложное и неоднозначное. Например, правда объективно может быть страшной, умиротворительной, светлой, словом, самой разной. А истина претендует на некую исключительность и непогрешимость. Разве такое возможно!? Образно говоря, у любой монеты есть обратная сторона. Но всё-таки не зря поэт когда-то сказал: «Истина в вине!»

Разгорячённые вином, непримиримые оппоненты всё чаще и чаще ненароком выходили в своём разговоре на рискованные темы.

Неуютней всех себя чувствовал дядя Миша. Надо заметить, что он был из тех людей, которым от природы не суждено затеряться в толпе. И не только потому, что у него огромный рост и крупные черты лица, самая выразительная из них – нос, который, как говорят в народе, «семерым рос, да одному достался». Всё в его фигуре, одежде, поведении и разнообразных способах выражать свои мысли само за себя говорило об основательности, которая базировалась на ироничном отношении ко всему, что происходило в окружающем мире. Он, придерживаясь социалистических взглядов на государственное устройство, всегда был сам себе на уме. В своё время с иронией наблюдал за суетой политической элиты СССР, игра которой в демократию привела к развалу страны. А в новейшее время за такой же суетой бюрократов, так же прикидывающихся демократами, а на самом деле прислуживающих олигархам за солидную денежную мзду, цинично полагающих, что «деньги не пахнут», а «власть помогает жить всласть».

Он, бывший крупный партийный функционер, не раз признавался Иннокентию, что пожил в своё время «как следует». В шутку дядя Миша любил повторять: «Я объехал весь мир на персональной «Волге». Но, живя на народные деньги, капиталов не нажил. А всё то, что у меня было, раздал жёнам и детям».

Это правда. Весь гардероб дяди Миши умещался в платяном шкафу кабинета, который одновременно в последние годы был и его своеобразной квартирой. Единственная собственность – полуразвалившийся домик в одном из байкальских посёлков, который стоял на самом отшибе. Дядя Миша частенько укрывался в нём от цивилизации и «друзей». Собственноручно выращивал картофель, огурцы, помидоры, лук и сельдерей. Словом, именно там он сегодня был по-настоящему счастлив.

Иннокентий часто с ним встречался в его тупике. Мужчины, имеющие солидную разницу в возрасте, различным социальным статусом, несхожие взгляды на жизнь, по каким-то неведомым им причинам тянулись душой друг к другу. Немного выпивали, больше разговаривали о том, что произошло с ними и со страной. Иннокентий чувствовал, какая боль терзает дядю Мишу, который о ней однажды в своём стихотворении сказал: «Я разрушил свой дом до конца. // Ни печи. Ни стола. Ни крыльца. // Под дождём моя крыша промокла. // Дует ветер в разбитые окна...»

В благодарность о тех ночных бдениях и для поддержки душевного состояния дяди Миши в самую стужу переиначивания его жизни Иннокентий отозвался несколькими стихотворными строчками, которые, конечно, он ему никогда не показывал:

*Изнемогая от суетных мыслей
В тупик тропинку протопчу,
Чтобы потрогать взглядом выси,
Чтоб прочесть стихи култукскому ручью.
Здесь гуси гордые забавно
Гуляют важно среди людей.
Здесь я открыл недавно,
Как пахнет горький сельдерей.
И мне слышалось раз ночью
Под звон стаканов за окном,
Как кто-то до зелья охочий
Стучал в окно своим ногтём.
Здесь столько живности приличной
Гуляет прямо по Лесной,
Что с каждым козликом публично
Обнялся б я! Да, Бог с тобой,
Хозяин этой благодати –
Поэт, а может, лесовик –
Прими в своём уединении, когда ты
Вдруг посетишь свой благостный тупик.*

*Скользит рука по небосводу
На улице Лесной,
Когда в бегах от несвободы
Постылой городской.
И ароматом очарован
Кореньев, трав и слов.
Ночь к употреблению готова:
Сварганена из голосов
Радиоэффира, закусона
На стареньком столе,*

*Из соблюдения закона,
Что истина – в вине!
Но, если только бренди
Нас вводит в золотистый бред,
Готов признать: намедни
В гиене сгинет белый свет!
Нам душу жжёт иная тайна,
И может быть, как знать,
Её откроем мы нечаяно,
Когда приступим выпивать.*

Дядю Мишу можно было бы назвать пьяницей, отшельником, лешим. Но только не вором. Поэтому, когда Арнольд, самый молодой из присутствующих, всуе упомянул о проклятых коммунистах, разворовавших Россию, в углу, где сидел насупившийся «леший», сначала раздался громкий стук посуды, а потом уверенный, поставленный на партийных конференциях голос:

– Можно, конечно, писать кипятком в ванну. Но рано или поздно придётся в ней мыться! Вот в чём проблема!

После этих слов дяди Миши стало даже слышно биение крыльев мотылька об оконное стекло. На некоторое время компанию как бы парализовало. Даже Саян тревожно приподнял свою морду. В этот раз ситуацию попытался спасти вкрадчивый голос Вадима. Не совсем уверенно, держа театральную паузу, он постарался перевести разговор в другое русло.

– Миша, вы же не станете отрицать, что Россия – многонациональная держава, уникальный социум, аналогов которому в мире нет? М-м-м... Учитывая это, а также те чудовищные эксперименты, которые поочередно проводили над нашим отечеством то духовенство, то государи всея Руси, то коммунисты, совершенно очевидно: хвастаться нам пока нечем...

Самосознание народа уничтожалось, государственное строительство было архаичным, экономика варварской. Не кажется ли вам, что только разумная интеграция в мировое сообщество и избавление наших государственных мужей от тоталитарных замашек, позволит нам выработать собственную модель общественного развития. М-м-м... Представьте себе: немцы, французы, японцы – тоже люди! Эти и другие нации в своих государствах прошли в своё время все этапы развития демократического общества. Последний из них сегодня переживаем мы. Может быть, хватит нам учиться на собственных ошибках?

Вадим свято верил в то, что говорил. Он уже в конце семидесятых годов прошлого столетия был в оппозиции к советскому строю. Только во время перестройки и последующие смутные годы сумел самореализоваться. Теперь часто выезжал за границу с чтением лекций, где подолгу жил в странах Западной Европы. Владел несколькими языками. Прекрасно ориентировался в мировой культуре. Недавно

защитил докторскую диссертацию. Был автором нескольких десятков книг, посвящённых истории России. Его потрясающее трудолюбие позволило обеспечить нормальный достаток семье. Правда, сам он от этого превратился в кусок сухожилий, которые оживляют только огромные карие глаза.

– Вадик, прекрати свою еврейскую демагогию! – прервал философа дядя Миша, – чужой опыт – мёртвый, а не ошибается только тот, кто ничего не делает. Между прочим, эти западные засранцы слизали у нас всё, начиная от самых передовых технологий, заканчивая механизмом социальной защиты. Нас всех купили, как папуасов за фунт конфет в красивых обертках! Завалили дерьмом жёлтой прессы, которую мы радостно «глотаем», даже не пережевывая. Распяли русскую душу! А мы, уткнувшись в компьютеры, всё продолжаем словоблудить, захлёбываясь от собственного бессилия.

С первых же слов дяди Миши вспыхнуло ярким румянцем лицо Евгении.

– Только вот национальный вопрос трогать не надо! – выпали она, едва дождавшись, пока «леший» закончит свою речь. – Это, как вы выразились, и есть настоящая демагогия! Особенно бессмысленная у нас в Сибири, где все национальности уже давно смешались.

– Кеша! – вдруг она обратилась к редактору, – кто у тебя дедушка по отцовской линии?

– Литовец, – не понимая, куда она клонит, ответил Иннокентий.

– А по материнской?

– Цыган.

– А в паспорте записано, что ты русский, не правда ли?

– Да...

– И так почти у каждого из нас! Русский, точнее говоря, россиянин – не национальность, а состояние души.

Надо сказать, что дядя Миша хорошо заочно знал Арнольда, Вадима и Евгению, потому что они были людьми публичными и активно участвовали в научно-практических конференциях, семинарах, выступали по радио и телевидению, публиковали свои статьи в журналах, альманахах и газетах. Его представление об общественном устройстве России не совпадала с их пониманием этого вопроса. Поэтому он не питал никаких иллюзий относительно того, что сможет в разговоре с ними прийти к какому-нибудь компромиссу. Но именно к Жене у него было особое отношение. Несмотря ни на что, он тайно обожал и уважал её за прямоту характера. То есть за ту черту, которая, как он неоднократно подчёркивал, свойственна только русскому человеку.

Поэтому такого «удара» от Евгении дядя Миша не ожидал. И «интеллигентно» его перенести не смог. У последовательного сторонника русской идеи, всегда недолюбливавшего творчество Б. Пастернака, М. Булгакова за призрачный, мерцающий еврейской двусмысленностью стиль, лицо налилось кровью... Сжав кулаки, он медленно встал и в сердцах угрожающе тихо провещал:

– Вот так вы и продали американцам Россию... Ну, ничего! Стройте особняки, коттеджи! Придёт и наше время! Да!!! Я с тайной надеждой наблюдаю, сколько их воздвигается в области. Это будущие Дома детского творчества, школы искусств, пансионаты, приюты. А те, кто ограбил свой народ, даже не подозревают: всё, что ни делается, – делается к лучшему, но только не для них!

При этих словах поперхнулся уже широкоплечий Андрей. До этого момента он откровенно игнорировал спор, с наслаждением потягивая из большого бокала свою «каплю» коньяка. Он очень внимательно, удивлённо, можно сказать, пристально посмотрел на разгорячившегося гостя.

Иннокентий приготовился к худшему. Надо было каким-то образом приходить на помощь к дяде Мише. Не потому, что он полностью разделял его взгляды. Просто жаль старика было...

– Милые мои друзья! Господа и товарищи! – произнёс он патетически, совершенно не зная, о чём будет говорить в следующую минуту...

Вдруг в его подсознании начали возникать слова, которые не могли по разным, в том числе и мировоззренческим причинам, принадлежать ему. Он явственно чувствовал, что вылетающие из его уст понятия, как стрижи из гнёзд песчаного обрыва реки, продиктованы кем-то извне. Они удивляли его не меньше, чем слушающих его. Хотя тревоги в интонациях собственного голоса он не слышал. Более того, он совершенно отчётливо видел себя спокойным, каким-то по-особенному уверенным во время собственной «речи» со стороны, как если бы это было его отражение в зеркале, висевшем напротив. Возникнувший из ниоткуда «зеркальный оратор» был им и не им, как будто во внешность Иннокентия вселился другой человек...

Это неосознанно почувствовали все... Но особенным образом данное перевоплощение подействовало на Саяна, который встал в боевую стойку и, пристально вглядываясь в глаза хозяина, начал тревожно поскуливать, что вообще несвойственно для кавказкой овчарки. Словом, на его морде, менее способной к притворству, чем лицо человека, совершенно отчётливо читались искренняя растерянность и удивление...

А Иннокентий между тем продолжал говорить:

– А при чём здесь политический строй, модель социально-экономического развития общества и уж тем более национальность? Это лишь декорация и оформление сцены... Они, конечно, влияют на игру актёров, но не определяют их характеры. На сцене всё те же донжуаны, донкихоты, моцарты и сальери, гамлеты, скупые рыцари, джульетты, дездемоны... В общем, персонифицированные добро и зло, милосердие и жестокость... И принципиально ничего не меняется... Вешают декорации, дряхлеет бутафория, костюмы Ленина, френчи Сталина и Гитлера поедает моль, маски выцветают... Они заменяются на новые, но суть всё та же... Идёт непрерывная борьба между телесным и духовным, рациональным и иррациональным... Причём ни то ни другое никогда не побеждает окончательно и одно без другого существовать не может...

Бог или, точнее, некий абсолют ищет среди созданных им людей Человека. Человек ищет Бога. Но встречаются они очень редко, если встречаются вообще в земной жизни. Скорее, это вечное движение навстречу друг другу – одно из условий духовного осуществления человека...

Гораздо быстрее находят среди людей павших ангелов...

Бог вездесущ, как пространство. Может быть, он и есть особого рода – многомерное (неисчислимо многомерное!), не имеющее временных ограничений пространство?

Странная речь Иннокентия не поспособствовала снятию напряжения между спорящими. Но произнесённое им создало ощущение некоего интеллектуального вакуума, который неизвестно к чему бы привёл «взвёдённых на курок соотечественников», если бы в полнейшей тягостной и угрожающей тишине вдруг не раздался залиvistый спасительный смех Светланки. Она, уронив свою прелестную головку на плечо Андрея, долго не могла «очнуться» от смехотворного обморока. Наконец, придя в себя, вытирая слёзы, сказала:

– Вы, конечно, извините меня. Я женщина – глупая, но... красивая. И мне обидно, что вы уже битый час, говоря на непонятном мне языке, совершенно не обращаете на меня внимания. Вот, например, дядя Миша, почему бы тебе не пригласить меня потанцевать?

«Да, психологом Светка всегда была отменным!» – подумал с облегчением Иннокентий, ощутивший себя прежним, давно знакомым самому себе человеком. И, пристыженный, направился приглашать на танец Женю.

Кто-то включил магнитофон. Кто-то погасил несколько «подсвечников». Блики от слабенького свечения лампочки одного из них освещали успокоившиеся лица людей. Перед её величеством ЖЕНЩИНОЙ оппоненты склонили свои упрямые головы. Наступило перемирие, и вечер продолжался своим чередом.

Было приятно смотреть, как позже, ещё больше охмелев, чуть ли не в обнимку Вадим, Женя и дядя Миша самозабвенно под аккомпанемент гитары пели песни своей комсомольской юности. Смеялись от души над анекдотами про евреев, русских, чукч. Читали вперемешку стихи Б. Пастернака, А. Пушкина, М. Волошина и Н. Рубцова. Да, прав был поэт, сказав однажды: «Умом Россию не понять...»

«Никакой ошибки».
Рисунок М. Шемякина

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СУМЕРИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Да, прав был поэт, сказав однажды: «Умом Россию не понять...» И точнее, чем сказал поэт, выразить духовное многообразие русского мира невозможно. Никакие унифицированные аршины не способны измерить, то, что не укладывается в рамки технократического, пусть даже и человеческого, разума. К России можно только прильнуть душой, погрузиться в неё своим подсознанием и услышать гармонию: журчащего родника и стремительно несущей свои воды к Северному Ледовитому океану реки; тихой колыбельной, раздольной казацкой и неистойвой плясовой песен; мерцания лампадки под иконой в красном углу избы и ослепительного сверкания электрических ламп на городских проспектах; рокотания трактора на пашне ранним туманным утром и оглушительного рёва танкового двигателя на полигоне; тихого тиканья в ночном звёздном небе спутника связи и угрожающих всхлипов межконтинентальных ракет, способных нести ядерные боеголовки... В необъятных просторах России растворяется и делается забавой любая человеческая ненависть, становится улыбкой любой звериный человеческий оскал. Уравновешенность и спокойствие горных хребтов, океана леса, необъятность равнин и степей способны поглотить и нейтрализовать любую молнию, пожар, наводнение и землетрясение. Бескрайняя, она как НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ для всего так называемого цивилизованного мира. Это поле вдохновлённого умиротворения, в котором бродят космические смыслы, облачённые в простые одежды тех, кто челом своим касается века, но не претендует ни на одну из абсолютных истин, кроме всеобъемлющей любви ко всему живому на Земле. Это поле – потаённо возвращённая энергия заблуждений тех, кто создавал белый свет. Это надежда не на то, что кто-то победит кого-то силою своего тела или разума, а на то, что победит тот, кто сумеет, не отрекаясь от себя, стать частью другого. В этом поле звучит гармоничная музыка миллиардов наливающихся солнечным светом колосьев, которые способны создать некое единство многообразия, поющего великую песнь жизни в виде не боевых маршей, а – детских колыбельных. Это НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ – наша Родина. Она трудяга-мать, уставшая от бескрайних дневных бдений, которая жаждет только одного – всепобеждающей любви. Всё остальное: деньги, мирская суета по удовлетворению своих полуживотных желаний – не имеет смысла...

*Прекратилась работа души.
И вернувшееся пространство
Изготовилось придушить
Наше рабское постоянство.*

*Гость, пришедший с мороза в тепло,
Греет вновь свои жадные руки
О Россию, которой везло
На насилье и хамство от скуки.*

*В окнах – неба застывшая грусть,
А в глазах – опрокинуты дали!
Но, читая всех нас наизусть,
Разгадает всё ж кто-то едва ли!*

*Как волна на речной мели,
Бьётся пеною речь поспешная,
Дескать: «Проклятей нет Земли,
Все, кто в ней и на ней, потешные!»*

*Но! Рябиной сочась на снег,
Жадным ртом полыньи стужу мучая,
Всем назло, наяву, не во сне
Мы – любили от случая к случаю!*

*Каждый был так талантливо сир,
Что, вскормленные вьюгой и пьянством,
Мы от русских пеньковых лир –
Воскресаем, вернувшись из странствий!*

*О, как долог наш путь к дому был!
Как же жить в клетках выросшим птицам?
Вы, грядущие из голытьбы,
Помолитесь на наши лица...*

О, моя Родина – НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ! Не знаю более загадочной истории происхождения нации с гордым именем славяне, которая стали предтечей возникновения европейской культуры. На фундаменте какой необъятной «страны городов» - Тартарии, включающей в себя сотни Аркаимов, строилась Древняя Русь? Известно, что она стала прообразом российского государства, переживающего из века в век нашествия различных воинствующих орд, а так же собственные не менее жестокие тоталитарные режимы. И каждый раз наша Родина, подобно птице Феникс, выходя из огня, попадала в полымя, но становилась ещё сильнее и прекраснее. Какая недюжинная сила духа заключена в необъятных просторах России? Каково её историческое предназначение? Что и от кого мы должны сохранить? Ибо, не однажды побеждая всех, вели себя совсем не как завоеватели, возвращаясь в границы своей мистической Тартарии. Загадка. Тайна. Не только для самодовольной англосаксонской культуры, которая, подобно Фоме, не помнящему своего родства, даже не подозревает, что глумится над родниковыми истоками своего сознания, пролитого в их бытие прасловом, ближе всех к которому

стоит славянская речь. Разве может быть случайной смысловая и фонетическая перекличка между понятиями «слово» и «слава»? От последнего произошло название наднационального объединения народов – славяне. Может быть, славяне это те, кто, образно говоря, несёт миру СЛОВО? Во всяком случае, они и ныне остаются носителями его истинного синкретического смысла, в котором рациональное начало, лишь одно из многих значений.

В чём же были правы «славы», которые пришедшее на их землю христианство преобразили в православие?! Чем были так ненавистны для хромающей рационализмом западной цивилизации языческие боги, волхвы, скоморохи, баяны, сказания и мифы, в которых охранялась история народа, что они постарались уничтожить все материальные носители праславянской культуры? А то, что сохранилось, старательно до сих пор пытаются придать забвению...

Этой цивилизации, верящей только в то, что можно увидеть собственными глазами и потрогать собственными руками, даже невдомёк, что существует такое духовно-нравственное явление, как душа вообще и коллективная душа в частности. Душу нельзя увидеть глазами и тем более потрогать руками, но она есть, и она способна передавать из поколения в поколение информацию, которая не записывается на пергаменте или бумаге. Словом, промашка вышла... Славяне оказались наиболее способными к тому, чтобы «пойти туда, сам не знаю куда, и принести то, сам не знаю что». Или, другими словами, они способны передавать необходимую информацию о своём древнем роде нетрадиционными способами, не в виде, например, книг, которые легко уничтожить, а из уст в уста, да ещё в виде разнообразных не контролируемых земной властью форм так называемого устного творчества. Да! Можно гусли и домры сжечь. Можно скоморохам языки вырезать, а баянам глаза выколоть. Но душу народную не сожжёшь в печи! Она жива и нетленна. И она сумела на протяжении веков сохранить главные ценности славян, которые они приняли в свою очередь от предков – праславян. Не важно, как они назывались. Но о том, что это был мудрый народ, свидетельствует, в том числе, и жизнеспособность России, которая для большинства стран и народов мира остаётся НЕЗНАЕМОМ ПОЛЕМ.

В этом НЕЗНАЕМОМ ПОЛЕ погибает духовно всякий, кто пытается строить свою жизнь только с точки зрения так называемого «здорового смысла». Он превращается в живой труп, то есть в человека, который живёт, ориентируясь исключительно на материальные интересы. Такие люди в России никогда не будут своими. Они чужие. Разумеется, их никто не будет публично осуждать и тем более преследовать. Их жизнь – это их жизнь. Но она никогда не будет согласовываться с жизнью общества, которое жило, живёт и будет жить по своим неписанным законам. В нём нет ничего превыше «устаревших» в англосаксонской культуре совести, чести, души, правды, милосердия и прочих понятий, которые можно объединить в одном всеобъемлющем, имя которому – ЛЮБОВЬ. Это любовь к ближнему, любовь к природе, любовь к космосу. То есть любовь к жизни. Всё тленно в этом мире, кроме этой любви, которая и «правит» душами россиян.

Любая земная власть, которая бреет в свои руки бразды управления Россией, какого бы она ни была «цвета», не учитывающая этого важного обстоятельства существования НЕЗНАЕМОГО ПОЛЯ по имени Россия, обречена на поражение и отторжение.

Незаметно наступила ночь. Непримиримые друзья-враги разбрелись по комнатам, коих в доме оказалось предостаточно. Основная масса людей расположилась на втором этаже или где-то выше. Об этом Иннокентий догадался потому, что, когда хрупкая Женя в сопровождении громадного по сравнению с ней, но удивительного галантного в конце вечера дяди Миши поднялась на второй этаж, оттуда донесся её радостный визг:

– Ой! Да, здесь же ещё есть и мансарда! Чур, я тут буду спать!

Светлана с Андреем устроились в соседней с кабинетом комнате. Когда Иннокентий, провожая их, заглянул в неё, то сразу отметил, что хозяйка её женщина. «Настаивало» на этом обстоятельстве громадное трюмо, тумбочка которого была заставлена внушительным количеством духов, косметики, кремов, лаков и другой женской чепухи. Рядом стояла ширма для переодевания. Её красивая рама была задрапирована какой-то особой, скорее всего, восточной тканью. Она создавала иллюзию воздушности или, говоря более приземлённым языком, – прозрачности этой женской «игрушки». Иннокентий добродушно подумал: «Зачем ширма, сквозь которую всё видно? О, женщины!»

Но главное отличие комнаты было не в пуфиках, кровати, платяных шкафах и прочих мебельных премудростях. В запахе! Умопомрачительный! Тонкая смесь хороших духов, женского тела, избалованного ароматными лосьонами, и волос, только что промытых специальным шампунем. Если бы Иннокентий зашёл в эту комнату с закрытыми глазами, он всё равно непременно был бы околдован женским очарованием. Мужчине одному спать в такой комнате нельзя. Он просто не сможет заснуть! Так что ничего удивительного, что именно эту комнату выбрала Светлана.

Когда Иннокентий, пожелав спокойной ночи ребятам, вышел из «девичьей», ему вдруг показалось, что запах этой комнаты ему что-то или кого-то напоминает. Он даже зачем-то понюхал руки, которыми невольно, как заколдованный, всего минуту назад прикасался к предметам, находящимся в комнате. Некоторое время, как в оцепенении, он стоял в нешироком коридорчике, отделявшем гостиную от всех остальных комнат дома. Потом, так ничего не решив и не поняв, он перешагнул порог теперь уже достаточно знакомого ему кабинета. Раздевшись, Иннокентий блаженно рухнул на диван. Но сон не хотел принимать его в свои объятия.

Лежа в темноте, редактор начал что-то смутно припоминать. Бессвязные отрывки то ли видений, то ли действительно происходивших событий больно теснились у него в голове. Несмотря на неприятные ощущения, он старательно прислушивался к самому себе...

– Принимайте летуна! – сказала женщина в белом халате. «Больница что ли?» – мелькнуло в голове у Иннокентия, который видел всё, с одной стороны, как-то отстранённо, а с другой, глубоко переживая всё происходящее изнутри своей души.

Двое здоровенных таких же «белых» мужика, «нежно» взяв под руки, провели его в комнату. В ней усадили перед каким-то человеком, сидевшим за столом. Пока последний шуршал бумагами, мурлыча себе под нос мелодию какой-то знакомой оперетты, Иннокентий напряжённо, если не сказать испуганно, рассматривал помещение.

Самая зловещая его деталь – зарешеченное окно. Сквозь него, как сквозь сито, пробивались лучи восходящего солнца. В этих лучах в правом верхнем углу серебрилась «живая» паутинка. Такой она казалась оттого, что в ней билась попавшая в тенёта муха. Она отчаянно боролась за жизнь. В наступившей тишине её жужжание стало невыносимым. Сидевший за столом человек, которого Иннокентий уже успел про себя окрестить доктором, встал, подошёл к окну и одним уверенным ударом свёрнутой в трубку газеты закончил мучения насекомого. «А ведь жизнь имеет право отнять только тот, кто её дарует... – подумал с какой-то досадой Горенский. – Уж не мнит ли он себя Богом?»

А между тем доктор сел за стол, отложил в сторону бумаги, начал пристально рассматривать своего пациента. Иннокентий ответил тем же и заметил, что резкие черты лица «сверхсущества», осанка и ещё что-то еле уловимое выдавали в нём принадлежность к негражданской профессии.

– Здравствуйте! – сказал доктор полковничьим голосом. – Меня звать Иван Петрович! Я хочу вам помочь. При вас не было документов. Представьтесь, пожалуйста.

– Я Иннокентий Горенский – редактор газеты.

– Понятно... – многозначительно протянул «полковник». – И что же с вами происходило?

...Дальше память не хотела Иннокентию рассказывать ничего. Некоторое время редактор, парализованный собственным бессилием, мучительно прислушивался к звукам, доносившимся извне.

Вот женские босые ноги прошлёпали по полу куда-то в направлении ванной комнаты. Из-за стенки раздавался глухой смех и шёпот двух людей. Потом наступила тишина. Только откуда-то сверху доносились короткие сигналы: «Пи-пи-пи...»_

«Опять, заразы, спутники летают!» – почему-то раздражённо констатировал Иннокентий, хорошо зная свою уникальную способность слышать по ночам позывные космических аппаратов, трудившихся на околоземной орбите.

У кого-то за стенкой безжалостно тикали ручные часы, разрывая своим громким «тик-так» его ушные перепонки. «Для полного «счастья» ещё не хватает, чтобы где-нибудь рядом появились менты со своими паскудными рациями! Тогда точно прощай сон!» – устало подумал Иннокентий. Но сон или, может быть, что-то иное всё-таки настигло его._

Ему чудилось или виделось, что он сидит, привязанный к стулу. Ноют ноги и запястья рук. Он в квадратной, не отягощённой обстановкой комнате, обшитой поролоном, который обтянут кремовым кожаменителем. Если бы не цвет, то можно было бы сказать, что по форме стены очень напоминали плитки шоколада. Небольшое пространство «шоколадной клетки» освещала лампочка, упрятанная под колпаком матового стекла. «Точно такие же я видел в детстве в общей городской бане...» – вяло подумал Иннокентий. Его не смущало, что он был в комнате один. Да, и какое там одиночество, когда за массивной дверью слышался приглушённый женский хохот, переплетающийся со страстным шёпотом мужчины, откровенно соблазнявшего её.

– Ну, чё ты ломаешься? Куда денется твой Моцарт...

– Не Моцарт, а редактор.

– Да какая разница. Будь он хоть сам Наполеон или граф Монте-Кристо! Отсюда ещё никто не утекал. Пошли ко мне в комнату. До рассвета ещё часа два, а я тебя так хочу, что аж ломит!

– Нет! Нет... Смотри. Надо же! Совсем ещё мужик нестарый... Симпатичный. Жалко такое добро пропадает. Ха-ха-ха!

У Иннокентия закружилась голова. Не столько от этого дурацкого разговора за дверью, сколько от удушающего запаха кожи, смешанного с запахом каких-то чудовищных лекарств. Ему показалось, что если он сейчас ещё выпьет несколько глотков этого дьявольского коктейля, то его вырвет. Иннокентий задёргался в своей паутине. Но быстро устал. «Кто-то свой хлеб ест недаром, – слабея, подумал он и затих. Расслабился. И, пытаясь избавиться от навязчивого кошмара, спасаясь от унижительной действительности, просто закрыл глаза, вообразил огромное звёздное небо, какое бывает в ясную октябрьскую погоду над Байкалом. А если ты в это время плывёшь на лодке, то кажется, что находишься в самом центре мироздания, потому что сияющие потоки звёзд сверкают и над, и

под тобой. Если запрокинешь голову и долго будешь смотреть в небо, то оно обязательно позовёт тебя...

Неожиданно Иннокентию стало легко. Исчезли боль и ощущение несвободы. Он открыл глаза и увидел... внизу пустой стул. Тут же до него донёлся крик: «Смотри! Его нет!»

Лязгнула дверь. В комнату вбежал мужчина квадратного телосложения и смазливая хрупкая девушка. Первый показался Иннокентию сверху горбатым, пятнистым бронтозавром, который, как-то неестественно раскорячив ноги, удивлённо вертел головой.

А женщина, порхая, как белая бабочка по комнате, суетливо хлопала своими руками-крыльями. Видимо, лишившись дара речи, она лишь испуганно причитала: «Ой-ой-ой!»

Не меньше в первое мгновение был напуган и редактор. Приземлившись, он забился, как затравленный зверь, в один из углов комнаты, приготовившись к самому худшему. Но время шло, а он всё ещё оставался на свободе.

Это его немного успокоило. Он сделал несколько неуверенных шагов по комнате. В какое-то мгновение метавшаяся по комнате девушка, будто играя в жмурки, «проколола» стебельками своих тоненьких рук редактора, а потом, резко развернувшись, «прошла» сквозь его невесомое тело. Иннокентий не почувствовал при этом даже и толчка. «Вот это, да!» – восторженно подумал он и уже уверенно шагнул навстречу «бронтозавру», который, оцепенев, заполнял своим телом дверь. На мгновение остановившись прямо напротив него, редактор пристально посмотрел ему в лицо, которое представляло собой современный, очень распространенный вид: не отягощённые мыслью глаза, уши, губы, нос, бритая яйцевидная голова. Но! Это человекообразное существо невозможно было идентифицировать. То есть, оно как бы существовало и не существовало одновременно, потому, что не заключало в себе ничего индивидуального и неповторимого, а лишь повторяло, сделанных как под копирку молодцов, которых бродит по белу свету видимо-невидимо.

Ухмыльнувшись, Иннокентий подумал: «Будь я женщиной, мускулистый таракан, я бы тоже с тобой в твою норку-коморку ни за какие коврижки не пошёл!» И, уверенно шагнув вперёд, просочился сквозь него так незаметно, что у бритоголового даже камуфляжный костюм не шелохнулся.

...А потом было то самое звёздное небо. Ощущение удивительной невесомости тела. Наслаждаясь этой беспредельной лёгкостью и неограниченностью своего бытия, Иннокентий, уже даже несколько играя, легко подпрыгивал вверх метров на пять, принимал горизонтальное положение и плыл по воздуху, словно хороший пловец по воде. Внизу мелькали люди, дома, автомобили, фонарные столбы.

Перестали существовать времена года, сознание превратилось в сияющий поток образов, которому нет никакого дела ни до времени, ни до пространства.

Он видел, как на леске ветра в лунную ночь дрожат тени листьев, падающих в бездну земли. Той самой земли, по которой ещё совсем недавно катался огненный шар солнца. Штормовой ветер, как разыгравшийся щенок, трепал загровки деревьев, ворошил лапами мусорные кучи, и по городу летали окрылённые газеты. Жёлтые брызги листы залепляли лоб, щеки, губы. Запах мокрой и усталой от непогоды земли проникал в душу, которая смотрело на этот взъёрошенный мир подобно влюблённой женщине тоскливо-мечтательно. И лицо поэта, под шляпой которого тикали его глаза, напоминало часы со стрелками ресниц. По таким часам сверяют время только птицы и влюбленные ...

Затаив дыхание, он вмерзал в вечность и, став ею, слышал, как снег в морозный день звенит под ногами людей, словно расстроенный рояль. В это время печка в бане превращается в сказочного дракона с пародышащей глоткой каменки, который своим дыханием лечит, окуная распаренные тела человек в сугробы, изгоняя из них чёрную хворь. Он был этим сугробом и одновременно плыл по его волнам, вдыхая воздух, густой и сладкий, как ломоть перезревшей дыни. А небо улыбалось ему светлой улыбкой месяца...

Потом солнце неспешно протаяло небо – и пошёл дождь. Он, рождённый дыханием земли, рос прямо из облаков. А ночью на острие сосуличной слезы застыл сверкающий луч, пойманный днём умирающим снегом. Медленно, день за днём всё ярче и жарче распускается бутон солнца. Оно ласкает отучившееся любить тело земли, которая млеет от его прикосновения, сдерживая сладостный оргазм, желая его продлить как можно дольше. И, на вздрагивающей от любовного томления земле, снова появились первые проблески травы. Почки вздохнули и лопнули, но вылезать из своих уютных нор-веток не спешат. Жизнь зачалась! Возрождение её неизбежно!!! Пришли ночи звёздные, зори голосистые: братья-птицы выдают целые концерты... Сладкие, тяжёлые осы плавают обессилено в озере: ими лакомятся и рыбы и птицы... Тополя, черёмухи, яблони и другие деревья, затаив дыхание, ждут начала своего белоснежного полёта.

В такие минуты легкий тёплый ветерок треплет волосы, а душа наполняется ощущением неземного счастья... Вот и сейчас Иннокентию показалось, что наступил тот день, тот час, то мгновение, когда он понял, что умер.

– Бред какой-то! – блаженно произнёс вслух редактор.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СВЕТЛАЯ НОЧЬ

Душа наполнялась ощущением неземного счастья. Иннокентию показалось, что наступил тот день, тот час, то мгновение, когда он понял, что умер.

– Бред какой-то! – блаженно произнёс вслух редактор.

– Что!?! - отозвался кто-то рядом, как будто только и ждавший этого вопроса Иннокентия.

Он открыл глаза. На пороге кабинета, касаясь своей изящной ножкой лунной дорожки, постеленной как будто специально для такого случая на полу кабинета самой Селеной, стояла, как ему показалась, Светлана.

Вздрогнув от неожиданности, Иннокентий в ответ пробурчал: «Я думал, что я умер, а на самом деле я – родился... Пойду подышу свежим воздухом...» Поспешно встал, бочком «преодолевал» стоящую в дверном проёме женщину и вышел на крыльцо.

На улице было светло как днём. Горизонт обрамляли тёмные силуэты гор, увенчанные белыми шапками гольцов. Вдали мерцали огоньки окон и фонарей посёлка. Несмотря на столь поздний час, многие жители явно ещё бодрствовали. Их светляки-окна, кажется, не стояли на месте и, подобно настоящим светлячкам, медленно двигались в разные стороны.

За спиной Иннокентия притаился высокий лес. Светящаяся в лунном свете береста наводила на мысль, что он в основном березовый. Высота деревьев, знакомый ему с детства запах свежей рыбы, похожий на аромат полевых лилий, который доносил лёгкий прохладный ветерок со стороны леса, – всё указывало на то, что совсем недалеко, метрах в трёхстах от дома, находится Байкал.

Не успел редактор ещё как следует оглядеться вокруг, а рядом с ним уже стояла Светлана или то, что хотело казаться ею. Поёживаясь от ночной прохлады, в тапочках на босу ногу, в большой мужской рубашке, небрежно накинутой на голое тело, молодая женщина, не говоря ни слова, пристально вглядывалась в лицо Иннокентия. Он не видел её глаз, но чувствовал их светлые и тёплые прикосновения... От внезапно нахлынувшей на него робости он долго не смел взглянуть на молодую женщину. А когда решился – его как будто окатили холодной ангарской водой. Это была ОНА!

Торжественная полуулыбка, тонкий профиль, кокетливо наклоненная голова и лукавые глаза – теперь были частью его постоянных видений. А главное – руки! Они начинались как будто бы из ниоткуда и умели медленно процеживать свои волосы, как струи серебристой воды, через невидимые пальцы. И так искусно, что ни «капельки» не роняли на землю – волосы благополучно ниспадали на ослепительно-белые плечи женщины.

– Ты сегодня, как всегда, другой, – сказала она, приблизившись к редактору вплотную.

– А ты что, всегда меня видишь? – не пытаясь сопротивляться, уже не как человека, а как призрака спросил её Иннокентий.

– Только настолько, насколько можно видеть свою душу. Так небо видит звёзды, море – рыб, а человек – своё будущее...

– Знаешь, мне почему-то сейчас даже не хочется с тобой спорить...

– Вот и хорошо! Значит, настало время посмотреть на звёзды с обратной стороны. Люди это умеют, просто забыли. Но периодически в белый цвет, символизирующий смерть, одеваются в самые счастливые дни своей жизни. И уж совсем запутанно звучит их словосочетание «БЕЛЫЙ СВЕТ».

При этих словах она, чуть склонив голову, обняв руками свои худенькие плечи, добавила полушёпотом: «Что-то не так?»

– Я не знаю... Я вдруг понял, что ничего не знаю! – обессилено признался Иннокентий.

– Значит, прозрел. Успокойся, милый...

В это же мгновение он сначала ощутил дыхание женщины у своей шеи, а затем грудью лёгкое прикосновение её вполне осязаемого тела, что окончательно убедило его в реальности всего происходящего. Он приобнял её за плечи. Дрожащая от волнения женщина тут же прильнула к нему, запустив свои руки в его вздыбленную шевелюру. Иннокентий почувствовал солоноватый вкус её губ...

*Любовь? – Как чашка кофе от бессониц боли.
Как сладострастный стон, коверкающий рот.
Мы влюблены в свою неволю –
Воображаемый полёт.
И, кажется, счастливее тем более,
Чем сумрачней Иркутск, чем более забот.
И будет так, наверное, доколи
Наш трепет тел строку не оборвёт.
Ну, а пока мы – звенья ржавой цепи.
Мы – в лабиринтах злых очередей.
Где, встретившись, наедине, – ещё нежней,
Где врозь – всегда ещё нелепей.*

*Как светло мне в имени твоём.
Под кожей солнца день октябрьский.
Душистый он, как дольки апельсина.
Опять «Нева», опять мы кофе пьём,
Палимые друг к другу жаждой адской.
Потом под звуки клавесина
Мы на двоих одна – бессонница.
Как ночь длинна! Ей мера – жизнь.
И сумерки речей, и мрак квадратных лиц,*

*И морок лозунгов – всё гаснувший в нас век!
Так пусть же огонёк твоих волос дрожит,
Среди моих смуглеющих страниц,
Моих неживших книг. И мой побег
От рук твоих, от губ – к листве и суете авто –
Побег в тебя, который не прочтёт никто...*

*Любовь перетекает в жалость.
Как жало вьюги в душу.
Капли фонарей дрожат. И – тихо. И – тало.
И нам, бездомным, БЫТЬ сегодня лучше.
А губы пахнут чёрным кофе.
А парк действительно спешит проститься.
Не спится. Ветра вздохи.
Неплохо бы сейчас в стихах забыться.
Неплохо бы судьбу придумать снова
И в прошлое сбежать, лет эдак хоть на сто!
Но догорает на губах несбывшееся слово.
Его прочесть не в силах уж никто.
Но ещё помнят тишину плеч руки.
И одиноко нам на улицах и Ленина, и Маркса.
А вечер тянется тенями, тысячерукий,
Срывать и с нас, и с неба солнца маску.*

*Какая грустная игра:
Жизнь знаем наизусть,
А смерть была уже вчера.
А поцелуй дрожащих ваших уст
Напоминает нежностью проталины земли.
И вот душа, как птица из руки,
Вспорхнула! Потом растаяла вдали,
Оставив только шрам строки
На клетчатом снегу...*

Что было дальше? – Большие капли звёзд мерцали между дерев. Тихое небо медленно шествовало над землёй, ласково укрывая тенью облаков их тела. Где-то вдалеке бранились между собой собаки. Но они этого, конечно, не видели и не слышали.

Пробуждением стала первая переключка поселковых петухов. Женщина мирно дремала на коленях у Иннокентия. Когда она подняла свою голову с его плеча, он смог наконец-то рассмотреть растрёпанные светлые волосы и немного распухшие от жадных ночных поцелуев губы.

– Что же мы наделали, милый? – прошептала женщина.

– То, что делается каждый день в каждом из нас. Прости меня, если можешь...

– И ты меня... – выдохнула она и... растворилась в утренней прохладе.

Как ни странно, её внезапное исчезновение Иннокентия нисколько не удивило. Более того, оно казалось ему нормальным явлением для той реальности, в которую он неизведанно как и когда попал. Он просто сидел, съёжившись, и оцепеневшим взглядом смотрел на небо. Уже петухи охрипли от своего горделивого состязания. Небо поблекло на Востоке. Растаяло большинство звёзд. Монета луны закатилась за хребет. И только одна утренняя звезда упорно не хотел покидать небосклон. И он, подобно ей, всё ждал и ждал чего-то. Не желая никуда уходить. Как будто вот сейчас, в сию секунду или в следующее мгновение в его жизни произойдёт что-то, делающее её чистой, привлекательной и даже, может быть, бессмертной.

«Ведь я никогда никому ничего плохого не делал, – размышлял Иннокентий, – так почему же, отчего такое оглушительное ощущение пустоты, падения в НИКУДА? Словно и не было меня. Я, конечно, не знаю, что такое смерть, но мне кажется, то, что происходит со мной, во сто раз хуже!»

– Жизнь! – произнёс он вслух, обращаясь к проявляющимся в холодном светло-фиолетовом утреннем небе силуэтам гор. – Чём же ты добрее небытия, если так же одновременно непредсказуема и закономерна? И не понять: ты дар или наказание, отдохновение или испытание...

И зазвучали слова. Как звучит шёпот утренней ряби на речной волне от дуновения неизвестно откуда взявшегося низового ветерка. Как звучит барабанная трель дятла в тайге, звук которой разносится по глухим распадкам на многие километры. Как хлопают крылья грузного от съеденных ягод глухаря по траве, который в начале сентября неожиданно «выстреливает» из-под ног путника и медленно, как-то неуклюже, боком, улепётывает в ближайшую чащобу. Как торжественно гулко бьётся сердце этого путника, застигнутого врасплох испуганной выходкой глупой птицы.

Это было нечто большее, чем слова. Или слова, но в каком-то своём первозданном виде, когда их ещё не покинули живые чувства и они не разучились для человека пахнуть, быть осязаемыми и, главное, звучать! Звучать не благодаря колебанию его голосовых связок, а тревожным эхом из бездны сердца, которым люди всегда условно называли таинственное пространство НЕЗНАЕМОГО ПОЛЯ, находящегося за пределами их самонадеянного, но по сути своей беспомощного сознания.

*Как солнечно и холодно одновременно.
Одновременна боль и радость.
Одновременны солнце и луна.
Одновременны время и пространство.
Как мне – одновременно!
И непременно в силе – слабость...
И не приемлю я без ночи дня.*

*И, может быть, одновременность нас,
Гранитных и живых,
Предрешена? Кому крыло – душа,
Кому душа – крыло.
Кому и час – столетье,
Кому и вечность – час...
И бытие то ль – вздох, то ль – выдох:
Единство страшное,
Где зло с лицом добра.
Где сквозняком в груди – ветра!
Где вой и стон на протяжении веков –
На протяжении моих мгновенных глаз...
Где сны мои, как кролики в огне!
Где вместо песни кандалов
Порой черёмухи рассказ,
Что, как в бреду, – в цвету,
На растерзание – в весне!
Где стрелы стелятся в пыли
И сердце, сжатое в ладонях татарвы,
Придушено. А я, ещё живой,
Гляжу, как вертится вдали
Волчок сентябрьской листвы.
И мир, готовый на покой,
В расширенных зрачках ночи
Таит загадку звёзд,
Как возрожденья. И вот
Пулсирующий дождь вновь за окнами стучит!
Вновь очертания безумных грез,
Безумней у меня,
Чей разум – большеротый идиот!
И над полями, заключёнными во времени,
Со мною вместе, вместе с чудачком Рембо,
Под крыльями невидимых, но сущих сфер,
Мы все – одновременные!
И жить да жить нам! – Умереть слабо...*

Когда прозвучал последний аккорд этой беспорядочной с точки зрения теории стихосложения музыки, Иннокентий некоторое время стоял с закрытыми глазами, понимая, что этого просто не может быть. Он слишком хорошо знал все хитрости рождения стихов и, как редактор, всегда не доверял тем, кто утверждал, что «он пишет стихи как дышит!» Но в данном случае было всё именно так. Более того, он был убеждён, что он их никогда не забудет и легко сможет воспроизвести партитуру данных слов на бумаге. Поняв это, он даже улыбнулся, и как будто что-то или кто-то отпустил его душу: она радостно выпорхнуло через рамы открытых окон на веранде куда-то вверх. Возникнувшее чувство лёгкости

напоминало состояние, когда много дней мучившая головная боль отпускает человека, и он становится вновь пригодным к заблуждениям в своей жизни.

*Боль ушла, как уходят люди.
Вспышкой света – дробный аккорд!
Меня нет уже... Но я буду,
Когда звёзды решат свой спор.
В бездне тают мысли и чувства.
Надо мной золотится в огне
Тело бывшее. Как грустно
И легко одновременно мне!
Словно в радужном калейдоскопе,
Уподобившийся лучу,
Мчусь сквозь дали в космическом скопе
И мелодией странной звучу.
Точно встретившись с преисподнею,
Жар и холод разделились во мне.
Не проснусь я, наверно, сегодня
И увянут цветы на окне...
И ослепнет бесстыжее зеркало,
Только горсть запоздалых слов
Будет долго в тетрадке меркнуть
В узелках непонятных строф...*

Утро застало его сидящим в кресле на веранде, растрёпанным снаружи и изнутри. Через некоторое время несколько сконфуженный Иннокентий прокрался в умывальную комнату. Неспешно побрился, умылся. И только когда закончил эти утренние процедуры, заметил в зеркале своё лицо. Оно было в каком-то смысле неузнаваемым. Нет, борода, волосы, глаза, конечно, были на месте. Но какая-то сияющая тень застилала его лик, делая второстепенными привычные черты. Из-за лица выглядывало НЕЧТО, как будто невидимый художник написал его, используя древний живописный приём сфумато. Иннокентию казалось, что он проспал вечность и вот наконец-то проснулся. В таком странном состоянии он пошёл в гостиную навстречу людям.

Его встревоженные глаза искали Светлану, чтобы убедиться хоть в чём-то. Поиск был недолгим: жена его друга имела одно замечательное свойство – заполнять собою всё без остатка пространство, где бы она ни появлялась. Лёгкий шелест её платья, запах духов, брызги сияющих слов, звонкий колокольчик беспечного смеха – всё заставляло двигаться и чувствовать всех, кто находился с ней рядом.

Вот и теперь во всём сияющем её облике – от тонких пальчиков до кокетливого кончика носика – не было и тени сомнения. Иннокентий облегчённо выдохнул: она беспечно порхала из комнаты в кухню, как всегда, откровенно прикасаясь своими большими синими глазами к

нахохлившемуся телу Иннокентия. Но не более того. И он так же, как всегда, не мог, хотя бы украдкой, не любоваться ею.

Вскоре проснулись все остальные. Шумная компания с шутками и прибаутками уселась за стол. Откуда-то появились пельмени, которые оказались весьма кстати после вчерашнего разгульного вечера. Философы, поэты, журналисты и педагоги непринуждённо болтали друг с другом. Молчал лишь Иннокентий, словно загипнотизированный тем, что, по его мнению, всё же произошло ночью.

Но самое удивительное случилось в полдень. На пороге дома возникла Катерина... Так неожиданно появляется солнце из-за туч где-нибудь в огороженной горами Хамар-Дабана Слюдянке. Ещё минуту назад плотное полотно туч, казалось, навсегда спеленало небо и горы. И вдруг ослепительный луч! Он пронизывает пространство и устремляется к земле, оживляя по пути траву, деревья, дома и людей. Нет никакой гарантии, что оживление навечно и что всё происходящее реально. Но от этого не менее стойко в душе поселяется ощущение чуда.

Банальная фраза «Женщина – это загадка» в данном случае для Иннокентия оказалась наполненной особым смыслом.

Катерина, или просто Катя, стояла перед ним осязаемая и живая. Это же подтверждал и Саян, который забыв о своей воспитанности, радостно-хлопотливо бегал вокруг хозяйки.

В который раз, устыдившись своих ночных видений, Иннокентий смущённо опустил голову и мысленно прошептал: «Какой же я дурак!» Даже воображаемое предательство этой женщины ему казалось неминуемым предательством себя.

НЕЗНАЕМОЕ во плоти и крови стояло перед ним, перечёркивая напрочь всё ностальгирующее его существо по большой и, как ему казалось, неземной любви.

«Влюблённые всегда правы!» – почему-то вспомнилась ему его же банальная фраза, когда-то записанная наспех, на бегу, посередине жизненной суеты в его личном дневнике.

«Любовь?»
Рисунок неизвестного художника

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО

Влюблённые всегда правы? А может быть, это очередная уловка хитроумного разума, который имеет обыкновение искать оправдание даже самому мерзопакостнейшему поступку человека...

Правда – это когда ты прав (да!), когда твоё дело правое – справедливое. Но разве справедлив влюблённый или влюблённая, которые оставляют своих близких людей (детей, мужа или жену) ради вспыхнувшей в их сердце любви к другому человеку? Вряд ли возможно однозначно ответить на этот вопрос и разрешить вечный парадокс, в котором, как это ни странно, все оказываются правы.

Прав ребёнок, который хочет, чтобы у него были папа и мама. Разве виновато чадо, что родители когда-то сделали неправильный выбор?

Права оставленная, например, мужем жена уже только потому, что стремится сохранить для своих детей отца, а значит, уберечь от разрушения семью. А если она ещё к тому же и самозабвенно любит своего мужа, то это рождает дополнительное противоречие: ведь она тоже влюблена, а значит, по-своему права...

Прав и тот, кто уходит из семьи, ведь жить без любви аморально. Ложь не только унижает, но развращает и уничтожает душу.

Возникает парадоксальная ситуация: все правы и все одновременно виноваты. Правда и вина человека вытекает одна из другой. Возникает полная бессмысленность происходящего. И это не какой-нибудь специально придуманный философом-софистом логический парадокс, а обыкновенная жизненная ситуация, коих случается в жизни человеческого общества великое множество. Это доказывает только одно: невозможно всё в этом мире измерить с помощью якобы универсальных весов разума. И прежде всего потому, что точность этих «весов» весьма сомнительна.

Кроме того, идеал любви, а значит, возлюбленного или возлюбленной у людей разных национальностей совсем не одинаков. Например, очевидно, многим в мире не совсем понятен смысл таких русских пословиц, как: «Стерпится – слюбится», «Где любовь, тут и Бог», «Ум истиною просветляет, сердце любовью согревает», «Одна думка, одно и сердце», «В милом нет постылого», «Любовь слепа», «Сердце сердцу весть подаёт, сердце сердце чует», «Полюбите-ка нас в чернее, а в краснее и всяк полюбит», «От мила отстать – в уме не устоять», «Любимые любимыми не надышатся», «Милый ударит – тела прибавит», «От того терплю, кого больше люблю», «Не избывай постылого: бог приберёт милого», «У доброй девки ни ушей, ни глаз», «Девка ничего не знает, но всё понимает» и т. п.

Или, например, почему дудочка влюблённого юноши Леля, звуками которой он вызывает на свиданку возлюбленную, называется «жалейка». А важнейшая потребность русской влюблённой женщины – пожалеть

своего милого. Поэтому полюбить для многих, особенно простых людей в России – это значит пожалеть, то есть защитить человека. Прежде всего, помочь ему выжить морально и нравственно, потом уже физически и материально. Как утверждают русские писатели, любовь для нас истинна и прекрасна, когда она не в голове, а в сердце. Любовью держится и движется жизнь. Любовь бессмертна, потому что после своего исчезновения, даже вместе с человеком, она продолжает жить в сердцах людей, которые его окружали, и передаётся последующим поколениям. Истинная любовь скромна и стыдлива. Кто боится и избегает любви, тот несвободен. Влюблённость указывает человеку, каким он должен быть. Любовь надо беречь как драгоценную вещь. Для русского легче умереть, чем перестать любить. Любимый человек никогда не бывает отсутствующим. У любви нет страха. Дружба может обойтись без любви; любовь без дружбы – нет. Где расчёт, там нет и тени любви.

И тем не менее: «Влюблённые всегда правы!» Когда-то это строчка стала душевным импульсом к рождению небольшой поэмы Иннокентия «Уроки поэзии», которая начиналась такими строчками:

*Парадокс дождя и снега –
С неба в небо, в небыль... Ах! –
Бах и Моцарт – между строк.
Строг к себе палач, и я с разбегу
В непогоду, год за годом – в прах!
Бог иль дьявол, кто помог
Выучить сей каверзной судьбы урок?*

*Не пойму, за что подраненный
Неподаренным букетом роз?
Надо ли себя в себе изжить?
Блажи, поэт, глазами карими!
Сквозь марево и плёс
Слёз кипящих, но непролившихся, чтоб – жить!*

*Чтоб жить?! – Зачем??
Всем угождать??? – Щека болит...
Душа болит... Любви, любви, любви!
Зови и не зови – незнаем и незначим,
А, значит, снова – «жид»!
Обид не перечести... Но – честь! –
Влюблённые всегда правы...*

*Хочу из шляпы воду пить.
Жить – значит кочевать!
Не знать себя, не знать других.
Ох, лих! Ох, лихо мне... И, чудится, побит.
Как будто буквы в акростих,*

*Сошлись все маски. Осталось называться
Пяцем иль философом. Что хуже,
Сужен, если Слову и Любви?
Пойми, не в силах я остаться,
Если вкратце – просто мужем.
Зови меня, зови...
Но не лови ни жалостью,
Ни долгом – не долгод век
Цветов, возвращённых волею полей...
Нужна мне только малость:
Безумие ветров, прозрачность рек –
Взамен душой моей владей...
Сияй же молнией, сорвись дождём!
Потом усни водой.
Рекой или звездой очнись.
Огни костров на берегу, когда вдвоём
(один в другом!) покажутся небесною тропой.
Друг мой, мираж сей – это наша жизнь!*

Эти строчки стихов были неведомы всем присутствующим. Они были настолько сокровенны, что даже Катерина, которой они были и посвящены, ничего о них не знала.

Между тем она, как и все присутствующие, уже свершилась в чём-то, что Иннокентий назвал про себя – пространством между сном и явью. И её сотворение было более откровенным и непохожим на себя, чем воплощение всех присутствующих. Приглядевшись внимательней, Иннокентий понял, что та женщина, которую он принял за Катерину, при всей внешней поразительной схожести с ней таковой на самом деле не являлась. На лице Катерины блуждала... ухмылка! В той жизни, в которой они расстались с ней, его Катя умела лишь чисто и светло улыбаться, открыто и честно негодовать, беззащитно плакать, но никогда, никогда её лицо не коверкала двусмысленная ухмылка! Цинизм и двурушничество дружно осуждались в их маленькой семье.

Макияж, украшения и чёрная бархатно-кожанная одежда, в которую была упакована, как дорогой подарок, женщина, были Катей всегда презираемы. Пальцы, шея и уши женщины были унижены, как новогодняя елка игрушками, золотыми серёжками, цепочками и кольцами, поблёскивающими драгоценными камнями. Боевой ярко-красный раскрас плотно сжатых губ, лиловых теней вокруг глаз, чёрных, густо накрашенных ресниц и толстый слой пудры на холёном лице, опалённом гламурным загаром, хранившем следы посещения солярия, – всё указывало на то, что перед Иннокентием был двойник его Катеньки. Возникшее видение имело холодные, глубоко посаженные, надменные глаза, в которых мерцала еле сдерживаемая ярость.

На мгновение от внезапного появления Катерины гости и Иннокентий остолбенели.

– Что, тоже телеграмма?! – как-то двусмысленно спросил Вадим, пришедший раньше других в себя.

– Да. Зачем вызывали? – наигранно, угрожающе спокойно спросила Катя.

И уж совсем глупо, некстати, как будто надеясь ещё на что-то, Иннокентий спросил:

– Катя, ты приехала???

– Нет, это не я, а мой дух святой! Смотри! – ответила она, небрежно протянув Иннокентию бланк телеграммы. А потом, без паузы, предалась церемонии дружеского лобзания с каждым из присутствующих.

Он взял телеграмму. В ней чёрным по белому было написано: «Погибаю! Приезжай срочно на похороны. Иннокентий».

Пока редактор изучал телеграмму, Катерина или та, что выдавала себя за неё, успела мимоходом его уколоть:

– Как я вижу, ты для покойника выглядишь достаточно прилично...

Иннокентий понял, что женщина не на шутку раздражена. Что-то ему подсказывало, что она вскоре нанесёт ему какой-то роковой удар... Он напряжённо сжался, растерянно ища у окружающих защиты. Но никто не замечал подмены и её странного поведения. Более того, компания усадила Катерину за стол и дружно взялась угощать её, уставшую с дороги, как говорится, чем бог послал.

В самый разгар сопутствующего трапезе разговора Катерина, не поворачивая головы в сторону Иннокентия, очаровательно улыбаясь всем окружающим, бросила в сторону Иннокентия колючую реплику:

– Ну, что милый, вдоволь нагулялся?

Иннокентию почему-то стало смертельно обидно за свою трусость, неспособность остановить заигравшуюся, по его мнению, женщину. Неожиданно для себя он резким движением швырнул в сторону ложной Катерины салфетку. Этого не могли не заметить присутствующие. За столом воцарилась нервная тишина. Он медленно встал и вышел из комнаты.

Через некоторое время около него появился Вадим.

– Зачем ты так, Кеша? – спросил он. – Впрочем, мне кажется, – наивно пролепетал он, – мы все не те и не там...

Иннокентий, несколько помедлив, выдавил из себя:

– Ты знаешь, Вадим, у меня такое ощущение, что я был в сумасшедшем доме... Какое сегодня число?

Оказывается, после отъезда Катерины прошло уже десять дней. Пересилив себя, Иннокентий вернулся в гостиную. Как можно спокойнее сел на своё место. Он решил в очередной раз за последние сутки просто понаблюдать за тем, что из всего этого получится, если не вмешиваться в ход разворачивающихся событий. Интеллигентная публика пыталась вести непринуждённую беседу, изображая, что ничего не произошло. Только тревожные глаза Светланы, которая не понимала, но чувствовала, что происходит что-то неладное, внимательно следили за развитием ситуации. Она переводила несколько раз свой взгляд с Иннокентия на

Катерину и наоборот, потом скользила им по всем окружающим, даже пыталась заглянуть в глаза Саяну, но внятного ответа для себя нигде не находила. А в душе всё возрастала и возрастала тревога: её угнетало чувство несправедливости по отношению к Кеше и необъяснимая, особенная в этот раз, неприязнь к «Катьке», которая вела себя, по её мнению, по-хамски и разрушала не без труда сложившуюся гармонию между людьми в этом доме, полноправным хозяином которого являлся, прежде всего, Иннокентий.

Тем временем самый весёлый из компании – Арнольд притащил очередную бутылку вина и патетическим голосом провозгласил:

– Что-то в этом мире не так. Мне кажется, нам надо отметить это событие!

Компания с восторгом встретила это предложение. Налили и выпили. Потом ещё. Спустя некоторое время за столом начался какой-то странный разговор. Инициировала его Светлана.

– Я хочу выпить за поэта, который удостоил чести призвать нас к себе.

– Ах, как это мило! – парировала Катерина. – Но тост неполный. Тогда уж выпьем за бедолагу, который явно объелся дерьмом новостей своей газеты, превратившись в жалкое подобие человека.

Присутствующие постарались их диалог перевести в шутку. Но Светлана, выпив вино за свой тост, вдруг шарахнула бокал о стенку и выпалила:

– Да! Я люблю! И давно люблю Кешу! Готова хоть сейчас отправиться с ним на край света, – с вызовом она бросила в лицо Катерине.

После этих слов Катерина влепила с разворота оплеуху Иннокентию.

В глазах у редактора потемнело. А когда он их открыл (если вообще закрывал), увидел опять всех сидящих, но уже, как в его ночных видениях, сверху. Раздался крик Светланы:

– Ты его убила!

Началась паника. Кто-то кричал:

– Где он!?

Светлана, вцепившись глазами в Катерину, продолжала свой монолог:

– Я тебе этого никогда не прощу!

Чтобы прекратить панику, Иннокентий как можно спокойнее произнёс:

– Я здесь. Тихо.

К сожалению, его слова произвели обратный эффект. Компания, перемешавшись, как взболтанное в бутылке шампанское, «выстрелила» резкой струёй в сторону дверей. Неподвижными оставались, как показалось Иннокентию, только Светлана и Саян, которые находились вместе у камина. Пёс сначала настороженно встал, затем сел, наклонил голову набок, внимательно смотря на Иннокентия. Он явно видел своего хозяина, но что-то в нём было не так, и это вызывало у пса беспокойство. Иннокентий неторопливо подплыл к ним, погладил пса по голове. Саян

успокоился и прилёг на свой коврик. Потом редактор, немного помедлив, сказал на ухо Светлане:

– Ты не бойся. Это я. Чувствуешь мою руку?

– Да... – пролепетала женщина.

– С кем это ты разговариваешь? – тревожно спросила Катерина, пристально наблюдавшая за Светланой, несмотря на творившийся вокруг хаос. Оказывается, она, так же как Светлана и Саян, всё это время оставалась на месте. Иннокентий не хотел смотреть в её сторону.

– Всё нормально, всё нормально... – рассеянно ответила Светлана.

Тогда Катерина буквально крикнула:

– Кеша! Если ты здесь – ответь мне!

Иннокентий повернулся к Катерине и ... Перед ним стояла прежняя Катя. Даже не та, с которой он расстался несколько дней назад, а та, которую он когда-то давным-давно, в другой жизни, встретил в Староангарске и страстно полюбил. Никакой черноты и золота, кремово-белый холстяной библейский образ, излучающий свет и чувствительную тревожность. Удивительно, но произошедшую перемену в женщине никто не замечал. А на Иннокентия произошедшее преобразование подействовало успокаивающе, поэтому он примиряющие, несколько устало ответил:

– Да, я здесь... И действительно не знаю, что происходит.

Было достаточно минуты, чтобы паника прекратилась. Убеждённые материалисты, вчерашние мистики и кое-кто, просто не верящий ни во что вообще, вернулись в комнату. Катерина ещё раз попросила:

– Если ты здесь, то дай нам как-нибудь о себе знать!

Иннокентий выключил свет. Это была неудачная шутка. Раздался вопль женщин и лай Саяна. Электричество пришлось включить. В Иннокентия как будто бы вселился бес. Он легко поднял над полом двухметрового дядю Мишу. В ответ на что убеждённый коммунист весьма трезво произнёс:

– Этого быть не может, но меня кто-то держит на весу.

– Господи, да это же я! Вы же сами просили, чтобы я дал знать о себе! – буквально простонал Иннокентий. – Я же говорю: я здесь! Мне самому непонятно, почему вы не видите меня... – сказал он и осторожно опустил на стул невесомое тело дяди Миши.

– А, впрочем, так всегда бывало в жизни... Это вообще удел человечества, – после некоторой паузы философски произнёс редактор.

– Не время и не место умничать, Иннокентий! – ломая руки, измученно произнесла Екатерина. – Скажи лучше, что будем делать дальше?

– Откуда я знаю... – устало выдохнул редактор. – Для начала давайте махнём на пикник. Выпьем чего-нибудь. Может быть, это само собой рассосётся как-нибудь...

Но народу было явно не шуток. Первым не выдержал Вадим:

– Ну, знаешь ли, мало того что тебя нет, так ты ещё над нами издеваешься! Короче, очевидно, тебе нужна публика для демонстрации

своих фокусов. Извини, но это не мы. Разбирайся со своими женщинами сам, а нам пора возвращаться в Академгородок!

– Мы тоже, пожалуй, поедем, – сурово и решительно вторил ему Андрей, – а то я уже здесь сегодня такого наслушался ...

– Куда вы!? Я с ним таким не останусь! Мне страшно... – закричала, как простонала, Катерина. – Этот дом чужой. Это жизнь не моя. Я хочу к себе!

Такого поворота дела Иннокентий не ожидал. Он вдруг услышал, как кто-то совсем рядом, у него над головой ходит по комнате на втором этаже: откуда доносились хорошо ему знакомые голоса мамы и папы. Они о чём-то громко спорили между собой. Он даже почувствовал запах папиросного табачного дыма и тройного одеколona, которыми в детстве были пропитаны стены родительского дома. Но ему в отличие от Катерины было ни капельки не страшно. И хотя подсознательно он чувствовал, что единственная его надежда в сложившейся ситуации именно Катя, он обратился к Светлане, которая одна из всех присутствующих молча наблюдала за происходящим.

– Светка, хочешь – пойдём с тобой полетаем?!

– Вот-вот, тебе осталось только полетать! – с ревнивым интересом прокомментировала предложение Иннокентия Катерина. Закончив начатую мысль уже менее уверенно:

– Ты никогда по земле-то ходить не умел...

Иннокентий ничего ей не ответил, взял послушную Светлану за руку и вышел из дома. На улице подхватил её податливое тело и подпрыгнул вверх. Светка, безудержно смеясь, закричала:

– Смотрите, смотрите! Я лечу!

– Вернись сейчас же на землю! – откуда-то снизу басил Андрей.

А Светлана и Иннокентий с наслаждением наблюдали, как толпа друзей, увешанная нехитрым багажом в виде пакетов и лёгких дорожных сумок, «истекала» куда-то в направлении посёлка. Саян, наворачивая круги, бегал по двору. Потом остановился, задрал морду вверх, глядя точно в то место на небе, где резвилась бесшабашная парочка. Сначала он тревожно заскулил, а потом начал звонко лаять.

Иннокентий как можно бережнее нёс Светлану на руках. За ними неотступно бежал Андрей. Вскоре он не выдержал и, задрав голову вверх, попросил:

– Слушай, Кеха, а можно – и я с вами полечу? Ну, как же я без Светки-то жить буду?!

Редактор, пребывая в великолепном расположении духа, а главное, видя, что женщина, увидев вдруг своего мужа маленьким и беззащитным, умоляюще начала поглядывать на Иннокентия, снисходительно согласился. Поставил осторожно Светлану на землю и протянул Андрею свои руки. Он судорожно в них вцепился. Иннокентий напряг все свои силы, но... оторвать от земли Андрея не смог. Он ещё несколько раз попытался сделать то же самое. Но бизнесмен только жалко подпрыгивал на месте.

– Видимо, кто-то не хочет, чтобы ты летал, – озадаченно произнёс редактор, – извини, брат...

– Что же это?! Все люди как люди – летают, а я всю жизнь горбачусь, горбачусь и даже такой малости себе позволить не могу? – сдавленным голосом прохрипел Андрей и устало сел на траву. Закрыв глаза руками, он захныкал. Светлана встала с ним рядом на колени. Обняла широкие плечи мужа и глядя его, как маленького ребёнка по голове, трогательно засюсюкала:

– Не плачь, мой маленький. Я тебя в обиду никому не дам. Мы с тобой ещё летаем.

После этих слов жены Андрей зарыдал навзрыд. Если бы кто-нибудь Иннокентию до этого случая сказал, что Андрей просто умеет плакать, он бы ему рассмеялся в лицо.

– У-у-у, как у вас всё запущенно, – патетически произнёс он, подражая кому-то из популярных телевизионных героев. – Простите, братцы, но я, кажется, и тут лишний. Береги его, Светка. Он у тебя небезнадёжный.

Налетевший вдруг порыв ветра всколыхнул волосы соединившейся вновь четы. Светланино платье затрепетало, как парус. Ребята встали с земли. Крепко прижались друг к другу и неотрывно глядели в небо, где предположительно должен быть Иннокентий. Они не могли знать, что он, подхваченный тем же ветром, был уже далеко от них.

А он, как на дельтаплане, как в детстве зимой на санках с крутой горы, носился по потокам воздуха. При этом жутко и безудержно хохотал. С земли его радостный клич мог показаться далёким криком чибиса.

Подобно муравьям, где-то под ним разбегались друзья. Они двигались уже почему-то в разных направлениях. Одна Катерина сидела на земле посреди этого хаоса и не двигалась с места. Самыми здравомыслящими оказались несколько человек, возглавляемые дядей Мишей. Отойдя от дома на некоторое расстояние, они сначала остановились и начали отчаянно жестикулировать Катерине. Потом, видя, что она не двигается с места, пошли обратно к ней.

Всё это Иннокентий видел боковым зрением, совершая невозможные по сложности пируэты в воздухе. Скоро и дом, и этот человеческий муравейник сгинули из его глаз. Он, наслаждаясь ощущением свободы, парил над полями, лесами, реками, восхищённо вглядываясь в темнеющее небо, на котором еле заметными крапинками стали протаивать звёзды. Когда млечный путь приблизился к нему настолько, что у него закружилась голова, он как-то отчётливо понял: «Пора домой!»

Сделав очередной крутой вираж, Иннокентий, зажмурив глаза, устремился в том направлении, которое можно определить одним словом – «МОЁ»!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПРОЗРЕНИЕ КАТЕРИНЫ

Сделав очередной крутой вираж, Иннокентий, зажмурив глаза, устремился в том направлении, которое можно определить одним словом – «МОЁ»!

Сколько раз Иннокентий подчёркивал в разговоре с другими людьми этим местоимением свою обособленность и незыблемость границ своей территории свободы. «Мои стихи... Мои статьи... Мои газеты...» – немного гордо, как факт, не подлежащий сомнениям, произносил он. И только сейчас, когда он совершенно утратил связь со всем земным, его осенило: «Но разве я смог написать хотя бы строчку, если б в сердце не жила тайная надежда, что ЭТО нужно ещё хоть кому-то одному единственному на всём белом свете? Разве я подсознательно не думал о том, что то или иное произнесённое или написанное мною слово может обидеть или вызвать чувство восторга у другого человека? Часто человека не абстрактного, а реального, которого ты уважаешь, мнение которого для тебя по разным причинам дорого. Разве СЛОВО – это только послание самому себе? Тогда я действительно сумасшедший.

Нет! Любое моё стихотворение, каким бы оно ни казалось заумным, всегда адресовано кому-то конкретному, а через него всем, кто так или иначе близок мне по духу. А это значит, что все они невольно – мои соавторы. И получается, что «моё стихотворение» это вовсе не моё, а наше общее творение...

Создавая свои стихи, рассказы, статьи, я несу персональную ответственность за всех своих читателей. И их количество здесь ни при чём. Пусть это даже один-единственный человек.

Ведь я всего лишь высказываю то, что дремлет в его подсознании. А оно имеет совершенно другую природу, чем сознание, которое действительно стремится к индивидуализации и обособленности своего бытия. Ему свойственна особого рода необходимая гордыня, которая позволяет человеку иногда высокомерно относиться к тому, что оно постичь не может. Ему свойственно судить по себе и навешивать ярлыки всему подсознательному как чему-то неразумному или элементарному шарлатанству.

О, как бы был беден, скучен и бесцветен этот мир, если бы в нём всё было подвластно рациональному осмыслению и сознанию человека и возможно было бы всё разложить по полочкам и объяснить! К счастью, это не так. Нас всех: духовно и интеллектуально одарённых, чувственных и бесчувственных, удачливых и неудачливых, сомневающих и несомневающих, простых и сложных – невидимыми нитями связывает между собой в какой-то мере общее НЕЗНАЕМОЕ ПОЛЕ, которое иначе принято называть подсознанием.

А значит поэт – это некий сверхчувственный духовный орган. А точнее, путь, через который обрывки, искры, всплески этого НЕЗНАЕМОГО иногда долетают до сознания человека, напоминая ему, что он ещё не всё знает, да и вряд ли когда-то узнает всё не только о Вселенной, но и о микроскопической частице её – самом себе.

Поэт, говоря словами Фридриха Ницше, – «выводок солнца». Его миссия – просто сохранять, оберегать на протяжении всей земной жизни этот ПУТЬ для всех, понимая, сколь одновременно скромна и ответственна его миссия. И горе тому, кто попытается тем, что ему даровано природой или ещё кем-то или чем-то, пренебречь. Можно обмануть себя, соблаздившись телесными ухищрениями, провоцирующими сознание, но ПРИРОДУ не обманешь. Она строго наказывает каждого человека, который не исполняет в земной жизни своего предназначения. И особенно суровое наказание предписано свыше по отношению к тому, кому дарован поэтический дар – быть связующим звеном – ПУТЁМ между индивидуальным сознанием и всеобщим подсознанием, которое иногда люди называют Богом. Таких «счастливчиков» немного. Надо ли говорить, что к ним не относятся многочисленные «подражатели», механически рифмующие слова! Поэт должен успеть пропустить через себя как можно больше НЕЗНАЕМОЙ информации, чтобы тем самым не дать возможности телесной оболочке духовной сущности человека окончательно превратить его разум в безвольного и безнравственного раба. Такое рабское сознание готово на всё, чтобы обеспечить сиюминутное комфортное существование своего господина (физического тела!) на земле, даже если само существование его на ней чревато уничтожением всего живого.

Поняв для себя что-то важное, Иннокентий, опьянённый временем и пространством, захотел петь, как тогда, когда он запел, болтаясь между стропами парашюта после первого своего прыжка с самолёта. Это вернувшееся к нему из глубин подсознания чувство заставило его, невидимого и неслышимого, нараспев, наизусть читать давно написанные стихи всему видимому свету сразу. Это был его лучший поэтический концерт уже только потому, что большей и более благодатной аудитории, чем птицы, облака и поля, у него ещё никогда не было.

*Опять я ранен строкой навывлет.
Раскрашен во дворе листвой асфальт.
С утра тепло, но к вечеру ветра намывают
Из неба облака и будет слякоть. Жаль...*

*И снова семенить за новым Моисеем:
Опять пророчеств корпус и петит,
И звёздами наш путь в ночи усеян,*

И капля солнца на ветру дрожит!

*Ведунья осень! Загляни к нам в лица:
Я взгляд тревожный твой люблю!
Устали убивать. Устали и молиться –
Устами не отверзешь мглу!*

*И в кулаке зажав трояк измятый –
Купюру золотистых тополей –
Я пропиваю снова до зарплаты
Печаль прохладную сибирских дней.*

*И дико мне представить, что зимою
Мне слушать щёлканье не только глухарей.
Но что могу я? – Лишь окно открою,
Провеет комнату невинностью полей.*

*Из-под ладони погляжу на солнце,
Тускнеющие страхи в сумерки стряхну,
Как крошки со стола. И добровольцем
Останусь поминать свою страну.*

*Где «меркнут знаки Зодиака»
И в душах – «Северо-Восток»,
Но где я счастлив был, однако,
По-человечески, как мог...*

*Я вам пишу под впечатлением Санкхья.
Мой дуализм, как «изм» любой, – ограниченье.
Но эхо тихое, то ль неба, то ль стиха,
Рождает слов особое свеченье.*

*Хранимые душой, ранимые от глаз,
И в позах тополей, и в прозе городов,
Где романтично серебрится грязь
И жизнь короткая у башмаков, –
Я вам пишу! Как будто бы всерьёз
Необходимо всем нам это позарез...
И снова «быть или не быть?» – вопрос
Несущего свой крест.
Как будто можно «быть», когда обрубкам тел
Читает чрево лишь урок,
А ты – наполовину бел,
И дуло ищет твой висок.*

*Ведь Хронос – хор безумных птиц,
В их клювах столько южных звёзд,
Что я всегда почти безлиц,
Когда их слушаю до слёз.
Всё дело в том (будь проклят я!),
Кто угадал, как страшно нам...
И в раздвоившемся вдруг смысле бытия
Я телом здесь, душою – там...*

Его голос звучал торжественно и отчаянно. Перед ним, как в калейдоскопе, мелькали деревья, линии электропередач, крыши – и вскоре вдалеке появился тот самый дом, в который его накануне неизвестно как забросила судьба. Подлетая, он заметил перед домом чёрный джип с тонированными стёклами. Почему-то стало страшно. Пересиливая страх, он всё же приблизился к дому. Потом осторожно, как будто кто-то мог его видеть, проник внутрь него.

В зале Иннокентий увидел разных людей. Несколько оставшихся друзей и совершенно не знакомых ему личностей. Некоторые из них были с оружием. Короткоствольные «калаши» в руках короткостриженных амбалов смотрелись как игрушечные автоматы. Они стояли около двух с виду весьма представительных людей, одетых в гражданские костюмы. Их самоуверенный вид, расслабленные позы тел, заполнивших кресла, – всё выдавало в них важных государевых людей. Невольно Иннокентий стал свидетелем такого разговора.

– Ваш друг несколько дней назад совсем не случайно стал, как бы это мягче выразиться, объектом нашего пристального внимания, – сказал Катерине один из тех, чью шею перетягивал галстук, стоимость которого равнялась размерам годовой пенсии рядового гражданина России.

– Мы, – продолжал он, чеканя слова, – пригласили его поговорить, потому что он утверждал, будто бы умеет летать. Конечно, у нас в стране демократия. И многие, поверив в её возможности, воспарили. В целом мы не против этого. Но этот, как его, Горенский зашёл, а точнее сказать, «залетел» слишком далеко. У нас здесь наша Россия, а не какая-нибудь Австралия: без специального разрешения летать кому попало и где попало – не велено.

Только представьте себе на минуту, какой наступит бардак, если все граждане, руководствуясь исключительно своей прихотью, начнут порхать над землёй как бабочки! Словом, наши сотрудники попытались его, исключительно методом убеждения, избавить от иллюзий. Но он не только не захотел принять во внимание наши аргументы, но и стал угрожать. Пользуясь тем, что он редактор газеты, член Союза журналистов России, начал утверждать, что подымет такую волну общественного мнения...

**«Песня из спектакля «Десять дней, которые потрясли мир».
Рисунок М. Шемякина**

– Разрешите привести дословно его выражение, – угодливо вставил сидящий рядом господин, лицо которого отличалось тонким профилем, очками в золотой оправе и небритой щетиной трёхдневной давности. Еле заметным движением глаз, очевидно, шефа ему это было дозволено. Очкастый достал ловким движением из возникнувшего у него в руках кейса листок бумаги и чуть ли не по слогам, чётко выговаривая каждое слово, прочитал:

«Вы – накупь человеческая, всплывшая, как говно в проруби, на волне реформ! Недоноски с комплексами Наполеона, своровавшие у простодушных россиян их Родину! Привели к власти бандитов, разговаривающих с народом по понятиям. Жиреете, как свиньи, за счёт последнего куска хлеба, отнятого у стариков. Трахаєте в борделях наших детей и друг друга. Кормите миллионы пойлом жёлтой прессы, мечтая лишить их национального самосознания. Неужели вы всерьёз думаете, что страна, которую не смогли физически уничтожить фашисты, а духовно – коммунисты, отдастся вам, как распутная деревенская девка, за стакан самогона? Дудки! Время смоет вас, как блевотину в унитазе! И это время наступит скорее, чем вы думаете!»

– Конечно, трезвый человек такого бы никогда не сказал. Он был, как всегда, пьян, – важно констатировал шеф, – но, согласитесь, это уж слишком...

Он сделал паузу. В полнейшей тишине достал сигарету, не спросив разрешения, закурил. Очевидно, это было сделано для того, чтобы вызвать хоть какую-нибудь реакцию на произнесённое и прочитанное. Её не последовало. Точнее, не последовало слов. Но, судя по тому, как Катерина опустила глаза и пододвинула свои красивые ноги к самому подбородку, плотно стиснув колени руками, было нетрудно догадаться, что она про всё это думает. Именно это и вывело из равновесия «интеллигента», зачитывавшего протокол. То ли потому, что он был более утончённой натурой, то ли потому, что не хотел упустить лишний шанс прогнуться перед начальством. Думается, скорее, второе.

– Скажи! – воскликнул он, но, поймав на себе быстрый, короткий, как кинжальный удар, взгляд Катерины, осёкся. – Извините, скажите, – более спокойно продолжил он, – что ему не хватало? Мы позволили ему издавать эту мерзкую свою газетёнку, в которой он поливал грязью всех, начиная от президента и заканчивая депутатами местной думы. Развёл вокруг себя стаю литературных бандитов и таких, как они, короче, тех, кто по электричкам с гитарами шляются. Два раза на приёмах достаточно высокого уровня, напившись как свинья, он пытался набить, прошу прощения за грубость, морду губернатору. В первый раз мы его легонько «по попке отшлёпали», сломав всего лишь два ребра. Второй – и вовсе простили, лишь руки за спину заломив. Сквозь пальцы смотрели и на то, что он на каждом шагу кричал про какое-то НЕЗНАЕМОЕ поле.

Наконец, какой-то редакторишка покупает за бесценок землю на Байкале, строит особняк! Он что же думал, это всё случайность?! Слепое

везение!! Может быть, и... ВЫ, – подчёркнуто, издевательски вежливо заключил оратор, – так же думаете?

Последняя фраза была лишней. Катерина резко встала. Её побледневшее лицо сделало ещё выразительнее глаза, в которых рождались молнии. Этот произвольный жест слабой женщины заставил трусливо вскочить мужиков, а автоматчиков вспомнить, что они при оружии!

– Извольте выйти вон! – тихо, но чётко, как будто выдернув чеку из гранаты, сказала жена редактора.

– Спокойно, – мгновенно овладев собой, произнёс шеф. Разумеется, мы уйдём – с женщинами не воюем. И всё-таки, если он случайно появится здесь, передайте ему нашу просьбу: пусть он сам найдёт нас, прежде чем мы его найдём... Так будет лучше для всех. В том числе и для вас.

После этих слов команда «парламентёров» учтиво, без иронии, откланялась. Но уже на пороге очкастый «адъютант» приостановился, повернул голову и добавил:

– Кстати, уважаемая, он от нас исчез при весьма странных обстоятельствах... Настолько непредсказуемых, что вполне вероятно, он может быть опасен и для вас. Так что хорошенько подумайте, как вам быть...

В первые три минуты, пока джип с незваными гостями ещё плавно не тронулся от дома, в комнате царила угнетающая тишина. Потом дядя Миша, ёрзнув на стуле, крикнул: «Да! Кешка-то – наш человек!»

– Вот именно, наш, – спокойным тоном, не терпящим возражения, подвёл черту Вадим. Все зашевелились, явно намериваясь обсудить произошедшее.

– Тихо! – жёстко, но негромко остановила всеобщее оживление Катя. Она медленно обвела взглядом всех, потом прощупала глазами каждый сантиметр комнаты. Совершенно не понятное женское сверхчеловеческое чутьё, а может, умная физиономия Саяна, устремлённая в ту же сторону, заставили её сфокусировать свой взгляд на «пустоте» у окна. Именно на том месте, где всё это время стоял невидимый Иннокентий. Он встретил её глаза как давно забытое им чудо.

– Кеша, – почему-то шёпотом сказала Катерина. – Я знаю, ты здесь. Скажи, что происходит? Я уже навсегда ни на что не сержусь...

– Первое, о чём говорили эти хлысты, не ПРОИЗОШЛО. Так всегда было и не только со мной. Тут особой загадки нет. Как и причин для особого восхищения или недоумения. Мы всего лишь звенья одной цепи. А вот второе действительно ПРОИЗОШЛО. Примерно так ПРОИСХОДЯТ звёзды. Так ПРОИСХОДИТ жизнь или смерть. И знать мне об этом, как и любому другому, не дано. Однако за последние несколько дней со мной происходили события, которые, возможно, реально удастся выстроить в

некую логическую цепочку. Давайте попробуем сделать это завтра. Я смертельно устал...

Последние слова он уже говорил, держа в своей руке руку Катерины, а второй глядя её смолистые чёрные волосы, которые щекотали его давно не бритый подбородок.

Событий за этот угасающий день действительно произошло немало. Все это понимали. И, что самое поразительное, уже вполне обыденно воспринимали невидимого Иннокентия. И не только – они послушно разбрелись по своим комнатам, понимая, что влюблённых надо оставить одних. Так обычно поступают гости на свадьбе. Но свадебной первой ночи, конечно, у Горенских не получилось. Иннокентий провалился в сон, как в пропасть. Впервые, может быть, за много лет он спал как убитый, не видя ни ужасных, ни цветных снов. Чего не скажешь о Кате. Она пальчиками своих рук исследовала каждую морщинку на его лице. Её глаза, привыкшие к темноте, во мраке легко различали мелкие детали комнаты. Казалось, ещё мгновение – и она сумет не только чувствовать, но и видеть своего Кешу, которого так жестоко украло у неё время. За эту короткую ночь она вспомнила всю их жизнь. Всё то хорошее и плохое, что делало их вместе счастливыми и несчастными. Причём плохое воспринималось как-то отстранённо, не обидно, без прижизненной остроты. Катерине даже было как-то удивительно, что из-за этих неурядиц было потеряно столько драгоценного времени, которое можно было потратить на то, чтобы хотя бы тихонечко, без слов посидеть друг с другом рядом. Неужели, **чтобы** это понять, надо обязательно, **чтобы** кто-то один из двух стал невидимым, исчез? Неужели, чтобы по-настоящему оценить значение жизни, необходима смерть? Раскачиваясь из стороны в сторону, она представляла себе его живое лицо. Как он умел улыбаться. Какое оно было, когда он сердился. Как постепенно его нескладное тело, наливаясь, становилось ядрёным, мужским. Как появилась в волосах первая седина, на лбу первые морщинки. Как она ревновала его к его многочисленным увлечениям. И не только к женщинам. Как это всё вернуть? Возможно ли?!

Одолеваемая подобными мыслями, Катерина просидела подле Иннокентия всю ночь. Когда утро только забрезжило в окне, она, так и не сомкнувшая всю ночь глаз, пошла на кухню приготовить кофе. Выходя из комнаты, она мысленно уговаривала себя: «Надо жить, надо жить. Несмотря ни на что – надо жить!»

Иннокентий проснулся от шума. Он доносился из комнаты, где расположились гости. Когда он в неё влетел, увидел Катерину, сидящую в кресле. У неё была запрокинута голова. На глазах лежало полотенце.

– Что случилось?! – крикнул он.

– Она говорит, что ослепла! – дрожащим голосом ответил Вадим. – Мы сделали ей холодный компресс на глаза.

Иннокентий подошёл к Катерине. Встал перед ней на колени и сказал:

– Катя, дай мне руку. Вставай, любимая... Не надо!

Женщина повиновалась. Иннокентий увидел в её расширенных глазах такую мглу, что его душу охватил леденящий холод. Вдруг у неё из носа хлынула кровь! Началась паника среди гостей.

– Прекратите суетиться! – осадил всех Иннокентий. Пропустите нас в ванную комнату! И более спокойно Катерине на ухо добавил:

– Всё будет, солнышко, хорошо. Только слушайся меня. Сопротивляйся. Не допускай, чтобы мгла поглотила тебя. Ты же – СВЕТ, и ей не справиться с тобой!

Они медленно, шаг за шагом, прошли в ванную. Там он включил холодную воду и стал бережно омыwać её лицо. Катерина слабела у него на глазах. Вскоре она обессилена села на тот же табурет, на котором два дня назад очутился редактор. Вдруг ей стало легче. Она увидела Иннокентия.

– Я тебя вижу, я тебя вижу! – воскликнула она.

– И я тебя опять увидел наконец-то тоже...

Они обнялись. Иннокентий открыл дверь, которая, казалось, вот-вот сорвётся с петель от ударов взволнованных друзей-интеллигентов. Они, проскочив сквозь них из ванной комнаты, застыли в удивлении. Иннокентий понял, что произошло, и прошептал Катерине на ухо:

– Не бойся, это ещё не смерть! – И, не беспокоя никого, они, не касаясь ступенек, проскользнули вниз навстречу ветру, солнцу и облакам.

Иннокентий вдруг почувствовал, что совершенно по-новому видит свою любимую. До боли знакомое лицо женщины читалось им теперь как совершенно НЕЗНАЕМАЯ книга. С какой-то непонятной нежностью редактор заметил, что в прядях её пышных волос поблёскивает седина. Лучики еле заметных морщин у глаз по-особенному оттеняли его грустные карие глаза. От бледного итальянского профиля её лица веяло образами рафаэлевских женщин. Он понял, что перед ним ОНА. Та, которая вознесла его. Та, которую он всю жизнь терял. И сотни раз обретал снова. Кажется, и она начала понимать это.

Они стояли на краю облака, крепко держа друг друга за руки. Внизу проносилась земля. В потоках света, исходящих от неё, они казались ангелами. Но ничего этого мужчина и женщина не видели. Катерина и Иннокентий смотрели в глаза друг другу и, пьянея от счастья, плакали. Негромко. Неистерично. Капельки их слёз маленькими звёздами падали вниз. Вместе с ними из их душ уходила мелочная суета: обиды, каждодневные проблемы, эгоистические поиски смысла своего рождения и смерти.

И вновь откуда-то свыше прозвучали стихи, которые, очевидно, никто кроме них двоих услышать не мог.

*Всю ночь напролёт в нашей маленькой комнатке
Чайник урчит на плите.*

*Мы сбежали! – В стеклянном квартирном омуте
Жизнь как на школьном тетрадном листке.*

*Но, эмигрировав в лунные просеки,
Ртутью облитых в жилах снегов
Мчимся и мчимся сквозь дерзкие проблески
Снов и улыбок, и ласковых слов.*

*Плачем иль смехом застигнуты с вечера
Своих несмышлёнышей – неба детей,
Вдруг понимаем: сказать нам им нечего
О жизни и смерти своей.*

*Пространство тоскливое: серая лестница
В подъезде, а в комнате – восемь шагов,
Кривая ухмылка декабрьского месяца –
И даль неоконченных строф!*

*Вот так продолжаем свою эмиграцию,
Когда неизбежно я – странник, ты – страж.
И, даже во сне снова лужами клацая,
Вершим или «от», или «до» вояж!*

*Но лучше, всё ж лучше! – Сквозь время песочное
Уйти, убежать, раствориться, чтоб жить!
Чем это щемящее сердце безочье,
Средь липкой, петитом разбавленной лжи...*

*И пусть эмиграция! Со своей заграницею:
Собой заградиться – тебя оградить,
От всех слепышей с потускневшими лицами,
Что в жмурках судьбы очень любят водить.*

Когда где-то вдали за хребтами Хамар-Дабана угасли последние слова стихотворения, лунный свет сияющим потоком окутал двух бескрылых ангелов, лица которых в этот момент напоминали лики святых.

– Прости меня, – первая вымолвила Катерина.

– И ты меня, – вторил ей Иннокентий.

– Мне кажется, что вам пора домой, – произнёс кто-то третий, дыхнув в их лица тёплым весенним ветром. – У вас стынет праздничный ужин. Да. И по капле вина ради прощения выпить не грех. Ей-богу!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПРОЩЕНИЕ

– Мне кажется, что вам пора домой, – произнёс кто-то третий, дыхнув в их лица тёплым весенним ветром. – У вас стынет праздничный ужин. Да. И по капле вина ради прощения выпить не грех. Ей-богу!

– Только не надо все упоминать Его! – воскликнул скорее умиротворённо, чем раздраженно Иннокентий, ища глазами обидчика, который посмел так бесцеремонно влезть в их разговор.

Каково же было его удивление, когда он обнаружил себя и Катерину в собственном кабинете. Они сидели за столом, посередине которого стоял трёхрожковый старинный подсвечник. Через три пляшущих огонька тающих свеч он увидел лукавые глаза незнакомца. Того самого, который его навестил в редакции. Правда, он неузнаваемо преобразился. Вместо застиранного пиджачка и коротких брюк Пророк был упакован в костюм неизвестного элегантного покроя из какого-то очень дорого материала. На шее небрежно болталась, как у новых русских, золотая цепь, звенья которой были внушительного размера. На голове пригнездилась широкополая чёрная шляпа, один из пальцев левой руки украшал золотой перстень с крупным рубином кровавого цвета, который вспыхивал ярким сетом при каждом движении Пророка. Но главное – лицо! Куда подевалось робкое выражение блаженного! Вместо него на те же черты лица была надета маска если не охальника, то, во всяком случае, очень самоуверенного человека.

– Пророк?! – еле сдерживая ярость, почти угрожающе произнёс редактор. – Так это всё вы подстроили?!

– Нет. Строительство не по моей части. Я разрушаю. И в основном иллюзии.

При этих словах он переглянулся с Катериной.

– Ой, какой ты балда! – прыснула подруга. В интонациях её голоса Иннокентию слышались знакомые, но совершенно не свойственные его подруге нотки.

– Ах так! Я балда! Вы сговорились!! Прекрасно!!! И ты, ты – в шляпе! – Почему-то, как страшное обвинение, выкрикнул Горенский. А потом в таком же сюрреалистичном стиле спросил:

– Почему именно я? Я двадцать лет работал корреспондентом!

– Корреспондент – рыбка в аквариуме, – резонировал Пророк.

– Я редактор!

– Современный редактор – красивый мираж для читателя и мальчик для избиения учредителем.

– Господи, но что-то чистое и светлое в этом мире есть!?

– На дно самого чистого колодца однажды уже кто-то плюнул...

Иннокентий почувствовал себя четырнадцатилетним мальчиком, который впервые оказался наедине с взрослой женщиной. Ища спасения,

он перевёл взгляд на Катерину. Его встретили лучистые, добрые глаза женщины. Она влюблённо, серьёзно и трогательно смотрела на него.

– Да сколько же тогда мне лет?!

– Последние сорок пять тебе, милый, четырнадцать! – уверенно произнесла Катерина.

– Не надо так нервничать, – иронично произнёс Пророк. Достал сигарету, спокойно прикурил от свечи и с наслаждением выпустил тонкую струйку дыма в потолок. – Мне кажется, дорогие мои, вам есть о чём поговорить. А я пока пойду на кухню и придумаю что-нибудь существеннее, чем вода в бокале, превратившаяся в вино.

И исчез. Как дым, поднявшийся к потолку, выскользнувший в форточку.

Некоторое время Иннокентий и Катерина молча приглядывались друг к другу. Он – исподлобья, как загнанный в угол зверь. Она – трогая взглядом пламя свечи и смотря сквозь редактора.

– Катя, это ты? – первым заговорил он.

– А ты?

– Кажется, да.

– Так где же ты блуждал?

– Искал ЕЁ.

– Слепец, я же всегда была рядом.

– Как? Так, значит...

– *«И только платье милой прошуршит, как в пальцах оживают грозы!»* Помнишь?

– Да. *«Тогда я был четвёртый год весною одурачен».*

– *«Прощай. Я умереть в тебе готов. Но надо жить – как странно?»* Помнишь?

– Да. *«Мы вмерзали, как опавшие листья, в пространство без стона...»*

– *«Мы построили снежный дом из нежнейших сомнений и мук...»* Помнишь?

– Да. *«Он растаял, едва лишь забрезжил прощанья рассвет...»*

– *«Испей одним глотком моё дыханье, и вознесёмся мы в Покров...»*

Помнишь?

– Да. *«Но ночь застыла на губах, и не просочились мы обратно к звёздам...»*

– *«Только лава слепащего шёпота, только ветер в устах и глазах!»* Помнишь!?

– Да. *«Я летел и полётом лечился».*

– *«Кто-то, спасая нас от суеты, к нам лица птиц приворожил. И, крылья сложив, мы думаем, что полетим ещё, быть может...»*

Помнишь...

– О, да! *«Я был тогда неслухом слов и неслухом мысли. А наше небо было в апрельских лужах, мы государствам казали дули...»*

– *«Расписание любви, продиктованное мартовской капелью».* Помнишь?

- Да-да... «Я верил в чудо любить и быть любимым».
- «Ябеда-сердце превратилось в нежилой островок, а город провожал всех влюблённых на последние трамваи». Помнишь?
- Да. «Алгебра весны вычисляется цифрами созвездий».
- «Поэты выпадают в небо, когда миром правит ЛЮБОВЬ?» Помнишь?
- Да. «Это происходит, когда соринка солнца попадает в глаза, и распахиваются окна луж».
- «Влюблённые всегда правы!» Помнишь?
- Да. «Оставалось называться тогда паяцем или философом, если сужен СЛОВУ и ЛЮБВИ».
- «Назвать имею счастье я собой, тобой и целым миром – сей привет, идущего в могилу, словно в небеса!» Помнишь?
- Да. «Мой Ангел с человеческим лицом. Наверно, Бог соединил из нас своё шитьё, чтоб миру что-то доказать. Пастух, спасибо за урок!»
- «Отдай же мне в залог себя, а заодно меня. Но уговор: коль, невзначай коснёшься светом света, где-то на перекрёстках звёзд – читай молитву эту, как двух друзей невинный разговор...» Помнишь?
- Да. «Земля уходит из-под ног и небо как на шее шарф. Вездесущ Дух красоты. Он сочинил пространство и странствуем в себе, как по галактике...»
- «Лепим из себя стихи мы и медленно друг друга пьём». Помнишь?
- Да. «Путнику огня для странностей и странствий ты дала!»
- «Я не могу объяснить вам нежнейшие ветры и запахи. Но наизусть знаю, что любят такие женщины – преданность солнца, ночную грусть». Помнишь?
- Да. «И никто не узнает на свете, как я случайно в вас был влюблён...»
- «Жила-была девочка на самом краю неба. Хотела быть птицей, чтоб платье – ветер!» Помнишь?
- Да. «Бросил слово радугой, одарил росинкою, стал же – паутинкой...»
- «Вот и вы в меня не верите... Милая моя, ведь мы вдвоем, я с Востока, а вы с Севера – в одиночество бредём». Помнишь?
- Да. «Там снежинки убиенные, ленты черные дорог и глядит на мир антеннами стоквартирный суперстог!»
- «Милая! Одну тебя в бормотание пчёл и сверканье листопада. Двери всех храмов лесов и часовенок роц – настезь перед твоим величием!» Помнишь?
- Да. «Затаив дыхание, как сорвавшиеся листья, колобродим, бранные, по заблудшей Земле...»
- «Стрекозы молний на шатком небе блестят и шуршат, освещая лицо твоё». Помнишь?
- Да. «Тогда на ладони моей жили деревья, птицы, гнёзда ветшающих сибирских сёл, друзья, подруги и всё остальное человечество».

– *«Время косит даже звёзды, а моё сердце на живучишке твоих губ».* Помнишь?

– Да. *«Но я всё еще был дыркой человека...»*

– *«Это всё нам только кажется: боль и радость, день и ночь, если любите – отважитесь кто на сына, кто на дочь!»* Помнишь?

– Да. *«Мы взойдём дорогой узкою в бесконечные себя. Станет тихо и задумчиво, только ходики в углу, будут до смерти заученно бормотать: «Люблю, люблю...»*

– *«Я ничего не вижу! Дождь или слёзы глаза мне застлали? Мужчина должен быть сильным? А разве может быть сильным слепой?!»* Помнишь?

– Да. *«Я хочу быть деревом! Я хочу быть птицей! Я хочу быть ветром! Но я должен быть человеком. И всего лишь пока человек...»*

– Браво, браво! – картинно похвалил то ли Катерину, то ли Иннокентия появившийся на пороге с подносом в руке Пророк. Произнёс всего два слова, а по комнате будто холодом повеяло, колыхнулись тяжёлые шторы, задрожало пламя свечей. Впрочем, ни ОН, ни ОНА этого не заметили: мужчина и женщина неотрывно глядели в глаза друг другу так, как будто увиделись впервые и влюбились с первого взгляда. На такое невнимание к себе Пророк даже обиделся.

– Это даже как-то невежливо с вашей стороны, – ворчал он, подталкивая впереди себя ногой столик на колёсиках, на котором дымилось что-то вкусное и явно мясное. – Я, понимаешь ли, можно сказать, организовал эту встречу! Горбатился битый час на кухне, изобретая дружеский обед, а вы делаете вид, что не только меня, но и отличной свинины по-французски в природе нет! До чего же все влюблённые эгоистичны и неблагодарны! – заключил он, наливая из запотевшей бутылки в рюмки охлаждённую водку.

Несмотря на бурную тираду, произнесённую в адрес четы, было совершенно очевидно, что благодарности от неё он вовсе и не ждал. Это выражалось в его суетных жестах, которые он во время разговора продолжал разбрасывать вокруг себя, как женщина платья во время сборов перед выходом в свет. Потом вдруг остановился. Как-то по-особенному выпрямился. Кажется, даже стал выше и монолитнее. Перевёл свой взгляд на немного оробевших собеседников и произнёс:

– Ладно. Сдаюсь. Вы так оба светитесь, пронизанные поэзией, будто эта планета порождена не мраком, а солнцем. Так в одной-единственной росинке соединяется всё мироздание, когда её на малюсеньком брусничном листочке рано поутру где-нибудь на Ольхоне касается залетевший случайно откуда-то из небытия солнечный луч...

Пророк сделал паузу.

– Хотелось бы заметить, что моя роль – быть тенью, мглой – всё-таки не менее значима. Чего бы стоили все ваши потуги к движению, к свечению, к улыбке, если б не было – обратной стороны. То есть, пардон, меня...

При этих словах он как-то устало присел в кресло. В это мгновение Иннокентий как будто впервые отчётливо увидел его лицо. Он, конечно, уже догадался, КТО перед ним, и, как мало-мальски образованный человек, был знаком с содержанием «Фауста» Иоганна Гёте, «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова, а небольшая поэма Сергея Есенина «Чёрный человек» была одной из любимейших, и он знал её почти наизусть.

Но встреча с Вельзевулом, которого он наименовал Пророком, оказалась совсем не такой, как это виделось перечисленным выше талантливым писателям. Его Чёрный человек оказался больше философом, чем злодеем.

«Так, может быть, все настоящие философы немного злодеи?» – мелькнула в голове Иннокентия мысль, от которой он сразу же отмахнулся, потому что перед его глазами непроизвольно возник образ принципиального, добрейшей души человека – Вадима. Сидевший перед ним ему чем-то напомнил Заратустру, хотя этот отшельник и философ у него всегда больше ассоциировался с Иисусом Христом.

Но даже и не это оказалось главной неожиданностью. У его, очевидно, всё же оппонента были при всей видимой браваде какие-то опустевшие глаза. Как у человека, измождённого каждодневным трудом. Причём более физическим, чем интеллектуальным. Блики пламени свечей плясали на его бугристых руках, вены которых напоминали русла бурных сибирских рек. Жёлтые ногти на его пальцах, чешуйки кожи на запястьях, потрескавшиеся ладони, настороженные сухожилия, кисти, готовые в любой момент спрессоваться в увесистый кулак – всё выдавало в нём личность, привыкшую, помимо своего желания, принимать волевые решения. Он был явно не избалован «подарками судьбы». А если они в его жизни и случались, то были в прямом и переносном смысле рукотворными. То есть сделанными вот этими самыми натруженными руками.

Эта особая рабочая стать сквозила в каждом движении Пророка. В том, как он разминал бронзовыми пальцами очередную сигарету. Как прищуривал большие вечнокрасивые глаза, как будто жадно глотал горячую кашу после долгого трудового дня. Это было запечатлено в неловкой сутулости его сильных, натруженных плеч. Кажется, что об этом даже говорил его кадык, который чувствительно вздрагивал на шее, словно крылья бабочки от порывов холодного сентябрьского ветра.

– Может быть, это очередной трюк с переодеванием? – как-то вскользь подумалось Иннокентию.

– Ну, вот... – печально произнёс Пророк, сделав бесцеремонный большой глоток водки из бокала, который больше напоминал гранёный стакан, – стоит тебе скинуть рабочий костюмчик, как тебя сразу

записывают в трюкачи... А между тем самый главный трюк жизни заключается в том, что во все времена люди делились на принадлежавших к так называемой белой кости и чернорабочих. Неужели непонятно, что я – чернорабочий! Причём давно. Очень давно. И никто не изволит заметить, что моё рабочее место, в отличие от некоторых, художественно здесь – на Земле. Вместе с вами. Как уж это получается – другое дело. Но рук своих никогда не боялся запачкать... Конечно, гораздо лучше быть СВЕТОМ. Но что стоит свет без ТЬМЫ?

Катерина с Иннокентием переглянулись.

– Ребята, у вас есть всего лишь мгновение, всего лишь жизнь и такой пустяк, как вечность. Я играю против правил, впрочем, как всегда... А «правила» эти гласят, что из любого солнечного луча можно сделать – лунный. И наоборот. Если коротко, то в этом и есть мой проклятый смысл существования. Как, впрочем, и существования вообще...

Немое присутствие зрителей явно его не устраивало. От взгляда Пророка не ускользнуло, что во время его монолога руки Катерины и Иннокентия «слились». А, точнее, нашли друг друга. Так утопающий «находит» соломинку. Они почти уже обречённо внимали словам своего разговорчивого собеседника.

– Ну, вот... Как всегда. Да я не о том! Не надо ничего и никого бояться. Этому вас и учу. Возьмите пример хотя бы с меня что ли! Жизнь не менее противоестественна, чем смерть. А смерть так же естественна, как жизнь. Её, если хотите знать, эту чёрную тьму вообще выдумали только для того, чтобы запугать, ограничить, поставить в рамки, навязать свои «правила», Закон!

В общем, у меня есть тост. А, впрочем, почему у меня? У нас! Сочиняли-то мы его вместе. Правда, нет ещё одного действующего лица. Но вы уж простите эту важную персону: его никогда нет, и он одновременно всегда во всём и во всех. Любит, знаете ли, загадки загадывать... Так вот, – встав и поправив галстук, немного чопорно произнёс Пророк, – в эту историческую минуту, когда цветы ещё не увяли, но уже зарождается новая жизнь, мне бы хотелось напомнить всем присутствующим и себе, так сказать, о вечном, а именно о любви.

То есть о женщине. О том, с чего, собственно, всегда начинается и чем заканчивается разговор, когда встречаются двое мужчин и тем более мужчина с женщиной.

*Как легко потеряться! И, став потерянным,
Обронить, как колечко, себя
В доме, бытом где всё соизмерено
И минут бестолковых гурьба,
Озверевшая, обеспамятев,
Водит дьявольский хоровод.
Кто-то в чёрном кричит: «Этот занятый!»
Утро, ночь ли и вот ...
Мчишь по заданной им же параболе,*

*Подхваченный вихрем страстей...
И мечтаешь: «Да, завтра, пора бы
Стать к себе и другим добрей...»*

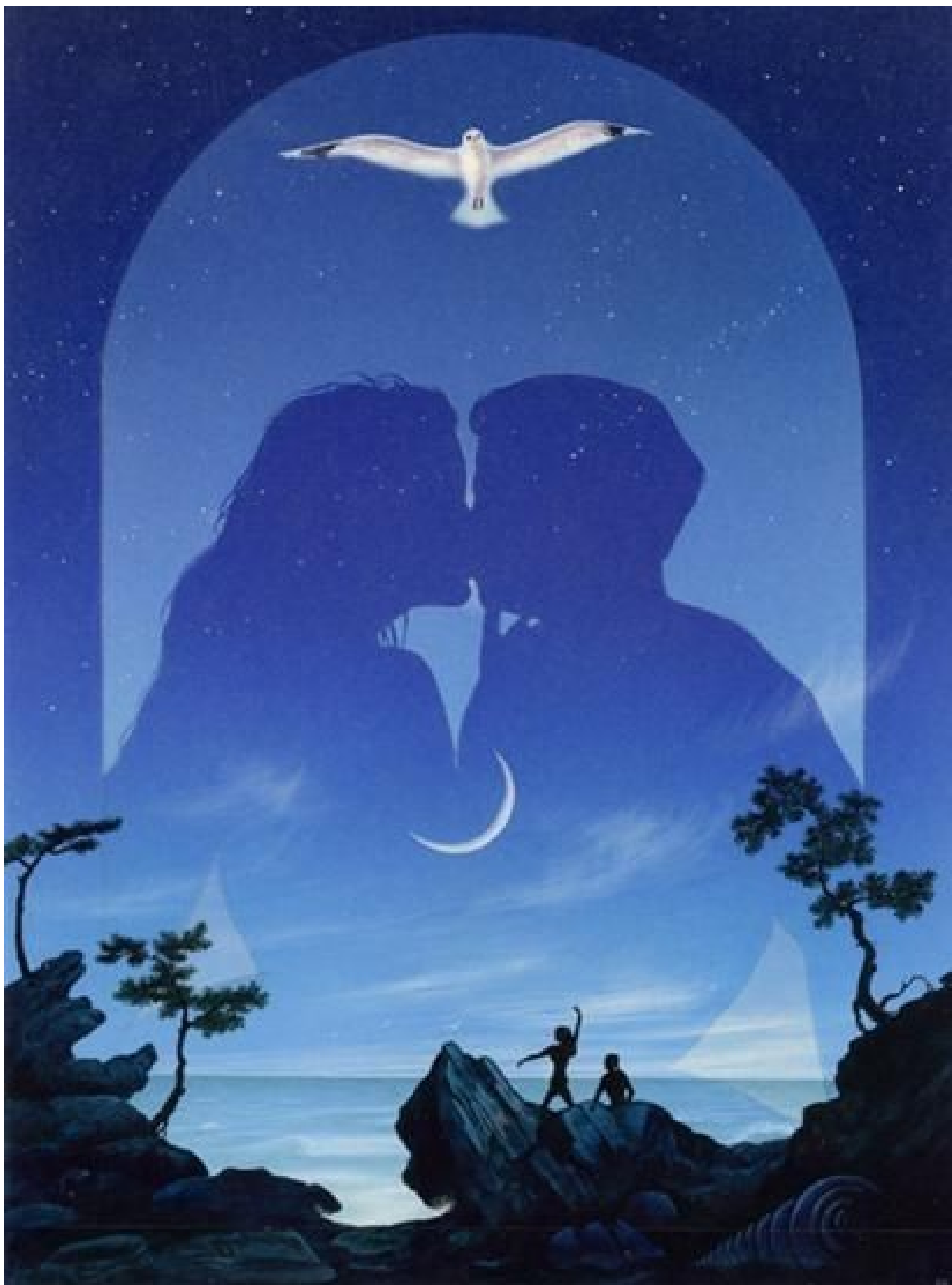
*Но вдруг
Взглядом твоим отрезвлённый,
как с похмелья, нагой, в простыне,
Просыпаешься, вновь рождённый,
В чистой комнате. Муторно мне...*

*Но! И даже насквозь потерянный,
Обронивший в блужданиях себя,
Снова глупо в глаза твои верую,
То ли женщина, то ли судьба...*

– Ты что, издеваешься! – еле дождавшись окончания стихотворения, выпалил Иннокентий. – Ведь это...

– Тише, – негромко, но твёрдо прервал его Пророк. – Учитесь слушать себя. Поверьте, это ценнейшее качество, которое всегда пригодится в жизни и не только в ней. И, нисколько не смутившись, продолжил:

*Что нам, выпавшим из времени,
Капли звёзд и капли слёз?!
Чья рука лежит на темени?
Чей там голос средь берёз?
Это только всё нам кажется:
Боль и радость, день и ночь...
Если любите – отважитесь
Кто на сына, кто на дочь.
И окошко занавесите
Кипой детского белья.
Но придут во сне известия –
Кликнет небо и земля!
И – очнётся разум музыкой!
И – засветятся слова!
Мы взойдём дорогой узкою
В бесконечные себя!
Станет тихо и задумчиво...
Только ходики в углу,
Будут до смерти заученно
Бормотать: «Люблю, люблю...»*

«Влюблённые».
Рисунок неизвестного художника

– Bravo! Bravo!!! – теперь уже рассмеялась, захлопав в ладоши, Катерина.

– Ну, знаете ... – пробурчал, несколько стушевавшись, Иннокентий. – Это же форменный грабёж, причём средь бела дня...

– А кто же сказал, что средь «бела»? Извольте взглянуть, – сказал он и отдёрнул плотно занавешенные шторы на окне.

Комната озарилась лунным светом. Смешавшись с бликами пламени свечей, он в одно мгновение сделал лица, надо полагать, людей двуликими. Торжественная золотистость их вполне органично сочеталась с мёртвой бледностью. И только глаза, как рассыпанные в траве светлячки, излучали какой-то неземной приглушённый свет. Очарованные этой выхваченной из мрака разума картинкой, собеседники на некоторое время притихли, удивлённо переживая произошедшие в них и в окружающей обстановке перемены.

– И потом... – улыбнувшись, явно довольный произведённым эффектом, продолжил Пророк, – кто-то, помнится, вполне серьёзно не позже как несколько дней назад утверждал в одной не вполне приватной беседе буквально следующее.

При этих словах Пророк откуда-то из воздуха «взял» папку, по виду в точности такую, какую Катерина видела недавно в руках у Очкастого.

Надев очки, приосанившись, передразнивая голос Иннокентия, он зачитал:

«Какая наглая самоуверенность – полагать, что мелодию сердца можно сочинить. Для этого как минимум надо ещё уметь создать и само сердце. Вы! Ничтожное материальное отрепье! Вы, не видящие дальше вилки у своего рта! Вполне серьёзно предполагаете... Нет! Даже утверждаете, что это под силу вашему тщедушному разуму, который, как известно, «всего лишь внутренность сердца»! Остановитесь. Уразумейте. Все ваши письма уже давно в небе звёздами прописаны. Вы лишь бледное эхо, хилые вестники, даже не умеющие осознать в полной мере своей миссии. Заняты исключительно надобой прятать своё тело от холода и голода, чтобы зачем-то и куда-то идти. Хотя этот же разум должен был бы вам подсказать: всё закончится банально.

Неужели вы думаете, что способны распорядиться моей жизнью? Водить моей рукой? Видеть моими глазами? Да я сам этого не умею! Как можно купить, а тем более продать то, что не принадлежит тебе? Неужели ради сиюминутной прихоти тела, слепо бредущего во тьме, можно, как во сне, кого-то убивать, кого-то воскрешать, кого-то унижать, кого-то возвышать? Проснитесь! Боль, которую способен испытывать каждый конкретный человек, – всего лишь напоминание всему человечеству о том, как оно, по крайней мере пока, ещё ничтожно.

Сколько ещё ему надо понять! Сколько осмыслить! Воистину, непосильно тяжёлая, но не тягостная ноша... А вы так спешите

давить друг друга, как будто чья-то смерть приблизит ваше прозрение...

Перестаньте, в конце концов, тыкать вилкой друг друга в глаза, из-за этой обезьяньей привычки вы не то что с пути сбиваетесь, а даже друг друга толком разглядеть не можете. А может, с этого и надо начать свой путь?»

Иннокентий слушал Пророка, обхватив опущенную голову руками. Он весь превратился в слух. Когда голос затих, мужчина некоторое время ещё не поднимал глаза. Было так хорошо и спокойно в объятьях собственных рук, что казалось, будто его вновь мама качает в зыбке, и он летит, летит по бескрайним просторам своего воображения, как тополиная пушинка, послушная тёплому июньскому дыханию ветра. И при этом совершенно точно знает: вот сейчас откроет глаза, а в комнате на полу, на вязаном из разных лоскутков материи коврик, у двери, уже пляшет солнечный зайчик. На подоконнике кот Васька с наслаждением моет лапой своё лицо, смешно заворачивая ловкими движениями розовое, прозрачное от утреннего солнца ухо. И можно ещё, хоть сколько, лежать вот так, с открытыми глазами. Не надо никуда спешить, о чём-то думать. Всё в этой жизни пока так просто и ясно. Она вечна, как мама! В ней бесконечное количество звуков, запахов, прекрасных ощущений! Жить – это и значит уже быть счастливым.

И, действительно, когда Иннокентий открыл глаза, комната светилась от яркого солнечного света. На столе, как всегда, царил творческий беспорядок. Среди кипы исписанных листков, словно загадочные изваяния, возвышались бокалы с недопитым вином, которое в них искрилось от лёгкого шевеления штор. В подсвечнике ещё дымилась одна, видимо, только что потухшая свеча. Ни удивления, ни разочарования, ни тревоги в душе у редактора не было. Только ясность. Пронзительная. Зовущая.

Чему-то улыбнувшись, он легко, даже как-то весело, встал. Подошёл к зеркалу и долго разглядывал своё лицо, запачканное засохшей кровью, как будто изучая его до мельчайших деталей перед долгим прощаньем. Затем достал влажную салфетку и тщательно вытер нос, губы и щёки.

В углу крепко спало лопоухое серо-чёрное лохматое существо, которое изредка вздрагивало и произносило невнятные жалостливые звуки наподобие урчания, видимо, от привидевшихся сновидений. Иннокентий присел перед этим божиим творением на колени, не решаясь прервать сон бедолаги. Потом, пошарив глазами по столам, обнаружил какую-то кисломолочную смесь, налил её в блюдце и поставил около щенка. Ещё мгновение подумав, взял листок бумаги, написал на нём печатными буквами «Саян» и подсунул его под блюдце.

Потом оделся. Достал из стола папку с рукописью, засунул её в дорожную сумку, которую аккуратно, как боевое снаряжение, надел через плечо. Мурлыча под нос давно забытую мелодию из любимой некогда пластинки «По волне моей памяти», торжественно подошёл к столу. Неспешно налил до краёв в один из бокалов вина. Снял зачем-то с головы шапку. Сказал сам себе: «Ну, будем!» И залпом, но врасстяжку осушил содержимое его до самого дна. Зажмурившись от удовольствия, крякнул. Потом нахлобучил на голову шапку и, не оглядываясь, поспешно вышел из кабинета.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НЕСУЩЕСТВУЮЩАЯ РУКОПИСЬ

Я одержим безумием сыграть самого себя. О, если бы я мог выплюнуть сердце, как вишневую косточку, чтобы выросло из него хотя бы деревце стихотворения! Оно слишком глубоко пустило корни во мне. Я чувствую, как слова, рождающиеся в нём, шевелятся во мне и ползут, пульсируя по жилам, как они приручают мой язык и свиваются кольцами в раковинах ушей. Как их ростки нервно проклёвывают мою голову, свисая прядью кудрей, застывая в глазах льдинками ночного неба, скатываясь с моих щёк весенними ручейками слёз. Сердце моё миллионами щупалец-звуков ищет пространства, и само постепенно превращается в единое летучее слово. Ему не терпится выпорхнуть из моей груди и, подружившись с ветром, стать пространством и временем.

Отчаянно кричу: «Постой! Куда же ты! А как же я!?»

И одновременно смотрю удивлённо на себя, оставшегося на земле, до тех пор, пока моё человеческое тело не превращается в песчинку, а потом и вовсе исчезает из моих глаз. Тогда, в надежде на что-то, закрываю их и ... Снова возвращаюсь в своё неуклюжее тело!

«Нет. Нет! – лихорадочно приказываю себе. – Надо скорее открыть окно!» – Открываю. Ночь освобождает меня. На небе – застывшая слеза луны. Где-то в глубине кленовой аллеи слышны шаги длинноногого ветра. На его голове широкополая синяя фетровая шляпа. В руках сетка, из-за тряпичной решётки которой сиротливо поглядывает, как пойманная бреднем в ангарском заливе звезда, – бутылка добротного коктельского коньяка.

– Здравствуйте, Ветер! Проходите! Мне так прекрасно одиноко, и хотелось вас по-товарищески кое о чём расспросить.

– А тара найдётся?

– Мои ладони подойдут?

– Вполне, – ухмыльнулся незнакомец, присев на один из стульев.

– Вы не встречали на Земле мальчика, которого когда-то звали Самсон?

– А разве вы не читали Библию? – между делом заметил Ветер, раскупоривая бутылку коньяка.

– Читал, но...

– Никаких «но»! – И вдруг таинственно добавил. – Дайте вашу руку.

Я, секунду посомневавшись, протянул ему свою ладонь.

– Что вы мне подаёте!? – откровенно издеваясь, хмыкнул пришелец. А потом демонстративно присосался к бутылке, сделал несколько внушительных глотков, как будто в ней была обыкновенная вода, а он путник, которого несколько часов мучила жажда.

– Руку, – удивлённо ответил я, несколько ошарашенный бесцеремонностью гостя.

– Господи! А я думал, что вы просите милостыню у входа в пивную. – Продолжал глумиться незнакомец. – Даже руку подать не умеете, а ещё спрашиваете – сначала научитесь слушать.

Не дожидаясь моего ответа или хоть какой-нибудь реакции на беспардонное поведение, Ветер протянул под самый мой нос бутылку и скомандовал: «Пей!»

Сделав, видимо с отчаяния, несколько больших глотков, едва переведя дыхание, выдохнул: «Я-а-а...»

– Велите позвать вашего адъютанта! – перебил широкошляпый.

– Адъютанта?! – в замешательстве ответил я. – Да у меня даже собаки нет!

– Вот это плохо. Очень плохо. И вы в таком положении смеее спрашивать, видел ли я Кешку-Самсона? – Просто глупо! – И вновь, обращаясь ко мне, ещё сокровеннее и таинственнее, спросил: «Так дайте же мне вашу руку...»

Мы долго смотрим друг другу в глаза. Я, как нечто самое сокровенное, подаю руку. Он не смотрит на неё, хотя берёт мою ладонь, продолжая неотрывно глядеть мне в глаза. Потом подносит её к моему лицу и говорит: «Смотри!»

Я медленно перевожу взгляд на свою руку. Спускаясь на крыльях ветра с ночного неба, вижу костёр в распадке. На алтайском таганке висит котелок, в котором закипает вода. Рядом дядька и его ушастый пёс, сладострастно принимающийся к запаху похлёбки из подстреленного накануне рябчика. Чуть поодаль сидит мама, которая варганит на костре скромный ужин из нехитрой походной снеди. На импровизированном столе, сделанном из куска парусиновой ткани, уже лежат чёрный хлеб, несколько малосольных огурцов, краснощёкие помидоры, ломтики душистого сала с чесночком, ну и конечно, фляжка с чистым спиртом.

Дядька, судя по большому красному носу, про который в народе говорят «картошкой», уже принял на грудь, не дождавшись начала трапезы. Вытянув ноги в болотниках ближе к костру, приобнял двустволку и травит байки. Мама, благодарная слушательница брата, то и дело залиvisto смеётся, махая на него рукой, как бы говоря: «Хватит балагурить – дай спокойно приготовить поесть!»

А вот, кажется, и похлёбка поспела. Мама пробует её на соль. Крякает, довольная, что соли в самый раз. Приспущенным рукавом куртки берётся за душку и осторожно ставит котелок рядом со «столом». Дядька командует фляжкой. Мама выкладывает мясо на кусок бересты, специально приготовленной для такого случая. Разливает суп по железным мискам. Звякают алюминиевые кружки. Содержимое их заливается ключевой водой. После необходимой короткой паузы, сопровождаемой нырками деревянных ложек в миски, похрустыванием огурцов и нетерпеливыми повизгиваниями пса, ожидающего своей заслуженной порции, процедура бульканья фляжки повторяется ещё несколько раз. Через некоторое время ягодники, убаюканные монотонным ворчанием костра, согретые бродящим по жилам спиртом, свернувшись калачиком, уже мирно дремлют. И им так же уютно в этом таёжном распадке, как дома, в Облепихе, у русской печки. Потому что они, сорокалетние, ещё не старые, но уже и не молодые люди, пусть на несколько часов – смогли вернуться в детство. Соединиться с природой, стать частицей своего благодатного края, который выпестовал их своими ягодами, грибами, дичью, рыбой, который позже принял их останки в свою запашистую землю, бережно укрыв тенями берёз, сосен и кедров.

На спящих людей торжественно и величаво смотрели августовские звёзды. Лёгкий ветерок осторожно дул на тлеющие угли костра. В горбовиках перешёптывались ещё тёплые ягодки черники.

Мне захотелось подойти к маме и поправить сползающий с её плеч наш старый походный плащ. Погладить её бронзовые от загара руки. Легонько дотронуться до седых кудрей, бережно спрятанных под платком. Но сделать этого не могу. Тогда сначала тихонько, потом чуть громче зову: «Мама!» Но не слышу собственного голоса.

Обессиленный, встаю на колени, чувствую, как по моему лицу струятся слёзы. Вдруг налетевший откуда-то порыв ветра подхватил меня, как хвоинку лиственницы, и закружил над землёй. Во мне зазвучали слова.

*У мотылька есть крылья.
У песни есть мелодия.
А я порос весь былью,
О, Родина!*

*У неба есть безбрежие,
Мгновение – у Одина,
А я забыл, что не жил,
О, Родина!*

*У птиц есть сновидения.
У звёзд немых – рапсодия.
Во мне нет откровения,
О, Родина!*

*Хотя исполнен таинством
И помню, помню, вроде бы...
Как мыслишь ты наваристо,
О, Родина!*

*Для всех душой распахнута –
Блаженная удобина...
А сколько в мире страху-то!
О, Родина!*

*Так одари же голосом
Меня своим убогим ты,
Чтоб ожил в поле росами,
О, Родина!*

*Чтоб в суете и нелюдьё
Себя не уподобил я
Бездушной чёрной челяди,
О, Родина!*

Музыка ещё звучала, а я уже лежал, свернувшись калачиком, в лодке, которая слегка колыхалась на байкальских волнах. Подняв голову, увидел, что небо слилось воедино с озером. Звёзды отражались в воде, и создавалась иллюзия, что лодка скользит по космическому пространству. Вдруг почувствовал приближение кого-то. По мере того как это чувство крепло во мне, всё более усиливался ветер. Лодку раскачивало больше и больше. Судорожно вцепившись руками в края бортов, я пристально всматривался вдаль. Вскоре на горизонте замаячил маленький огонёк. Он быстро приближался. Ещё через мгновение стало совершенно очевидным, что это женщина, одетая в длинную, до пят, белую ночную рубаху. В руках у неё – подсвечник с горящей свечой. В идущей по волнам угадывалась знакомая с детства фигура. Сладко заныло сердце. Подойдя вплотную к лодке, ОНА поставила подсвечник на корму. Я смиренно опустил глаза, боясь взглянуть на неё: а вдруг видение исчезнет? Но ОНА легонько дотронулась до моих волос, как будто прикрывая своими ладонями мою голову от ветра. Он мгновенно затих.

– Сколько лет мне, мама?

– Это знают звёзды да сердце моё. Ты очень подрос.

– Неужели, мама, так намного со вчерашнего дня?

– Время не имеет значения, сынок. Ты всё ещё во мне, пока я в тебе.

Ты моя – *зимолость*.

– Я люблю это слово твоё, от него веет зимней прохладой.

– Это горькая ягода, но очень пахучая и красивая. Такая же, как голубика, но только гораздо стойче.

– Стойче?

– Да. Она вызревает раньше голубики, а умирают они вместе.

– Мама, я очень люблю жизнь!

– Знаю. Это потому, что ты поскрёбыш и ещё не родился.

– Как же так? – Помнишь, у меня родимое пятно на левом колене? Ты разве забыла, что я однажды чуть не умер от простуды? А не ты ли меня учила рыжики отличать от волнушек?

– Полно, полно... Это ещё много раз будет – ты у меня очень способный...

– Постой! – догадываюсь, взяв руку ЕЁ в свои ладони. – А почему ты такая молодая?

Хочу поднять голову, но не могу. ОНА тушит свечу, и звёзды гаснут на небе.

Только в лодке, как в люльке, светло и уютно. Она слегка раскачивается. У меня слипаются глаза. Сворачиваюсь снова калачиком, кладу руки под голову и слушаю дыхание своё. Оно медленно тает во мне, вместе со словами колыбельной песни, которую поёт мне мама. А может быть, небо.

*Баю, баюшки, баю –
Спи у неба на краю.
Станешь добрым и хорошим,
Когда снегом запорошит.*

*Баю, баюшки, баю –
Дайте дитятку мою.
Я закрою глазки талые,
Поцелую в губки алые.*

*Баю, баюшки, баю –
Когда песню допою,
В люльке красной ты качнёшься
И на облачке очнёшься.*

*Баю, баюшки, баю –
Дай мне рученьку свою
И – отвезешь очи,
Жить достанет мочи.*

Последние слова медленно затихают во мне по мере того, как сон растекается тёплым ручейком по моим жилам.

*И – отверзешь очи,
Жить достанет мочи...*

Ночь. Тёмная комната. У окна письменный стол, на котором стоит зажжённая настольная лампа. В светящемся круге, сложив голову на руки, спит человек. Это я. Точнее, моё усталое тело. Отдохни немного, отдохни, пока я вновь не соединюсь с тобой...

Неспокойно. Где-то вдалеке звучит колокол. Я встаю, беру в руки скрипку, начинаю играть. После первой же прозвучавшей ноты отовсюду вспархивают сотни, тысячи бабочек, которые постепенно превращаются в снег. Неожиданно я оказываюсь посередине чистого поля. Усиливается ветер. Он треплет мои волосы. Рвёт полы костюма, который пузырится на мне, как парус. Но я продолжаю играть. Неизвестная, но прекрасная музыка звучит импульсивно и трагично. По мере того как усиливается звучание музыки, всё настырнее и задиристее ветер, уже откуда-то сверху приближается звучание колокола. Вдруг на скрипке рвутся струны. Сжав кулаки, я начинаю говорить, точнее, почти кричать.

– Ветер! Я слышу тебя. Ты хотел научить меня молчать? Так сделай же это! Я не могу смотреть, как кровь сочится из слов моих.

Ветер! Дай мне силы обрести живыми друзей и подруг. Они умирают у меня на руках. А я не умею их оживить.

Ветер! Хочешь, я сделаю тело своё парусом и помогу Земле выплыть из блуждания во мраке? Мне не жаль себя! Но способен ли я тогда пожалеть других?!

Ветер! Я ненавижу тебя! За что ты дал мне СЛОВО? Оно испепеляет меня. Прекрати, умоляю тебя, эту пытку!

После этих слов я как будто проваливаюсь сквозь землю. От резкого падения у меня захватывает дух. Так, наверное, чувствует себя лист, который с дерева срывает ветер... Но уже через мгновение у меня под ногами оказывается незыблемая земля и я бреду по городу, в котором бушует стихия. Дождь хлётко бьёт по щекам. Ветер хватает за руки и ноги. Рвутся электропровода, брызгая снопами искр на землю. Охая, падают как подкошенные огромные тополя. Градом сыплются ветки. Окна домов, витрины магазинов превратились в стеклянные бубны, взбесившаяся стихия бьёт в них тревожную дробь, которая временами прерывается звоном разбитого стекла. Небо соединилось с землёй. Молнии рыщут по улицам. Темно как ночью.

Вдруг резко наступает пронзительная тишина. Вокруг ни души. Только большой чёрный ворон сидит на острие сломанного тополя, да где-то недалеко дятел выстукивает морзянку. Асфальт застлан толстым слоем листьев, перемешанных с ветвями. Вокруг вырванные с корнями деревья, некоторые из стволов повалены на крыши домов, другие «гостят» прямо на балконах, лоджиях, в окнах. Оставшиеся в живых выглядят убого и угрожающе.

Небо постепенно начинает светлеть. Сквозь чёрные лохмотья облаков всё чаще мелькает пронзительная синева. Но на улицах города

по-прежнему никого не видеть. Только я, мокрый, усталый, один на один с толпою деревьев-калек.

Вот знакомый подъезд. Вхожу под его арочный свод. Открываю дребезжащую деревянную дверь. Передо мной большая «неправильной» формы комната, имеющая эркерные выступы, посередине которой стоят два письменных стола. За одним из них сидит старинный друг и товарищ по работе, который несколько лет назад разбился в авиакатастрофе. Это меня ничуть не удивляет. Как ни в чём не бывало говорю: «Привет!» Сажусь за свободный стол и спрашиваю Леонида:

– Послушай, а что это за история про Самсона? Кажется, это что-то из Библии? Значит, ты должен знать.

Леонид, затаив улыбку, выгнув удивлённо дугой бровь, делает вид, что вспоминает, а потом объясняет. Так обычно объясняют элементарные вещи детям.

– Самсон слишком доверял женщинам иной веры. Одна из них стала причиной гибели многих людей. А вторая погубила его, хотя в него в своё время сошёл дух Господен и он был силен необычайно. Имя этой женщины – Далила. Жила она в Газе. По красоте ей не было равной среди филистимлянок. Молодая и красивая, она сразу же понравилась Самсону. Они полюбили друг друга. Но Далила считала, что Самсон принадлежит только ей одной. Гордыня обуяла её. Демон сделал её ещё прекраснее. Самсон совсем потерял голову. И... открыл ей тайну своей чудесной силы, которая заключалась в его длинных волосах, лишившись которых, он должен был лишиться и силы, ниспосланной ему свыше.

Леонид замолчал. Внимательно и пристально посмотрел на меня. У меня возникло чувство непонятной тревоги. И всё-таки я нетерпеливо воскликнул:

– А дальше, дальше что было!?

– Дальше всё было достаточно банально. Однажды Далила устроила роскошный ужин. Поставила на стол много хорошего вина, к которому Самсон питал слабость. Вечер был душным. Хор цикад так пел в долине, что, казалось, славную трапезу озвучивал хор первоклассных певцов. Далила выглядела особенно прекрасной и соблазнительной. Воздушные шёлковые ткани придавали её телу манящую притягательность. В её полных глазах горели тысячи свечей страсти. И... ночью волос у Самсона не стало. А потом не стало и глаз: их выкололи волчары у обессиленного героя. Несчастливая женщина...

– Ты полагаешь, что она его любила?

– Полагаю? Конечно-е-ечно, а иначе зачем бы она позволила его ослепить?!

– Постой, что-то я не пойму... Ты хочешь сказать... – протянул неуверенно я, угадывая в глазах Леонида кого-то очень знакомого мне...

– Какая у тебя великолепная шляпа! – перебил меня Леонид. И, не спрашивая, надел её на свою поседевшую на висках голову. – Ты решил сменить имидж?

Я как-то рассеянно, продолжая ещё про себя диалог с ним, ответил:

– Знаешь, хотелось хоть что-нибудь противопоставить своей серости и серости других...

– Ну и как – помогает? – И, не дождавшись ответа, надел мой длиннополый синий плащ. – Хочешь на себя посмотреть со стороны?

– Да-а-а... – протянул неуверенно я, угадывая в очертаниях Леонида знакомого то ли человека, то ли духа. – Шляпа действует на работяг, как красное полотно на быка...

– Да? – уже серьёзно, без иронии, спросил НЕКТО, глядя нагло и пренебрежительно в упор на меня.

Так обидно Леонид никогда на меня не смотрел. Некоторое время мы молча угрожающе стояли напротив друг друга. Наконец я узнал ЕГО! Это был он – Пророк, предсказавший мне незримость! Сразу же зашевелились паруса штор. Где-то вдалеке голодным волком завывала вьюга.

– Это ТЫ! – воскликнул я.

Мгновенно в комнате стало так темно, будто я вновь ослеп. И вдруг из-за штор появилась мама! Её одинокая фигурка высвечивалась лучом света, ниспадающим откуда-то сверху. Она была неподвижна, но плавно приближалась, как будто кто-то невидимый на ладони своей подносил её к нам. Оказавшись рядом – дала каждому из нас по зажжённой тонкой церковной свече. Перекрестила... меня. Повернулась и пошла. Мы послушно за ней. Стены, как кулисы, раздвинулись перед нами. Спотыкаясь в темноте, я брёл за ней по пустынному городу. Вскоре мы оказались на берегу Ангары. Перешли по глади волн на Спасский остров. Ещё одно движение – и мы уже среди корабельных сосен, как раз там, где когда-то собирали вместе сухие грузди и маслята. Мама остановилась. Повернулась ко мне лицом. Осветила его свечой. Бережно причёсанные кудри оттеняли загоревшую смуглую кожу. Тоненькие лучики морщин, разбегающиеся во все стороны от карих глаз, делали её только ещё божественнее и привлекательнее. От лица мамы веяло таким спокойствием и уютом, что даже захотелось плакать от счастья. Я глубоко вдохнул в себя смолистый сосновый воздух, прикрыл блаженно глаза и только тут заметил, что рядом не было уже моего спутника. Впрочем, сейчас меня это уже мало волновало.

– Расскажи мне о жизни и любви своей, – попросила мама, глядя на меня нежно, но всё-таки как-то немного отстранённо.

- Жили-были на белом свете

Снежинка и солнечный луч –

Полюбили друг друга они...

Рассказывать дальше?

– Нет!

– Жили-были на свете

Птица плавная и быстрая пуля –

Полюбили друг друга они...

- Нет!
- Жили-были на белом свете
Мотылёк и полночная лампа...
- Нет, нет, нет!!!

От вскрика мамы сосны, резонируя, задрожали, как тростинки, лесные цветы побросали свои лепестки, а трепетная трава прижалась к земле. Вихрь, образовавшийся из цветков багульника, был настолько сильным, что я на мгновение потерял маму из виду. Когда розовая вьюга начала утихать и обозначились контуры женской фигуры, бросился к ней, чтобы прикрыть собой её от разгулявшейся непогоды.

Но едва коснулся желанной руки, понял: передо мной не мама, а ВОЗЛЮБЛЕННАЯ!

Мама исчезла так же внезапно, как и появилась. Так вдруг наступает утро. Кажется, ещё только мгновение назад в тёмном лесу у тебя за спиной шептались лесные духи. Прислушиваясь к их голосам, ты отчётливо слышал каждый шорох своего сердца. Костёр устало, в полудрёме ещё разговаривал с тобой. И вдруг – резкий вскрик чибиса. Потом звонкий колокольчик жаворонка где-то высоко в небе. Солнце ещё не взошло, но через бледно-розовую проталинку на Востоке хлынули первые потоки белого света, перемешанные с утренней прохладой. Это сигнал для миллионов божьих тварей к очередному рождению. Даже Ангара в такие минуты начинает плескаться волной веселее. А птицы так радуются, что, кажется, на землю с небес спустились тысячи ангелов. Когда первый луч солнца скользнёт по бледным речным волнам, пронзая поднимающийся от водной глади туман, всё живое и сущее начинает исполнять гимн жизни. А ты стоишь, стряхнув остатки сна, среди этого великолепия и, чуть захмелев от своей сопричастности к данному торжеству, чувствуешь себя, босой, продрогший, не совсем сытый, – счастливейшим из счастливейших.

Примерно такие же чувства овладели мной и в этот раз. Я широко раскрытыми глазами смотрел на своё недостижимое божество. Её лучистые глаза, полуулыбка, утончённый овал лица, неловкая хрупкость едва сформировавшегося женского тела, прикрытого воздушной тканью, а может быть, просто неисчислимым количеством маленьких розовых мотыльков-цветков багульника, – совершенно лишили меня возможности думать. Стало так легко-легко. И мы, взявшись за руки, воспарили. Какие-то секунды понадобились нам, чтобы оказаться на строительной площадке центрального купола недостроенного храма. Город ещё окончательно не проснулся. Мы, ничего не объясняя друг другу, некоторое время молча смотрели вокруг.

Вот первый трамвай, гулко гроыхая на стыках рельс, помчался в сторону градообразующего предприятия. От городского отдела внутренних дел, находящегося недалеко, отъехал воронок. Из решетчатого окна выглядывала хмурая небритая физиономия арестованного. В его тоскливых глазах читалась откровенная зависть к бездомным облезлым кошкам, свободно шмыгающим из-под колёс автомобиля. Около кафе, находящегося прямо напротив прихода, хлопотала подметальщица. Экипированная традиционными орудиями труда, она казалась сверху этаким воином, который с метлой-пикой наперевес в одиночку сражается с нагловатыми воробьями, почуявшими остатки пищи около парадного крыльца местной забегаловки. Справа, за башенками, стоящими на входе в курорт, виднелась Ангара. Странно, но вдруг с этой стороны донеслись отчётливые звуки утренней российской радиопередачи, сопровождаемой бодрим маршем. Через мгновение из-за крон деревьев появилась уютнообразная корма баржи – и всё стало сразу ясно. Неугомонный речной флот таким образом делал побудку населённому пункту, который в столь ранний час оказался у него на пути. Мы весело переглянулись. Она произнесла:

– Я – Земля,
А ты – тёплый дождь.
Поцелуй твои прохладные
Просочились в меня...

Я непроизвольно ответил ей, не узнав свой голос:

– Я хотел быть лучом, чтобы только лишь коснуться уст твоих...
– Фонарик ночной моей комнаты был открыт и для странствий, и для странностей, и для странников.

– Стра-а-анно: я хотел стать лишь тенью твоей, а стал твоим собственным небом...

– Я хотела узнать, как рождаются ливни. О чём думает птица, парящая над землёй. Где ночуют солнечные зайчики. Кто сочиняет музыку снегопадов. Откуда мне было знать, что прикосновение луча обрекает на мученичество светить!? Нас было слишком двое в ту ночь...

Дальше уже не совсем понятно было, кто и что из нас говорил. Да и говорил ли вообще? Может быть, это бормотали наши руки, волосы, соединившиеся губы, перестукивались сердца?

– Да-да-да... Да-да-да... Да-да-да...

– Падаем, падаем мы, как сорвавшиеся листочки, в тёмную, сырую ночь.

– Но не страшно! Не страшно, пока под сердцем переворачивается слово!

– Ах, как должно быть прекрасна смерть! – Так в открытое окно влетает птица...

– Так звезда падает с неба, освещая на мгновенье лица богов...

– Да-да-да... Так мы умираем...

– Да-да-да... Так мы рождаемся!

В это мгновение наши голоса зазвучали в унисон. Так звучит торжественно-грустно неземной, приглушённый голос колокола, который слышится далёко окрест.

*Изнемогающим от снов,
Посеянным в расщелинах вселенной,
Звучит: «Да. Здравствует ЛЮБОВЬ!» –
И будет светел лик их непременно.*

*Надевшим на себя ночной покров,
Не видящим иные откровенья,
Звучит: «Да здравствует ЛЮБОВЬ!» –
Как клятва сотворения.*

*Изверившимся в тайне слов,
Гурманам сладостных мгновений
Звучит: «Да здравствует ЛЮБОВЬ!» –
Как вызов на дуэль без промедленья.*

*Для всех блуждающих умов
Из света в тьму, от мрака до рассвета
Звучит: «Да здравствует ЛЮБОВЬ!» –
В которой скрыты все ответы.*

Слившись в объятиях, мы уже не ощущали себя чем-то отдельным, растаяли, как снежинка на тёплой ладони... Два белых голубя вспорхнули с недостроенной колокольни и устремились ввысь!

«Грусть».
Рисунок Сергея Загаровского.

И вот меня уже нет. А город мой любимый – растрёпанный, чумазый, но родной – продолжает жить своей размеренной жизнью. Старушки так же толпятся в очередях у магазинов в надежде купить дешевле косточек, яиц, хлеба. Мужики в пивных решают за кружкой пива проблемы российского уровня, по ходу матеря политиков и своих местных хозяев. Пацаны около облезлых подъездов бренчат свои первые песни, выдавая их за народные. А героини их сидят рядом на лавочке, лузгая семечки. Ежедневно на подмостках улиц разыгрываются десятки драм, комедий и трагедий. Кто-то кому-то физиономию начистил. Кто-то признался в любви. Кто-то травит байки. Бездомные кошки, собаки, нищие роятся у мусорных контейнеров. Проститутки и их сутенёры, наркоманы и милиция исправно дежурят по ночам, карауля своих клиентов. Добропорядочные семейства по вечерам собираются за столом съесть свою тарелку супа, чтобы потом, разомлев от этой нехитрой еды, на рекламной паузе мирно задремать у телевизора.

Милая, бестолковая, пьяненькая, наивная, открытая для прощелыг всех мастей, моя малая Родина! Пройдут века, а твоё доброе, простодушное лицо, прокалённое сибирскими морозами и ветрами, – останется таким же. В этом твоя сила, и в этом – слабость. Одно поколение будет сменяться другим. Изменится всё вокруг: природа, техника, архитектура, культура – и лишь останутся неизменными: размышления человека о жизни, смерти и его неутолимая жажда ЛЮБИТЬ и быть ЛЮБИМЫМ.

Поэтому сейчас, когда меня уже нет, я обращаюсь к своему таинственному незнакомцу, моему двойнику, который, конечно, будет жить вечно, но уже с другими и в других.

Ветер!

Я слышу голос твой, ветер! –

Ты зовёшь меня вдаль.

Как она называется?

Смерть, вселенная, вечность...

Жаль, что жизнь прожита,

А в кармане только один

Чёрствый сухарик стихотворения,

Солёный от слёз последней возлюбленной.

Но я ещё жив – я умею любить!

Ветер!

Ты – дыханье моё:

Так мучительна жажда полёта,

Что боюсь, разобьюсь во сне...

Я – ветренный человек.

У меня ветер в голове.
Иду, куда ветер подует.
Открыт для всех ветров.
Ищу ветра в поле.
Когда безветрие на душе –
Штиль сердца
И безветрие такое,
Что хоть волком вой!
Моя вера – ветер:
Невыносима жизнь
С перебитым крылом
Влачащейся по земле тени...
Но я ещё жив – я умею любить!

Ветер!
Кто похвастаться может,
Что держал тебя гордо в руках?
Я решето таскаю воду
И ситом просеиваю ветер.
Славное дело для всех ветреных голов,
Воображающих себя ветряными мельницами,
Способными летать. Рекомендую.
Ты, ветер, – великолепный двигатель души.
И я ещё жив – я умею любить!

Ветер!
Усталый вечер
Устами светел,
Когда в безумной тишине
Мой Ангел словом меня метит...
Я жду тебя, о, вдохновенный ветер,
Как женщину ждёт мужчина.
Как паруса неба жаждет душа,
Потому что звёзды –
Всегда для неё впереди!
Но я ещё жив – я умею любить...
О, ветер!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОТКРЫТИЕ ПОЭТА

В этот день жители Староангарска, которые жили недалеко от редакции газеты «Сплетни, слухи, домыслы», наблюдали, как к её помещению подъехал милицейский уазик, из которого выпрыгнула большая немецкая овчарка, а следом несколько сотрудников в форме российских органов внутренних дел.

Вечером город всколыхнула тревожная весть: бесследно пропал редактор газеты – Горенский Иннокентий Георгиевич. Поздно ночью его, по словам сторожа, не совсем трезвого, впустили в редакцию, которая располагалась на втором этаже Дома быта. Никто не видел, чтобы он выходил из здания. В туалете и в помещении редакции обнаружено большое количество крови, которая по заключению судмедэкспертов принадлежит Иннокентию Георгиевичу. Тело редактора обнаружить не удалось. Недругов у него было очень много, потому что популярное в городе издание, которое он возглавлял, в основном формировало прибыль за счёт большого тиража газеты, стабильность которого обеспечивали материалы сенсационного характера. Причём критике, по мнению властей, не всегда конструктивной, подвергались все и вся, начиная от городской исполнительной и законодательной властей, заканчивая бандитами всех мастей, которые прочно укрепились в экономической и социальной сферах города. Поэтому в адрес редакции и лично редактора неоднократно поступали угрозы, в том числе и физической расправы. Началось следствие, главная версия которого – покушение на жизнь человека в связи с профессиональной деятельностью. При этом все понимали, что по прихоти судьбы и закона дело неминуемо будет закрыто, если тело редактора не будет обнаружено, так сказать, за отсутствием состава преступления. Как цинично говорят в правоохранительной среде: «Нет тела – нет дела».

Как полагается, после случившегося сразу же телеграммами были срочно вызваны жена и близкие друзья «покойного». Родственников у редактора не было. К поискам подключились местное и областное отделения Союза журналистов России и вся общественность города.

Екатерина Ивановна Горенская, жена пропавшего редактора, появилась в городе через десять дней: телеграмма, отправленная на оставленный адрес, ждала её в Санкт-Петербурге. Так что долгожданный отпуск прошёл у неё почти весь в дороге: около пяти дней до северной столицы, и столько же обратно – в Староангарск. К этому же времени подтянулись и друзья, разбросанные по всей Иркутской области.

Хотя тело редактора не было найдено, ни у кого из друзей и товарищей по журналистскому цеху не было даже тени сомнения, что его устранили «герои» его публикаций. Поэтому они, не сговариваясь, собрались в определённом месте городского кладбища, где по заведённой

десять лет назад традиции хоронили журналистов. А именно – недалеко от входа, около братской могилы китайским строителям, погибшим при строительстве одного из жилых кварталов города. Также по традиции в октябре журналистская братия из всех конкурирующих газет собиралась на этом участке кладбища, чтобы почтить память всех, кто верой и правдой служил на их профессиональном поприще. Получился своеобразный день примирения. Во время этой встречи забывалось на время ежедневное противостояние. Вспоминались старые добрые времена, когда все они трудились в одной районной партийной газете – и делить им было нечего.

Так как могилы у Иннокентия не было, они принесли его портрет и, поставив на один из столиков, устроили скромную печальную трапезу. С фотографии на всех пришедших помянуть смотрел теперь уже вечно иронично улыбающийся Иннокентий Георгиевич. Чуть позже к ним присоединилась Катерина.

Собравшиеся коллеги и друзья её заприметили издалека. Женщина шла неспешно по аллее, ведя за собой на поводке щенка, которого в последний вечер Иннокентий принёс в редакцию. Она, не видевшая мужа в гробу, проплакавшая всю дорогу, всё ещё не верила в произошедшее. Её сухие тёмно-синие, как ясное осеннее небо, глаза выражали более какую-то потерянность, чем испуг или горе. От этих переживаний стройная, привлекательная по-женски фигура как-то мгновенно осунулась.

О чём думала Катерина в эту минуту – нам неизвестно. Может быть, за что-то просила прощения или, наоборот, за что-то прощала своего мужа: человека сложного, неоднозначного и далеко не безгрешного. Перед ликом его смерти, наверное, всё это казалось теперь не столь важным. Пройдёт год, другой – боль от расставания поутихнет в её сердце. Жизнь возьмёт своё, и, возможно, Катя сможет получить от неё то, что ей не мог в своё время дать Иннокентий. Или она сама не хотела этого. Так это или не так – неизвестно. Как и то, что любому из нас несёт день грядущий. О чём говорит нам во сне наше бдительное подсознание. О чём шепчутся берёзы на этом кладбище.

Глядя в такие минуты на лица людей, прислушиваясь к вздохам ветра, трогая рукой бересту кладбищенских, совершенно особых деревьев, не сомневаешься, что у всех нас: людей, животных, растений, Земли, звёзд – единая душа. А иначе как объяснить, что падающая в небе звезда или сломанное бурей дерево, или сбитая автомобилем кошка – вызывают в нас такую щемящую тоску, словно это мы умерли. Пусть это ощущение недлительно. Может быть, даже мгновенно. Но оно, несмотря на НЕЗНАЕМОСТЬ, очень реально. И в полной мере, на уровне ощущений, даёт нам представление о том, что мы едины...

– Катенька, – негромко окликнул женщину дядя Миша, подавая ей руку. – Пойдём, помянем. Все ждут тебя.

Катя подняла глаза. Около столика собрались близкие друзья и коллеги Иннокентия. В роли хозяйки хлопотала Светлана. Помогала Женя и несколько журналисток, когда-то работавших с ним в различных

городских изданиях, которых Катерина знала только по именам. Спиртным заведовали Андрей и Арнольд. Дядя Миша и Вадим о чём-то негромко разговаривали друг с другом.

«Совершенно непохожие друг на друга люди. Кеша при жизни никогда не рисковал собирать их вместе. А вот теперь смог...» – мельком, как-то рассеянно подумала женщина, направляясь под ручку с дядей Мишей к столику.

Настало время что-то сказать о жизни Иннокентия. Странно, но журналистам и педагогам, которым никогда не надо лезть за словом в карман, в таких случаях обычно трудно говорить. Они больше предпочитают вспоминать, преимущественно забавные случаи из жизни ушедшего в потусторонний мир. Но традиция есть традиция, поэтому первым поднял стопку дядя Миша и просто сказал:

– Кеша был наш человек! Нам всем будет его очень не хватать. Пусть ему, как говорится, земля будет пухом...

Все дружно выпили и молча закусили.

В образовавшуюся паузу Катя медленно обвела взглядом всех, потом прощупала глазами ближайшие деревья, как будто хотела убедиться, что Иннокентий не прячется за ними, иронично наблюдая, как его поминают. Совершенно непонятное женское сверхчеловеческое чутьё, а может умная, физиономия дурашливого Саяна, повторявшего движения головы хозяйки, заставили её сфокусировать свой взгляд на кладбищенской лесной «пустоте».

«Кеша, – сказала про себя Катерина, – я знаю, ты здесь. Скажи, что происходит? Я уже навсегда ни на что не сержусь...» Но ей в ответ только гулко шумел кладбищенский лес.

Горло женщины перехватила тоска. Но Катерина была сильным человеком. Проглотив горький комок, она слегка тряхнула головой, как бы сбросив с себя навязчивое наваждение. И решительно достала из кармана своего плаща несколько листов бумаги.

– Мне хотелось бы сказать, что мы сегодня вспоминаем не только журналиста, но и поэта. Правда, к своим стихам он, к сожалению, относился не очень серьёзно, да и работа не позволяла ему уделять им достаточного времени... И всё же... Я разбирала дома его бумаги и нашла вот такие стихи. Мне трудно их читать, может быть, кто-то поможет...

Помочь вызвалась одна из журналисток, которая когда-то в юности была первым профессиональным куратором Иннокентия. Пробежав глазами по написанному на первом листке, она, немного запрокинув голову вверх, хорошо поставленным голосом начала декламировать:

*Пора, мой друг... Пора! –
Начать восхождение вниз.
Всё, что было до этого – зря.
Всё, что будет – мгновений каприз.*

Пусть дрожащие травы замрут

*На рассвете под тяжестью рос,
И друзья попрощаться придут,
Но не надо, не надо слёз...*

*Пора, мой друг, пора
Начать этот мир с себя:
Всё, что было до этого – зря,
Всё, что будет – просто судьба.*

*Пусть опять в гамаках паутин
Пауки серебрятся звёзд –
Буду я не один, не один,
Но с меня будет только спрос...*

*Пора, мой друг, пора
Отдохнуть и от жалящих губ...
Всё, что было до этого – зря:
Вдохновенный, но всё же испуг...*

*Пусть покроют мгновенно леса
Золотою косынкой дожди.
И от слёз отдохнут глаза
Моей милой. Ты только не жди...*

Пора, мой друг, пора...

Кажется, даже не все присутствующие знали о том, что Иннокентий писал стихи. Во всяком случае, известный некогда советский поэт, которого Иннокентий называл просто дядей Мишей, был явно обескуражен и даже немного растерян: Катерина знала, что Кеша никогда не показывал ему своих стихов. Дядя Миша, не в силах скрыть удивления, не выдержал и пробормотал себе под нос: «Как же так?..»

Тем временем эстафету приняла другая журналистка, которая пришла в редакцию после Иннокентия, когда он уже, как принято говорить в журналистике, «становился на крыло» и был хорошо известен читателям города и района как автор нескольких резонансных материалов. Она даже не пыталась декламировать. Прочла запросто, как записку от Кеши к Кате. От волнения её голос дрожал, но всё же не срывался, что делало её чтение очень своеобразным и особенно проникновенным.

*Всё уже произошло...
Рано или поздно
Я скажу, что повезло
В жизни невозможно.
Ведь капризная судьба
Нас соединила!*

*Ухожу, тебя любя,
Называя «Милой!»
Что ещё желать и ждать?
Может быть, чтоб тихо
Из земли вновь прорасти
Кедром или пихтой...
Да ещё не испугать
Милую остывшим телом.
Время жить и умирать,
Вот такое дело...*

– Вот такое дело... – повторила последние строчки обыденным голосом журналистка. Люди молчали, потупив глаза в землю. Вокруг них царил такая пронизывающая тишина, что было слышно даже шелест падающих листьев и жужжание ос, прилетевших полакомиться нарезанными дольками дыни, которые горкой лежали посредине импровизированного поминального стола.

– А ещё, ещё какие-нибудь его стихи сохранились? – первым не выдержал эмоциональный Арнольд.

Глаза всех устремились на Катю. Она обречённо пожала плечами и растеряно сказала:

– Нет... Я все бумаги перерыла... Хотя это очень странно... У Кеши их было очень много, и он всё, что им было написано не для газеты, складывал в отдельную папку...

– Как же так! – уже вслух промычал дядя Миша. – Выходит мы... Нет, я! – Прошляпил настоящего поэта, который был у меня прямо под боком... Конечно, я знал, что он хорошо разбирается в поэзии, но мне даже в голову не приходило...

После этой фразы у всех присутствующих почему-то пропало желание вспоминать курьёзы из журналистской деятельности Иннокентия, хотя их было немало. Каждый невольно задавал себе мысленно вопрос: «А что мы вообще знали о Кеше?» И больше: «А что мы, стоящие здесь, у его лукавого портрета, знаем друг о друге, кроме того, что каждый из нас где-то работает?»

Испытывая какую-то неловкость от этой духовной слепоты, дядя Миша, самый умудрённый жизненным опытом из присутствующих, как-то особенно решительно разлил по рюмкам горькую поминальную влагу и немного сурово произнёс:

– Прости нас, поэт! Нам пора...

Всё дружно выпили и, толком не закусив, стали суетливо, но дружно убирать со стола. Когда на столе, кроме портрета Иннокентия, ничего больше не осталось, наступила очередная неловкая пауза. Оставлять его на кладбище одиноким и неприкаянным было не просто глупо, но и как-то нехорошо... Тогда Катерина тихо спросила:

– Можно?..

И, не дожидаясь ответа, бережно взяла фотографию Иннокентия, вставленную в траурную рамку, со стола. Прижала её, как маленького ребёнка, к своей груди и, еле слышно переставляя ноги, одиноко побрела в сторону выхода из кладбища. Её никто не стал останавливать и навязываться в провожатые. Теперь у неё уже был свой ПУТЬ. За женщиной весело семенил своими маленькими ножками Саян – последний живой подарок Кеши.

ЭПИЛОГ

Святящаяся гусеница электрички неспешно вползла в туннель. Так казалось торговцам, сгрудившимся на самом краю Култукской горы около козлоногих столов-прилавков, заваленных вялым омулем. Тягучее вечернее безмерное пространство с блёстками первых фонарей, открывающееся для взора с высоты птичьего полёта; лилово-красное небо, опрокинутое в Байкал, а может быть, просто Байкал, отражающийся в небе; запах только что рождённого во чреве славного моря ветра, настоянного на таёжных травах, перемешанного с дымком близ чадящих коптилен – всё создавало иллюзию вечного покоя и умиротворения.

Но ничего этого не чувствовали пассажиры, находящиеся внутри поезда-гусеницы. Для них электропоезд мчался на всех парусах по Восточно-Сибирской железной дороге России. В вагоне царил полумрак: верхнее освещение ещё не включили, а так как в ноябре уже достаточно рано вечерет, немногочисленные пассажиры были вынуждены сумерничать. Книги и газеты почти у всех были наготове, но читать их было невозможно. Кто-то негромко разговаривал друг с другом. Большинство рассеянно смотрели в окна. В них, как в калейдоскопе, с удивительной скоростью менялись городские и сельские картинки вечерних пейзажей. Пронзённые трассерами придорожных фонарей, они вспыхивали на мгновение, как спичка на ветру, и тут же таяли вдали. Если глядеть долго неотрывно на это летящее светящейся стрелой время, может показаться, что вагон стоит на месте, а его раскачивает промозглый зимний ветер. А деревья, птицы, автомобили, скрюченные от холода люди стремительно несутся куда-то мимо, забывая даже взглянуть на застрявший в вечности одинокий вагон.

Около одного из таких окон сидел мужчина неопределённого возраста с копной взлохмаченных волос. На нём была потрёпанная парусиновая куртка защитного цвета. Рядом лежала бесформенная вещь, отдалённо напоминающая дорожную сумку. Мужчину можно было бы принять за бездомного бродягу, если бы не его опрятное неспитое лицо,

сохранённое двумя выразительными серыми глазами, обрамлёнными длинными ресницами.

Он сосредоточенно смотрел в одну точку куда-то сквозь окно. Но лицо его не казалось застывшим или оцепенелым. Напротив, оно хранило следы души человека переболевшего, но не испепелённого отчаянием. Такими просветлёнными обычно изображают на иконах лики у святых. Но это был человек! И его лицо, а не лик выражало какую-то мысль и, казалось, жило совершенно отдельной жизнью от всего, что его окружало. В том числе от скромной одежды, в которую было упаковано его тело, от трёхдневной серебристой украшавшей его щетины, от желудка, в котором вот уже который день не было маковой росинки. Наконец, от собственного сознания, приведённого в состояние умиротворения и душевного покоя.

Эта независимость была своеобразным вызовом всем и вся. Достаточно было беглого взгляда на этого человека, чтобы подсознательно понять, что он не от мира сего. И тогда возникало двойственное чувство: с одной стороны, любопытство, а с другой, какое-то неприятное чувство наподобие страха. Словом, человек, так отчаянно спрятавшийся в тайнике своей души, воспринимался в лучшем случае нездоровым, потерявшимся, заплутавшим среди людей... Его жизненный путь пролегал далеко от проторённых человечеством троп, которые приводят к понятным для них земным вещам: семье, деньгам, славе, карьере и т. п. Он был не похож на многих из них. И по этой банальной причине, которую можно назвать необъяснимостью, он и подобные ему в человеческом обществе воспринимаются как некая опасность. Опасность их для окружающих заключается в непонятности, которая угрожает спокойствию общества своей непредсказуемостью. Именно про таких темнышей, которые сами себе на уме, в народе почти испуганно говорят: «Чужая душа – потёмки»...

Такой человек как осколок метеорита, блуждающего в космосе, который готов по причине своей отчуждённости в любой момент сгореть в атмосфере ближайшей планеты и выполнить тем самым не понятную для него функцию зарождения чего-то нового и незнаемого. Словом, от него можно ожидать чего угодно. И только от одной этой мысли у нормального человека пробегают мурашки по коже...

Вместе с тем эта его обречённость на преждевременную гибель придаёт всему облику такого человека непостижимую торжественность. Его инаковость вызывает не жалость, а восторг перед тем, кто бросил вызов обстоятельствам и имеет силу духа быть выше их, а значит, и выше всех, кто этими обстоятельствами не смеет пренебрегать.

Разумеется, всё вышесказанное не обозначало того, что люди в вагоне разбежались от нашего героя врассыпную. Просто, несмотря на достаточную скученность пассажиров, «купе», в котором сидел этот человек, оставалось пока пустым. И, надо полагать, только крайние обстоятельства могли побудить кого-то сесть рядом или напротив него.

А между тем обыкновенная человеческая жизнь во всех своих банальных проявлениях довольно интенсивно длилась вокруг этого

человека, как бы лишний раз подчёркивая его никчёмность. Кто-то из женщин довольно громко, не стесняясь окружающих, сетовал на своего гуляку-мужа. Балагур около одного из выходов в тамбур травил анекдоты, на которые зычным смехом реагировала компания людей среднего возраста. Яснолицая девушка за спиной нашего героя застыла над раскрытой книгой, по-своему отрешившись от всех окружающих. В её широко раскрытых глазах отражалась какая-то романтическая история, переживание которой почти стёрли с её лица очаровательные веснушки, а локоны светлых волос, ручейком стекавшие на мраморные плечи, вздрагивали всякий раз, когда она доходила в своём чтении до особенно «переживательного» момента в книге. Один из пассажиров и вовсе преспокойно дремал, прислонившись головой к раме вагонного окна.

Так продолжалось до тех пор, пока не раздался дробный аккорд шестиструнной гитары. Мужчина перевёл взгляд на вагонную дверь. В её проёме показался уличный, а лучше сказать, вагонный певец. Бард начал исполнять песню. Впрочем, её содержание явно не заинтересовало никого и меньше всего мужчину. Зато сам певец площадей явно был колоритной фигурой. Его чёрное пальто выглядело так, как будто он только что взял его из театральной костюмерной. Этот эффект усиливало дорогое тёмное сукно и его длина: пальто было музыканту почти до пят. Из-под чёрной широкополой шляпы на сильные плечи струились волнистые русые волосы, гладко выбритое лицо венчали шикарные синие глаза. Бард мог бы не напрягать зря свои голосовые связки: с такой внешностью ему было не суждено затеряться даже в толпе. А хорошо поставленный голос, озвучив мало-мальски правдоподобную легенду о причине бедствования, несмотря на явно диссонировавший с этой легендой костюм, способен был, подобно магниту, вытягивать монеты самого дорогого достоинства из карманов прохожих, а в данном случае пассажиров. Особенно у слабой половины человечества, склонной к сентиментальности и красивым мужчинам.

Но бард честно спел свою песню. Элегантно снял шляпу со своей царственной головы и величаво зашагал между вагонных лавок, учтиво, с достоинством кивая каждой сверкнувшей в руках пассажиров монете. Когда он чуть приостановился около мужчины, последний инстинктивно начал шарить рукой по своим пустым карманам.

– Не суетись, старик, – негромко остановил его незнакомец и непринуждённо присел рядом.

Мужчина сказал глазами «спасибо» и, скорее из вежливости, тоже почему-то негромко спросил:

– Вы поёте песни своего сочинения?

– А разве кто-то способен что-то сочинить сам? – вопросом на вопрос ответил певец.

– Да. Действительно... – с готовностью подтвердил мужчина.

Нельзя сказать, что ответ барда был оригинален. Мужчина и сам частенько задумывался над этой проблемой. Но слова эти были как пароль, по которому два человека узнают друг в друге родственную душу.

– Конечно, поэт прав, сказав, что рукописи не горят, но продаются – точно! Я бы, например, купил то, что лежит в вашей сумке.

Мужчина непроизвольно пододвинул ближе кладь, оставив лежать неподвижно, как надёжный замок, на ней свою смуглую руку. И спросил то ли самого себя, то ли незнакомца:

– А разве душу можно продать?

– Конечно, нет. Этого сделать не смог даже Фауст. Но люди во все времена об этом мечтали и продолжают мечтать. И хотя однажды вы заметили, говоря о них и о себе:

*Ведунья осень! Загляни к нам в лица!
Я взгляд тревожный твой люблю!
Устали убивать. Устали и молиться.
Устами не развернешь мглу!*

...Они, да и вы тоже тайно, со сладостным вожделением, устав от одиночества, душевного и телесного мытарства, мечтаете об этом!

Любому другому за эти слова от мужчины явно бы не поздоровилось. Это было ясно уже по одному тому, как он резко вскинул на незнакомца глаза и стал его вызывающе, в упор, разглядывать. Их глаза встретились. Так встречаются молния и мгла. Ветер и парус. Вода и раскалённая добела сталь.

Но ничего не произошло: ни дерзкого слова, ни безумного действия. В груди у мужчины словно начал таять холодный ледяной комок. Появилось ощущение, будто он разделся догола и медленно погружает своё озябшее тело в ванну с горячей водой.

Он расслабился и, прикрыв глаза, почти про себя произнёс:

– Проблема заключается в том, как нечто неосоздаемое, неуловимое превратить в предмет торга...

– Ну, решайтесь же! Это ваш шанс!

Мужчина, собрав всю свою волю в кулак, встряхнул потерявшее бдительность тело. Так ныряльщик после длительного погружения спасительно разрывает последние сантиметры прозрачной ткани воды.

– Вы не смеете... – стиснув зубы, чуть привставая, сделав медленное движение в сторону «барда», выдавил из себя мужчина.

Вдруг за его спиной возникла забавная веснушчатая физиономия молоденькой девушки, той самой, которая ещё несколько минут назад так увлечённо читала книгу. Она неожиданно бесцеремонно заверещала:

– Ой, у меня, конечно, денег нет, но вот – не хотите ли яблоко! – обратилась она к барду. – Уж сильно песня у вас была забойная! – искренне восхищалась она, протягивая румяный плод прямо к носу певца.

Он на реплику девушки даже ухом не повёл, так, как будто её вовсе не было рядом. Зато наш герой, как будто очнувшись от какой-то спячки, очень даже её увидел и буквально выхватил яблоко у девушки из рук.

– Хотим! Ещё как хотим! – радостно и неестественно бодро проснувшимся голосом пробасил он. И уже явно не с наигранным

аппетитом «хрустнул» им так, что даже ароматный сок брызнул на его руки, распространив по вагону приятный терпкий запах уже забытого лета.

– Ну, вот! – разочарованно, но как-то спокойно, по-барски откинувшись на спинку кресла, констатировал незнакомец. Вы остаётесь верным себе. И хотя один верный человек вас уже давно предупредил, что женщины вас погубят, продолжаете опасную игру по правилам, выдуманном вами ещё двадцать пять лет назад. Если я не ошибаюсь, они были сформулированы примерно так:

*Безумство стихов, безумство любви
Без умысла – не безрассудство.
И опять бессовестно поэты правы,
Несмотря на беспутство и бесприютство...*

– Я им, – продолжал он уже несколько отрешённо, – можно сказать, полмира предлагаю, а они, как всегда, предпочитают ВСЕМУ запретный плод!

Все участники импровизированной беседы дружно засмеялись. Особенно звонко и непринуждённо делала это девушка, чьё не запятнанное сомнениями светлое лицо словно осветило всё и всех вокруг. И как бы в подтверждение этому машинисты наконец-то включили верхнее освещение, отчего все пассажиры в зале на мгновение зажмурили глаза. В том числе и наш герой. Когда же он их открыл, барда рядом уже не было. Сие удивительное обстоятельство не ускользнуло и от внимания девушки.

– Ой... – слегка побледнев, выдохнула она, прикрыв рот красным вязаным шарфиком, как будто боясь, что кто-нибудь услышит её удивлённый шёпот.

Мужчина заговорщицки подмигнул ей, продолжая как ни в чём не бывало уплетать сочное яблоко. И когда удивление и растерянность мало-помалу растаяли на лице девушки, он окончательно успокоил её совсем простой, но ясной как день фразой:

– Ох, и вкусная же эта штука – жизнь!

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Милые мои Иннокентий и Катерина!

Обращаюсь к вам как живой к живым. В течение долгих лет, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, я не мог решиться, как закончить свою повесть, пока не понял, что это скорее поэма, у которой помимо моей воли и, главное, разума – своя логика развития событий. В

отличие от прозы, поэзия не столько создаётся автором, сколько создаёт его. Менялось время. Менялся я. Но вы всегда были и теперь уже навсегда останетесь в сердце моём.

В минуты отчаяния и личных неудач я приговорил вас к преждевременному уходу из жизни, не видя выхода в сложившихся и в повести, и в моей личной жизни обстоятельствах. Это была непростительная минута слабости: никто не имеет права лишать жизни другого человека, даже если этот человек литературный герой...

Сомнения меня гложут и до сих пор: пощадив вас и себя, я разлучил влюблённых. Конечно, это негуманно. Одна надежда питает душу: никогда вы не покинете сердец друг друга, а вы оба – моего...

Поверьте, если это вам как-то поможет: мне больно от вашей разлуки не меньше, чем вам. Вы давно уже стали частью меня. Разлучая вас, я разлучаю, а точнее, рву свою душу на части. Не знаю почему, но чувствую, что это необходимо мне так же, как и вам.

Я так же, как и вы, не всё понимаю в этой жизни. Но меня почему-то это не пугает, а, скорее, радует. Кажется, мне удалось сохранить свой ПУТЬ, и пусть пока ещё не до конца, но выполнить своё предназначение.

Может быть, как и двадцать лет назад, когда впервые увидел вас во сне, я немножечко схожу с ума... Но мне теперь это чудится не смертью, а возрождением. Причём не только меня, но и вас... И что самое удивительное, происходит это в том же месте и в такое же время суток и года. Всё заканчивается именно там, где и начиналось. Да и заканчивается ли?

Словом, я вас и всех остальных героев, кто жил вместе со мной в этой поэме, отпускаю на волю. Такую же свободу дарю и себе. Живите так, как у вас сложится судьба. Я не вправе больше держать вас взаперти своего сознания и подсознания. Жизнь всё излечит, всё поправит и поставит на свои места.

Саян станет большим умным и красивым псом. Вы, Иннокентий, издадите свою книжку и, разобравшись в судьбе, возможно, вернётесь к Кате. Вам просто необходимо время, чтобы ещё лучше понять себя и мир, в котором нам всем выпало всё-таки, несмотря ни на что, счастье жить. К тому же, вы уже поняли, что ОНА это и есть ваша жена. А такая любовь не умирает в душе бесследно. Она способна помочь человеку выдержать и большие трудности в жизни. Впрочем, как это произойдёт, если произойдёт вообще, я не знаю...

А вы, Катенька, может быть, встретите своего верного друга в жизни, а может быть, к вам вернётся Иннокентий, и тогда вам будет необходимо его понять и простить. Ведь, в конечном счёте, тот прежний Иннокентий действительно умер, в этом смысле поминки были настоящие. Иннокентию, который выбрал другой путь в своей жизни, придётся очень непросто... Ещё неизвестно, как он справится с ролью поэта. История, в том числе и российской литературы, знает немало примеров, когда такая высокая духовная миссия ломала очень сильных духом и телом людей. Будем все вместе надеяться, что этого не случится.

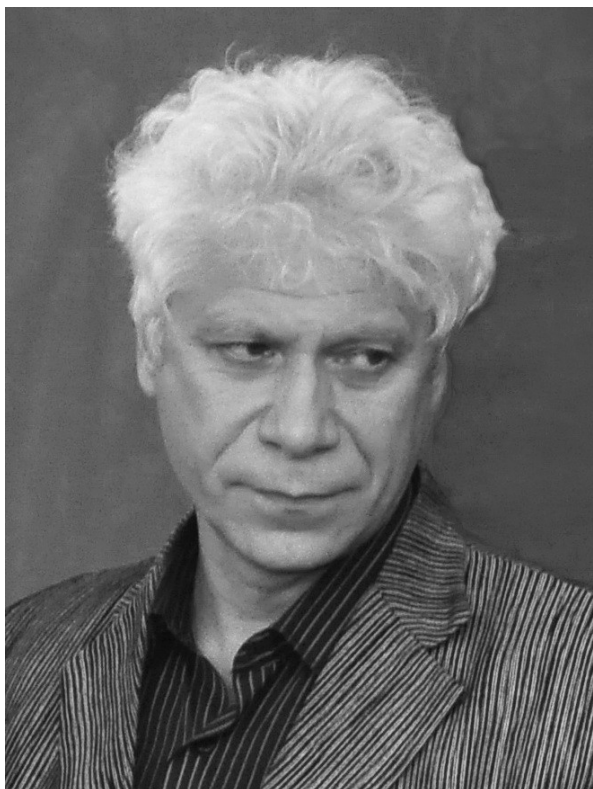
Помните, разлучая вас, я не хотел никого обидеть или унижить, но такова поэзия и такова жизнь. Для меня это, как однажды сказал поэт, одно и то же, только форма разная. Простите, если что-то в нашем двадцатилетнем блуждании во снах и яви было не так.

**С уважением,
соавтор вашей жизни**

А. Гордин.

***Слюдянка – Усолье-Сибирское – Иркутск – Слюдянка
(1997-2017 гг.)***

Краткие сведения об авторе

Гордин Александр Иннокентьевич родился в 1958 году, с 2000 года - член Союза журналистов России; лауреат премии общественного фонда «Творческая интеллигенция – школе» XVI Всероссийских педагогических чтений, посвящённых 100-летию М. И. Цветаевой (1993 г.); кандидат педагогических наук; доцент; доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ИГУ; доцент кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ.

А. И. Гордин – автор сборников стихотворений «Скрипка дерева» (2007 г.), «Ночной приют странников» (2007 г.), «Язык шершавый сумрака» (2009 г.), «Голос ослепшей птицы» (2011 г.), «Предчувствие» (2015 г.), «Уроки поэзии» (2018 г.); брошюры «Восхождение (2005 г.) о творчестве Марины Цветаевой; научно-популярных эссе и литературоведческих исследований

«Духовидец» (религиозно-философское осмысление действительности в творчестве Николая Клюева), «Реквием» (гражданская лирика Анны Ахматовой), «В поисках смысла слова» (методологические проблемы изучения литературы как одного из способов познания мира), «REINTEGRATIO» (проблемы публицистического мировосприятия в русской литературе); более 60 научных публикаций, в т. ч. семи монографий (среди которых «Себя забывший бог»: педагогический потенциал поэзии М. Волошина – 2006 г.) и семи учебно-методических пособий («Искусство мыслить» – 2014 г., «Информационная социализация» – 2016 г. и др.); а также нескольких сотен художественно-публицистических статей на разные темы, опубликованных в различных газетах и журналах Иркутской области в период с 1985 по 2018 год.

Имеет многолетний опыт работы в сфере неформального и информального образования взрослых. В разное время возглавлял литературное объединение г. Усолья-Сибирского (1986-1989 гг.), молодёжную редакцию «Будушел» (1993-2000 гг.), Усольское отделение Союза журналистов России (2000-2006 гг.). Был литературным сотрудником газеты «Ленинский Путь» (1985-1988 гг.), главным редактором кабельного телевидения «Эхо» г. Усолья-Сибирского (1989-1991 гг.), а также редактором и издателем газет, выходивших в свет на территории Иркутской области: «Свеча» (усольский вариант, 1997-2000 гг.), «Усольские новости и мировые репортажи» (2000-2003 гг.), сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» (2001-2003 гг.), которая является лауреатом и победителем нескольких всероссийских и межрегиональных конкурсов профессионального журналистского мастерства. Главный редактор общественно-литературной газеты «Народное обозрение» (2007-2012 гг.). Главный редактор художественно-публицистического альманаха «Родные берега» (2014, 2017 гг.),

научно-популярного и художественно-публицистического альманаха «Народное обозрение» (2014, 2015, 2016, 2018 гг.).

С 2005 г. Александр Иннокентьевич принимает участие в реализации сетевого проекта «Обучающийся регион». При поддержке Российского гуманитарного научного фонда осуществлял исследовательский проект «Традиции неформального образования взрослых в сибирской печати и пути их актуализации в современной России» (2007–2009 гг.). Является одним из региональных координаторов организации акции ЮНЕСКО «Неделя образования взрослых» в России (г. Иркутск – 2007 г.). А также одним из создателей Высшей народной школы г. Иркутска (ВНШ), руководителем литературного клуба ВНШ, членом совета директоров ВНШ.

На фото Александры Бендер: А. Гордин в момент окончания работы над поэмой (2017 г.)

ГОРДИН
Александр Иннокентьевич

**НЕЗНАЕМОЕ
ПОЛЕ
(ПОЭМА)**

Фото: И.Дорохова, А.Бендер.
Рисунки: М. Шемякин, С.Загаровский и
неизвестные интернет-художники.
Компьютерная вёрстка: А. Гордин
Литературное редактирование: М. Липина

Подписано в печать 10.04.2018. Формат 60х90 1/16 Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 8,38. Тираж 150 экз. Заказ 218.

Изготовлено в ООО Типография «Иркут»,
г. Иркутск, ул. Новаторов, 3, тел.: 48-17-53,
ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел.: 203-523, 540–940.